

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Рус- R U S S I A N СЛОВА S P E E C H РЕЧЬ

2026

НОЯБРЬ—
ДЕКАБРЬ

НАУКА
— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Заместители главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Заведующая редакцией: **М. А. Пузина**

Заведующие отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

© Российская академия наук

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

2026

NOVEMBER—
DECEMBER

НАУКА
— 1727 —

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS),
Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Znadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind
peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya
(RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian
Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow,
119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru

Website: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *Е. В. Колесникова, А. В. Малышева.* «Словарь говоров старообрядцев Южной Америки»: диалектный словарь нового типа
- 21..... *Д. А. Стойка.* Особенности реализации прагматического маркера *как его (ее/их)* в устной спонтанной речи (просодический и социолингвистический аспекты)

Из истории русского языка

- 35..... *Л. А. Трахтенберг.* Теория трех стилей и лексика русской поэзии XVIII в.: *ночь и ночь*

Язык художественной литературы

- 45..... *Н. А. Николина, З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева.* Мифонимы в метафорах и сравнениях современной русской прозы
- 59..... *А. В. Петров.* Языковая репрезентация образа белых ночей в прозе Николая Жернакова
- 72..... *А. В. Романтовский.* Концептуальная метафора зеркальности в художественной интерпретации футурологии (на материале романа В. О. Пелевина «КGBТ+»)
- 85..... *О. Р. Ростов.* «Вот погляди, каков я франт!»: о смысловом наполнении образа Любима Торцова в пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок»
- 98..... *С. А. Скуридина, Н. Б. Бугакова.* Мифопоэтическое пространство бани в художественных текстах Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова

Из истории науки

- 111..... *В. М. Алпатов, О. В. Никитин, Н. В. Патроева.* Забытая статья Д. Н. Ушакова о В. И. Дале (к 225-летию со дня рождения)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7 *Elena V. Kolesnikova, Anna V. Malysheva.* “The Dictionary of Old Believer Dialects in South America”: A New Type of a Dialect Dictionary
- 21 *Daria A. Stoika.* Realization Features of the Pragmatic Marker *Kak Ego (Eyo/Ikh)* in Oral Spontaneous Speech (Prosodic and Sociolinguistic Aspects)

From the History of the Russian Language

- 35 *Lev A. Trakhtenberg.* Theory of Three Styles and Lexis of Russian 18th-century Poetry: *Noch’* and *Noshch’* ‘Night’

The Language of Fiction

- 45 *Natalia A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova, Natalia A. Fateeva.* Mythonyms in Metaphors and Similes of Modern Russian Prose
- 59 *Andrey V. Petrov.* Linguistic Representation of the Image of White Nights in the Prose of Nikolai Zhernakov
- 72 *Alexander V. Romantovskiy.* Conceptual Metaphor of Mirroring in the Artistic Interpretation of Futurology (on the Material of V. O. Pelevin’s Novel “KGBT+”)
- 85 *Oleg R. Rostov.* “Look At Me, What a Dandy I Am!”: on the Semantic Content of the Image of Lyubim Tortsov in the Play By A. N. Ostrovsky “Poverty Is No Vice”
- 98 *Svetlana A. Skuridina, Nadezhda B. Bugakova.* The Mythopoeic Space of the Bathhouse in the Literary Texts of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov

Science and Persons

- 111 *Vladimir M. Alpatov, Oleg V. Nikitin, Natalia V. Patroeva.* D. N. Ushakov’s Forgotten Article About V. I. Dahl (On the 225th Anniversary of His Birth)

«Словарь говоров старообрядцев Южной Америки»: диалектный словарь нового типа

Елена Валентиновна Колесникова¹, Анна Викторовна Малышева², Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)^{1,2}, el.kolesnikova@bk.ru¹, annamalyis@mail.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826060014

АННОТАЦИЯ: В публикации представлено описание «Словаря говоров старообрядцев Южной Америки с историческими и лингвогеографическими данными». Идея создания этого словаря принадлежит выдающемуся исследователю старообрядческих говоров О. Г. Ровновой, которая собрала обширный материал по говорам староверов, живущих в Чили, Аргентине, Боливии, Уругвае, разработала концепцию и опубликовала первые 716 словарных статей. К настоящему времени словник значительно расширен и включает более 3000 единиц, иллюстративный материал обогащен новыми контекстами, в лексикографическое описание добавлены новые зоны. В материалах словаря отражены лексические диалектизмы, общерусская лексика, имеющая отличия от современного русского литературного языка в области акцентологии, морфологии, синтаксиса, лексической семантики, лексической и синтаксической сочетаемости, стилистической окрашенности и др., а также конфессиональная лексика, фразеологизмы, поговорки, инославные слова. Необычен для диалектного словаря зонный принцип организации словарной статьи. Уникальность рассматриваемого лексикографического свода заключается в наличии информации о распространении лексики в говорах русского языка, исторического комментария и сведений о языке-источнике (для заимствованных слов), а также в особом способе подачи фразеологической единицы. Статья включает краткие сведения о переселении старообрядцев-часовенных в страны Южной Америки в середине XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектная лексика, диалектная лексикография, словарь говоров старообрядцев Южной Америки, заимствования, языковые контакты

для цитирования: Колесникова Е. В., Малышева А. В. «Словарь говоров старообрядцев Южной Америки»: диалектный словарь нового типа // Русская речь. 2026. № 6. С. 7–20. DOI: 10.7868/S3034592826060014.

благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01818, <https://rscf.ru/project/24-28-01818/>.

Issues of Modern Russian Language

“The Dictionary of Old Believer Dialects in South America”: A New Type of a Dialect Dictionary

Elena V. Kolesnikova¹, Anna V. Malysheva², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)^{1,2}, eL.kolesnikova@bk.ru¹, annamalys@mail.ru²

ABSTRACT: The article provides a description of the “Dictionary of Old Believer Dialects in South America”. The idea for this lexicographic resource was proposed by an eminent Old Believer dialect researcher, Olga G. Rovnova, who began processing her field material and published the first 716 dictionary entries. The article reflects the next stage in the dictionary’s development, with the vocabulary currently comprising over 3,000 entries. The publication contains a general description of the dictionary’s structure, as well as some examples of the lexicographic description of individual lexical items. This lexicographic set is considered unique as it contains information about the diffusion of lexical items in the dialects of Russian, historic commentary, data on the source language (for borrowed words), and a special manner of presenting phraseological units. The zonal principle of organising dictionary entries is unusual for a dialect dictionary. The dictionary materials reflect lexical dialectisms and the All-Russian lexicon which differs from Standard Russian in terms of accentology,

morphology, syntax, lexical semantics, lexical and syntactic combinability, stylistic nuances, etc. They also include confessional lexicon, phraseological units, paroemias, and foreign words. The article also touches upon the migration of the Chasoveny Accord Old Believers to South America in the mid-20th century.

KEYWORDS: dialect lexicon, dialect lexicography, Dictionary of Dialects Used by the Old Believers of South America, borrowings, language contact

FOR CITATION: Kolesnikova E. V., Malysheva A. V. "The Dictionary of Old Believer Dialects in South America": A New Type of a Dialect Dictionary. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 6. Pp. 7–20. DOI: 10.7868/S3034592826060014.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01818, <https://rscf.ru/project/24-28-01818/>.

Памяти О. Г. Ровновой

Русский язык за пределами России бытует не только в литературной, но и в диалектной разновидности. Диалектные особенности устойчиво сохраняются в говорах староверов, живущих в Белоруссии, Украине, Молдове, Азербайджане, Румынии, Болгарии, Турции, Эстонии, Литве, Польше, Казахстане, США. Язык русских конфессиональных групп зарубежья стал предметом многих научных исследований [Касаткин, Касаткина, Никитина 2000; Касаткин 2013; Плотникова (отв. ред.) 2019; Ровнова 2022; Рахимова 2025 и др.].

Старообрядцы южноамериканских стран, а также США и Канады связаны между собой родственными, культурными, экономическими, религиозными и языковыми отношениями. В конце 1920-х — начале 1930-х годов их предки бежали из Советского Союза в Китай. Группа староверов, которая эмигрировала с Дальнего Востока в Харбин (Маньчжурия), получила название «харбинцы». Другой поток переселенцев («синьцзянцы») следовал с Казахстанского Алтая горным путем в Западный Синьцзян. В Китае эти две группы жили изолированно, не пересекаясь. Свои «коллективные прозвища» они получили позже, в Гонконге, при новом переселении в страны Латинской Америки. Причиной бегства староверов в 50-х годах XX в. из социалистического Китая стали новые государственные реалии — коллективизация и обязательная военная служба. Большая

их часть разместились в Аргентине и Бразилии, откуда позже они переезжали в другие страны Южной Америки, США и Австралию. Переселению старообрядцев, их быту, традиционному укладу, культуре и хозяйственной деятельности посвящены исследования [Дынникова 2002; Моррис, Моррис 2010; Аргудяева 2013 и др.].

Староверы, проживающие в странах Латинской Америки, трепетно сохраняют родной язык, относятся к нему как к величайшей святыне, гордятся тем, что сохранили свою «испоконную», «неисковерканную» речь. Работа по изучению языка и культуры староверов Южной Америки была начата Ольгой Геннадьевной Ровновой (1960–2022), ведущим научным сотрудником Отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в 2006 году. В течение 2006–2008 и 2010–2014 гг. она организовала несколько масштабных экспедиций в старообрядческие общины Аргентины, Боливии, Бразилии и Уругвая, в ходе которых был собран обширный архив аудиозаписей речи старообрядцев-часовенных, проживающих на данных территориях. Ольга Геннадьевна представила научному сообществу уникальные данные о поселениях и хозяйственной деятельности староверов Южной Америки, их вере, обычаях и обрядах, одежде и быте. Но особое внимание она уделила анализу языковых особенностей говоров, специфике этнонимов, антропонимикона и некоторых других групп лексики.

В 2015 г. О. Г. Ровнова подготовила к публикации книгу аргентинского старовера «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» — уникальный опыт литературного творчества на русском диалектном языке [Зайцев 2015]. Эта работа во многом способствовала возникновению идеи создания словаря: «Работа над подготовкой книги к изданию открыла мне богатство, разнообразие и высокую сохранность словарного состава говора южноамериканских старообрядцев и подтолкнула к мысли о том, что он должен быть представлен в виде самостоятельного лексикографического труда...» [Ровнова 2022: 178]. К сожалению, О. Г. Ровнова рано ушла из жизни, не завершив задуманные научные проекты.

В монографии [Ровнова 2022] была разработана структура словаря и опубликованы первые 716 словарных статей (подробнее о монографии см.: [Пилипенко 2022]). Мы продолжаем работу, начатую нашей коллегой: на сегодняшний день словник составляет более 3000 единиц, к публикации подготовлено порядка 1500 словарных статей, включающих лексику разных тематических групп, 550 словарных единиц иностранного происхождения уже опубликованы [Колесникова, Малышева, Игнатова 2025]. Словник постоянно пополняется, продолжают расшифровки записей экспедиционных материалов О. Г. Ровновой. Одним из основных источников словаря остается книга Д. Т. Зайцева и живое общение с ним.

Мы очень благодарны Даниле Терентьевичу за неизменную готовность прокомментировать непонятные контексты, привести пример употребления слова, разъяснить тонкости конфессиональной культуры и традиций староверов.

Богатство лексического материала представлено в «Словаре говоров старообрядцев Южной Америки» (далее — СГСЮА) разными группами лексики. Так, в речи староверов обнаруживаются лексические диалектизмы, широко распространенные в разных русских диалектах, например *ба́стенько* ‘красиво’ (лексема отмечена в вятских и пермских говорах): *А как вот эти она платки, это йшо не так ба́стенькя; бойчи́ться* ‘шалить, озорничать’ (отмечена в орловских и воронежских говорах): *Фотий, перестань бойчи́ться! Иди ко́ло мамы стань, смотри и не бойчи́ся* (об описании географического распространения лексемы в отдельной зоне словарной статьи см. ниже). В словарь включается также общерусская лексика, обладающая теми или иными особенностями функционирования. Это могут быть отличия в области лексической семантики, лексической и синтаксической сочетаемости, стилистической окрашенности, например слово *величество* в говоре старообрядцев имеет значение ‘количество’: *Их, знашь, интересует вели́чество, качество товара; На каждую семью давали по пятьдесят гектар земли, один трактор с инструментом, матерьял для домов и зарплату на каждую семью, по вели́честву детей*. Фиксируются также отличия в области акцентуации: *абори́ген* ‘коренной житель какой-л. страны Латинской Америки’, словообразования: *арестова́ние* ‘заключение под стражу, арест’, *арките́кт* ‘архитектор’ и др.

Религиозная лексика, связанная с конфессиональной принадлежностью староверов, их духовной жизнью, верой, традициями, является неотъемлемой частью говора старообрядцев, поэтому она рассматривается в полном объеме, вне зависимости от наличия диалектной специфики. Приведем примеры:

бес ‘злой дух’. В монастырях *бесные* есь, *бес* живёт в ём, и (в)от он всё рассказыват. Иосиф уехал в монастырь. В ём *бес* есь. Знашь, как припадошной: он наишёт, *бес*, мучить, пены текут из рóту, всё это, он мучит его, мучит;

бра́тия ‘община старообрядцев-часовенных в Южной Америке’. Я решил собрать собор. На соборе вся *бра́тия* заступились за нас: *о́не* всё видели, как мы жили. [...] Тесть на все упрёки отвечал: «Я ничего не знал, почему мне не сообщил?» Но тут *бра́тия* вмешалась: «Как так? Вся деревня знала, а ты не знал? Это лукавство». Но тесть стоял на своём. Подошло к тому, что мы свободны, но за то, что я кушал с миром (то есть принимал пищу совместно с людьми других конфессий), заставили сходить на покаяние, а то принимать в *бра́тию* не будут.

Словарь фиксирует фразеологизмы и их варианты, не отмеченные в современном русском литературном языке, например: *белый свет клином стал* 'о ситуации, когда что-то является единственно возможным, желаемым, приемлемым'. Она видела, как обращаются Чупровы с братом, стала говорить: «Что тебе, Степан, **белый свет клином стал**? Да пошли вы все подальше! Поехали в Аргентину, и будешь жить как человек».

Поскольку говоры старообрядцев Южной Америки находятся в иноязычном окружении, диалектоносители постоянно заимствуют лексику из языков тех стран, на территории которых они проживают, например: **ви́ррей** 'вице-король' (исп. *virrey* — вице-король, наместник); **гурí** 'ребенок' (исп. *gurí* — ребенок, мальчик-индеец; из языка индейцев чарруа — ребенок, малыш); **гусáн** 'гусеница, червяк' (исп., порт. *gusano* — червяк); **депредиáдор** 'хищник' (исп. *depredador* — хищник); **кашáса** 'крепкий алкогольный напиток, получаемый из сахарного тростника, национальный напиток Бразилии' (порт. *sachaça* — водка из тростникового сахара); **ли́ша** 'емкость для мусора' (порт. *lixo* — мусор) и др.

Словарная статья в СГСЮА организована по зонному принципу. Каждая из зон содержит один вид сведений о слове — о его семантике, морфологии, синтаксисе, производных словах, синонимах и антонимах. Подобный принцип словарного описания применяется во многих современных лексикографических сводах, среди них «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [Апресян (ред.) 2004], «Толковый словарь русской разговорной речи» [Крысин (ред.) 2014], «Активный словарь русского языка» [Апресян (отв. ред.) 2014]. Зоны словарной статьи СГСЮА разделяются специальными метками, которые указывают на характер сведений, содержащихся в каждой зоне: ЗАГоловочное слово (слово как объект описания в данной словарной статье), DEF (толкование и иллюстративные примеры), MORPH (морфологические сведения), SYNT (сведения о синтаксических характеристиках слова), STYL (стилистические пометы), CULT (культурно-историческая и этнографическая информация), DER (сведения о производных словах), SYN (синонимы), ANT (антонимы), PRAGM (специфика употребления слова в речи), GEO (лингвогеографическая характеристика), HIST (исторический комментарий), FROM (сведения о языке-источнике, для иностранных лексем).

Своеобразие иллюстративного материала состоит в том, что в основе его лежат не только аудиоматериалы, записанные во время экспедиций в старообрядческие поселения Южной Америки, но и фиксации устных и письменных сообщений в мессенджерах, разговоров со старообрядцами по телефону. Необычно для диалектного словаря и привлечение письменного источника — книги Д. Т. Зайцева, написанной на сибирской разновидности говора; эти данные составляют значительный пласт иллюстративных примеров. Цитаты из книги приводятся в точном соответствии

с публикацией, сопровождаются ссылкой, которая имеет указание на источник (ПЖ), год издания (2015) и помету (снц.) — синьцзянский, что означает говор, к которому относится носитель. Приведем пример подачи иллюстративного материала в словарной статье *брáзгаться* ‘вести себя распущенно, нарушая закон христианской жизни’: *Интересно, как люди теряют страх Божий. Выпиваем, кушаем все вместе, приходим в молénну, все молятся вместе, а я опять поганый. Старики стали меня гонять, презирать и называть пьяницей, но я знаю, что перед Богом я не лицемер и не двоудушный. Мужики вызнали, что я не предатель, и всегда со мной по-хорошему были. Молодёжь тоже брáзгалась, их наказывали, а онé снова повторяли.* ПЖ. 2015. снц.

Цитаты из расшифровок аудиозаписей диалектной речи приводятся в стандартной орфографии с сохранением некоторых диалектных особенностей и сопровождаются ссылкой на название страны записи (АРГ — Аргентина; БЛВ — Боливия; БРЗ — Бразилия; УРГ — Уругвай), год записи и говор, к которому относится носитель: синьцзянский (снц. — диалектоноситель-мужчина; снцк. — женщина); харбинский (хрб. — диалектоноситель-мужчина; хрбк. — женщина), например, в словарной статье глагола *вы́пятиться*: *Я, говорит, тихо́ньки подхожу [...] подполз к костру-то и вот это-то слышу [...] тихо́ньке вы́пятилса, ушёл дальше.* АРГ. 2012. снцк. Материал аудиозаписей личных бесед с Д. Т. Зайцевым содержит, помимо этого, указание на инициалы информанта (ДТЗ): *У синьзя́нцев и харби́нцев есть малёньки ра́зница по назва́ниям. У синьзя́нцев был всего один и дру́жка, и всё. Это получается пра́вая рука жениха, который водит их по всему обря́ду: на венéс, на духо́вны столы́, на сва́дьбе, на покло́ны, это все они от дру́жки не отхо́дят ни на шаг. Всё с моли́твой, все вместе, покáмесь не поло́жат спать. И у́тром подыма́ют то́же дру́жка со сва́хами. И тогда уже освобождаются молодё́е. И уже тогда са́ми хозяева́ ходят и угоща́ют гостей и так далее. И больше у нас ничего не было у синьзя́нцев, дру́жка, и всё. У харби́нцев называется ты́сячка, за́мёсто дру́жки. И он именно всё это де́лат. У харби́нцев дру́жка — это второе лицо, которое работа́ет на посылу́шках у ты́сячки (...) У синьзя́нцев дру́жка за всё отве́щает, у его помощников никаких нету, он всё решат сам. У харби́нцев ты́сячка как именно занима́ется молодё́ими, а дру́жка у него помощник на посылу́шках, вот и всё.* ДТЗ. 2024. снц.

Зоны заголовочного слова, DEF и MORPH обязательны, они есть в каждой словарной статье. Остальные зоны факультативны: они заполняются при наличии соответствующей информации о слове и условиях его употребления. Продемонстрируем некоторые из этих зон, которые определяют своеобразие словаря и его отличие от других лексикографических сводов диалектной лексики. Наличие этих зон обусловлено необходимостью

отразить особенности исследуемого конфессионального идиома и специфику его бытования в иноязычной среде.

В зоне CULT отражается дополнительная информация об истории, культуре и быте старообрядцев. Так, для глагола *баловать* ‘выходить за границы установленных правил поведения, вести себя вольно’ в зоне CULT будет указано: *в старообрядческих общинах не поощряются любые светские развлечения, общение с противоположным полом* (см. пример: *Я со своими друзьями продолжал баловать. Уже кины не стали интересоваться, а интересно было потанцевать. В каждую субботу на тансы, а там девчонки.* ПЖ. 2015. снц.). Для наречия *на́с(т)ью* ‘в незакрытом виде, без крышки’ в зоне CULT отмечается: *по представлениям старообрядцев, в посуде с едой или питьем, которая оставлена открытой, без крышки, купается бес, поэтому ее надо обязательно закрывать с молитвой* (см. пример: *«Когда христиане, — говорит [бес], — оставляют **на́сью** посуду, мы там и купамся, а потом они заболевают всякими-разными болезнями».* АРГ. 2015. снцк.). Для существительного *база́р* ‘крытое или открытое место торговли продуктами питания и товарами, рынок, магазин’ комментарий CULT выглядит так: *в старообрядческих общинах Южной Америки запрещено употребление пищевых продуктов не домашнего приготовления; за нарушение запрета следует наказание от наставника.*

В зоне PRAGM описываются специфические условия употребления данной лексической единицы в речи. Например, для сочетания *на́сем порфаво́р* ‘проходите, пожалуйста’ в зоне PRAGM указывается: *вежливая форма приглашения*, для существительного *бра́тка* ‘старший брат’ будет отмечено: *наиболее часто используется при обращении, выражает особое расположение, уважение младших к старшим.*

Уникальность СГСЮА заключается в наличии информации о распространении лексемы в говорах русского языка, исторического комментария и сведений о языке-источнике (для заимствованных слов). Так, в зоне GEO максимально полно представлен материал о географическом распространении диалектного слова. Информация для лингвогеографической характеристики лексемы извлекается из оцифрованного свода всех словарей, которыми располагает на сегодняшний день русская диалектная лексикография [Лесников, Мызников, Королькова 2019]. Поиск осуществляется с учетом лексического значения каждого слова и близких по значению лексико-семантических вариантов. В зоне GEO указывается место фиксации (административно-территориальная область России) и ссылка на источник. Например, устойчивое сочетание *братъ с база́ру* в значении ‘покупать в магазине продукты питания и напитки’ фиксируется в пермских [Борисова, Прокошева (ред.) 2000: 49; Скитова (гл. ред.) 2003: 45] и сибирских [Федоров (ред.) 2006: 180; Палагина (ред.) 1964: 36]

говорах. Если значение анализируемой в СГСЮА лексемы не совпадает с данными диалектного лексикографического источника, но передает близкое значение, материал дается с пометой *ср.*, например слово *барáшка* 'выделанная овечья шкура, овчина' отмечено в близком значении ' меховой каракулевый воротник' в уральских [Вовчок (гл. ред.) 1964: 35] и тюменских [Белякова (ред.) 2014: 40] говорах.

В зоне HIST демонстрируются исторические данные об употреблении лексической единицы со ссылкой на лексикографический источник. При отсутствии диалектной лексемы в исторических памятниках поиск информации может осуществляться по дериватам лексемы (при их наличии). Выборка сведений производится из всех опубликованных и оцифрованных на сегодняшний день исторических и историко-диалектных словарей русского языка. Например, лексема *братáн* 'двоюродный брат' (Ульян Мурачев — он *мáмин братáн*. БЛВ. 2013. хрб.) отмечена в этом значении в [Бархударов (гл. ред.) 1975: 319; Сорокин (ред.) 1985: 121]. Если значение анализируемой в СГСЮА лексемы не совпадает с данными исторического источника, но передает близкое значение или в историческом источнике обнаруживается однокоренное слово с близким значением, материал дается с пометой *ср.*, например в словарной статье *большáка* 'старшая сестра': *ср. большáкз* 'старший из братьев-тезок' [Бархударов (гл. ред.) 1975: 285]; 'старший сын' [Сорокин (ред.) 1985: 103].

Зона FROM обязательна для заимствованных слов. Здесь представлены данные о происхождении иностранного слова и языке-источнике. В зависимости от страны проживания слова могут заимствоваться из испанского, португальского, английского, в единичных случаях — из китайского, казахского и др. языков, например: *лóер* 'юрист' (*Я ей сказала: учись, говорю, на лóера, она говорит: «Я этих лóеров ненавижу»*. АРГ. 2012. снцк.) — FROM: англ. lawyer — юрист, правовед. Если однозначно не удастся установить, из какого именно языка в говор пришло заимствование, приводятся все возможные варианты источников: *абитáт* 'среда обитания' (*Очень просто. Надо ему устроить абитáт, где он мечет икру, и будет дорадо сколь вам угодно*. ПЖ. 2015. снц.) — FROM: исп. hábitat, порт. habitat — среда обитания, место обитания, естественная среда; *загравовáть* 'сделать запись речи с помощью звукозаписывающего устройства' (*Ведь не все матькэютца. Скажем, в однém месте — у нас колесо проткнулось, и мы заехали починить его. И онé меж собой двое — сидели в комнате, мы сидели за стеной, — онé разговаривали. Надо было менé их загравовáть!* БЛВ. 2014. хрб.) — FROM: исп. grabar, порт. gravar — записать на пленку, на пластинку; *манджéка* 'вечнозелёный тропический кустарник семейства молочайных, маниока' (*Вот поедешь в Бéни в леса-то — манджéка и, кукуруза и, леснó мясо ишó, вот онé так живут*. БЛВ. 2013. хрб.) — FROM: порт., исп., англ. mandioca — маниока.

В зоне PHRAS указываются фразеологизмы с толкованиями и примерами употребления. Новизна подхода к описанию фразеологизмов заключается в том, что каждая фразеологическая единица атрибутируется как отдельная лексема с указанием синонимических фразеологических единиц, синтаксических, прагматических особенностей, а также имеет отдельные зоны лингвогеографической характеристики (GEO) и исторического комментария (HIST). Приведем примеры.

ВО́ЛЬКА

PHRAS: **хватить вольки**

DEF: стать недисциплинированным, своевольным.

*Не знаю, Данила, мало надежды на моих ребят. — Брату́ха, во всём надо стараться. — Да это оно так, но у меня ребятки **во́льки хватíли**.*

ПЖ. 2015. снц.

STYL: неообр.

DER: во́лей, вольной, во́ля, доброво́лец, дозво́лить, нево́льной, позво́лять, понево́ле, самово́льничать.

GEO: ср. схватить вольки алт. [Воробьева, Иванова (ред.) 1993: 167].

HIST: ср. брать, взять волю [Сорокин (ред.) 1988: 57].

БЕ́БА

PHRAS: **ловить бе́бу**

DEF: рожать ребенка.

*И мы че́-тося два или три года назад, два кажется, услышали, что девчо́нка в больнице **бе́бу ловит**, даже не знали, что она бе́бу дожидáт, не знали ничё это. Мы «рожать» нико(з)да не говорим. Знашь, просто ребятаишкам пойдёшь ко(з)да рассказывать. Я думаю, та́к нача́лось: что как ты ребёнку твоёму расскажешь, что «рожать»? А ему нача́ли так, знашь, как сразу же нача́ли говорить «**лови́ть бе́бу, лови́ть бе́бу**» и. Менé мама с тя́тей рассказали, как **бе́бу лови́ть**: онé в речке, мне сказали, что **бе́бу ловю́т**. Вот за че́ и говорéли вот так, что в речке придет бе́ба, что в одной, ето... как сзсточка звать у вас? Ты мне сёдня рассказывала этия... грибы, когда ходишь, собирашь. [Корзина.] — В корзине! В корзине бе́ба придет в речке. И вот и **бе́бу лови́ть**-то в корзине. Во́т как мы, это, нача́лось-то этоя, **бе́бу-то лови́ть**. БРЗ. 2015. хрбк.*

SYN: приноси́ть бе́бу.

PRAGM: в речи детей и родителей; эвфемизм.

FROM: исп. bebé, порт. bebê, англ. baby — младенец.

«Словарь говоров старообрядцев Южной Америки» и материалы, собранные для его подготовки, являются богатейшим источником для изучения различных языковых явлений и процессов в диалекте в сопоставлении с литературным языком, тенденций развития лексической

системы говора в иноязычном окружении, механизмов заимствования и адаптации иностранных слов, особенностей функционирования диалектной и конфессиональной лексики и фразеологии. Информация, содержащаяся в зоне историко-лингвистического описания (HIST), позволяет выявить наиболее архаический пласт лексики говора и проследить эволюцию семантики отдельных лексических единиц. Лингвогеографическая характеристика (GEO) в дальнейшем может способствовать уточнению вопроса о материнской основе говора и исторической прародине старообрядцев Южной Америки.

Литература

- Апресян Ю. Д. (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 1 / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
- Апресян Ю. Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
- Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы из Южной Америки: особенности быта, традиции и проблемы адаптации в Приморье // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2013. № 4. С. 125–137.
- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975. 371 с.
- Белякова С. М. (ред.). Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Т. 1. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. 399 с.
- Борисова А. Н., Прокошева К. Н. (ред.). Словарь пермских говоров. Вып. 1. Пермь: Книжный мир, 2000. 608 с.
- Вовчок П. А. (гл. ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, Изд-во Урал. ун-та, 1964. 207 с.
- Воробьева И. А., Иванова А. И. (ред.). Словарь русских говоров Алтая. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. 242 с.
- Дынникова И. В. Старообрядцы Бразилии: жизнь и традиции // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VI Научно-практической конференции. М., 2002. С. 241–244.
- Зайцев Д. Т. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 980 с.
- Касаткин Л. Л. Сохранение в говорах старообрядцев диалектных черт прошлых эпох // Русские старообрядцы: Язык, культура, история. Сборник статей к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Академиздатцентр «Наука» РАН, 2013. С. 424–442.

- Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., Никитина С. Е. Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 145–164.
- Колесникова Е. В., Малышева А. В., Игнатова Е. О. Материалы к словарю говоров старообрядцев Южной Америки: Иностранные слова // «Диалог»: альманах. Приложение к научно-богословскому журналу «Ипатьевский вестник». Кострома: Церковный научно-исследовательский центр Костромской митрополии, 2025. Вып. 3. С. 159–283.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
- Лесников С. В., Мызников С. А., Королькова М. Д. Русский диалектный гизаурус: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 425–449.
- Моррис Р., Моррис (Юмсунова) Т. Б. Русские староверы на Аляске // Живая старина. 2010. № 1. С. 43–46.
- Палагина В. В. (ред.). Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1964. 144 с.
- Пилипенко Г. П. О. Г. Ровнова. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 608 с., илл. // Славяноведение. 2022. № 6. С. 129–133.
- Плотникова А. А. (отв. ред.). Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья. Коллективная монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. 344 с.
- Ровнова О. Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 607 с.
- Скитова Ф. Л. (гл. ред.). Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. 5. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2003. 228 с.
- Сорокин Ю. С. (ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Л.: Наука, 1985. 249 с.; Вып. 4. Л.: Наука, 1988. 256 с.
- Федоров А. И. (ред.). Словарь русских говоров Сибири. Т. 5. Новосибирск: Наука, 2006. 395 с.
- Rahimova K. The language of Russian Molokans in Azerbaijan: the impact of history and religion. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the International Doctorate in Germanic and Slavic Studies. Prague, 2025. 175 p.

References

- Apresian Yu. D. (ed.). *Novyi obyasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow, Vienna, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ.; Venskii Slavisticheskii Al'manakh Publ., 2004. 1488 p.
- Apresian Yu. D. (resp. ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 1* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2014. 408 p.

- Argudyaeva Yu. V. [Russian Old Believers from South America: Specific Features of Everyday Life, Traditions, and Problems of Adaptation in Primorye]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN*, 2013, no. 4, pp. 125–137. (In Russ.)
- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. T. 1* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 371 p.
- Beliakova S. M. (ed.). *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoi oblasti. T. 1* [Dictionary of the Old-Settler Russian Dialects of the Southern Tyumen Region. Vol. 1]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2014. 399 p.
- Borisova A. N., Prokosheva K. N. (eds.). *Slovar' permskikh govorov. T. 1* [Dictionary of Perm Dialects. Iss. 1]. Perm, Knizhnyi Mir Publ., 2000. 608 p.
- Dynnikova I. V. [Brazilian Old Believers: Life and Traditions]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy VI Nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Old Belief: History, Culture, and the Present. Proceedings of the 6th Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2002, pp. 241–244. (In Russ.)
- Fedorov A. I. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Sibiri. T. 5* [Dictionary of the Russian Dialects of Siberia. Vol. 5]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 395 p.
- Kasatkin L. L. [Preservation of Dialect Features of Earlier Periods in the Dialects of Old Believers]. *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statei k XV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Russian Old Believers: Language, Culture, and History. Collection of Articles for the 15th International Congress of Slavists]. Moscow, Akademizdatstsentr "Nauka" RAN Publ., 2013, pp. 424–442. (In Russ.)
- Kasatkin L. L., Kasatkina R. F., Nikitina S. E. [The Russian Language of the Oregon Old Believers: Language Portraits]. *Rechevoe obshchenie v usloviyakh yazykovoi neodnorodnosti* [Speech Communication in Conditions of Linguistic Heterogeneity]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, pp. 145–164. (In Russ.)
- Kolesnikova E. V., Malysheva A. V., Ignatova E. O. [Materials for a Dictionary of the Dialects of South American Old Believers: Foreign Words]. *"Dialog": al'manakh. Prilozhenie k nauchno-bogoslovskomu zhurnalu "Ipat'evskii vestnik"* ["Dialog": Almanac. Supplement to the Scholarly and Theological Journal "Ipatievskiy Vestnik"], iss. 3. Kostroma, Church Research Center of the Kostroma Metropolitanate Publ., 2025, pp. 159–283. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkoi razgovornoj rechi. T. 1* [Explanatory Dictionary of Colloquial Russian. Iss. 1]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2014. 776 p.
- Lesnikov S. V., Myznikov S. A., Korol'kova M. D. [Russian Dialect Thesaurus: Principal Sources]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Materials and Studies]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 425–449. (In Russ.)
- Morris R., Morris (Yumsunova) T. B. [Russian Old Believers in Alaska]. *Zhivaia starina*, 2010, no. 1, pp. 43–46. (In Russ.)
- Palagina V. V. (ed.). *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov srednei chasti basseina r. Obi. Vyp. 1* [Dictionary of the Old-Settler Russian Dialects of the Central Part of the Ob River Basin. Vol. 1]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1964. 144 p.

- Pilipenko G. P. [O. G. Rovnova. Old Believers of South America: Essays on History, Culture, and Language]. *Slavyanovedenie*, 2022, no. 6, pp. 129–133. (In Russ.)
- Plotnikova A. A. (resp. ed.). *Russkii yazyk i narodnaya traditsiya staroobryadtsev zarubezhya* [The Russian Language and Folk Tradition of Old Believers Abroad]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 344 p.
- Rahimova K. *The Language of Russian Molokans in Azerbaijan: The Impact of History and Religion*. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the International Doctorate in Germanic and Slavic Studies. Prague, 2025. 175 p.
- Rovnova O. G. *Staroobryadtsy Yuzhnoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, yazyka* [Old Believers of South America: Essays on History, Culture, Language]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK Publ., 2022. 607 p.
- Skitova F. L. (ch. ed.). *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti (Akchinskii slovar')*. T. 5 [Dictionary of the Dialect of the Village of Akchim, Krasnovishersk District, Perm Region (Akchim Dictionary). Iss. 5]. Perm, Perm State University Publ., 2003. 228 p.
- Sorokin Yu. S. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka*. T. 2 [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. Iss. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 247 p.; T. 4 [Iss. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 256 p.
- Vorob'eva I. A., Ivanova A. I. (eds.). *Slovar' russkikh govorov Altaya*. Vyp. 1 [Dictionary of the Russian Dialects of Altai. Vol. 1]. Barnaul, Altai State University Publ., 1993. 242 p.
- Vovchok P. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala*. Vyp. 1 [Dictionary of the Russian Dialects of the Middle Urals. Vol. 1]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe Knizhnoe Izdatel'stvo, Ural University Publ., 1964. 207 p.
- Zaitsev D. T. *Povest' i zhitie Danily Terent'evicha Zaitseva* [The Tale and Life of Danila Terent'evich Zaitsev]. Moscow, Al'pina Non-Fikshn Publ., 2015. 980 p.

Особенности реализации прагматического маркера *как его (ее/их)* в устной спонтанной речи (просодический и социалингвистический аспекты)

Дарья Андреевна Стойка, Экспертно-криминалистический центр, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), dstoika@yandex.ru

DOI: 10.7868/S3034592826060022

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию лексикализованной конструкции *как его (ее/их)*, которая относится к классу прагматических хезитационных маркеров и используется в устной спонтанной речи в ситуации заминки и хезитационного поиска. Материалом для анализа послужили 108 контекстов, включающих данную конструкцию, встретившуюся в речи 52 говорящих, из корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день». Проведенный инструментальный анализ показал, что просодическое оформление прагматического маркера *как его (ее/их)* характеризуется снижением интенсивности и частоты основного тона голоса (ЧОТ) по сравнению со средними значениями для говорящего. Данному маркеру свойственно употребляться в окружении хезитационных пауз, в составе более крупных хезитационных конструкций. Реализация маркера *как его (ее/их)* в речевом потоке индивидуальна, обусловлена речевыми предпочтениями конкретного носителя языка и имеет интонационные вариации в речи разных

говорящих, которые описаны в настоящей работе. Результаты исследования в социалингвистическом аспекте показали, что на появление в речи прагматического маркера *как его (ее/их)* влияют возраст говорящего и уровень его речевой компетенции, тогда как зависимости от гендера в использовании исследуемой единицы не обнаружилось.

ключевые слова: хезитатив, просодическая особенность, функциональная единица, прагматический маркер, устная спонтанная речь

для цитирования: Стойка Д. А. Особенности реализации прагматического маркера *как его (ее/их)* в устной спонтанной речи (просодический и социалингвистический аспекты) // Русская речь. 2026. № 6. С. 21–34. DOI: 10.7868/S3034592826060022.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФ (проект № 22-18-00189-П «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Issues of Modern Russian Language

Realization Features of the Pragmatic Marker *Kak Ego (Eyo/Ikh)* in Oral Spontaneous Speech (Prosodic and Sociolinguistic Aspects)

Daria A. Stoika, Expert Criminalistic Center, Main Administration of the Internal Affairs Ministry of the City of St. Petersburg and the Leningrad Oblast; Saint Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg), dstoika@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the description of the lexicalized construction *kak ego (eyo/ikh)*, which belongs to the class of pragmatic hesitation markers and is used in spontaneous speech in situations of hesitation and hesitation search. The material for the study consists of 108 contexts, including this

construction, identified in the speech of 52 speakers from the corpus of Russian everyday communication “One Day of Speech”. Instrumental analysis showed that the prosody of the pragmatic marker *kak ego* (*eyo/ikh*) is characterized by a decrease in intensity and voice pitch frequency, compared to the average value of the speaker’s pitch frequency. This marker is typically used in the context of hesitation pauses as part of more extended hesitation structures. The realization of the marker *kak ego* (*eyo/ikh*) in speech is individual, depending on the speech preferences of a particular native speaker and exhibits intonational variations across speakers, which are described in this study. The results of the study from the sociolinguistic perspective showed that the appearance of the pragmatic marker *kak ego* (*eyo/ikh*) in speech is influenced by the age of the speaker and the level of their speech competence, while no gender-based differences in the use of the unit were found.

KEYWORDS: hesitative, prosodic feature, functional unit, pragmatic marker, spontaneous speech

FOR CITATION: Stoika D. A. Realization Features of the Pragmatic Marker *Kak Ego* (*Eyo/Ikh*) in Oral Spontaneous Speech (Prosodic and Sociolinguistic Aspects). Russian Speech = Russkaya Rech’. 2026. No. 6. Pp. 21–34. DOI: 10.7868/S3034592826060022.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00189-P “Structure and Functioning of Stable Multi-Word Units of Everyday Russian Speech”).

Введение

Представление о тексте, звучащем или письменном, как об «интеллектуальном следе», продукте речевой деятельности индивида, отражающем его когнитивные способности, определяет возможность наблюдения за самим механизмом построения текста и выявления совокупности речевых признаков автора, которые репрезентируют определенные его характеристики, например социо- или психолингвистические. В таком, прагматическом, аспекте изучения устной спонтанной речи особенно интересны именно те речевые элементы/сегменты, которые говорящий употребляет бессознательно, рефлекторно, на уровне речевого автоматизма, и которые, в новых терминах коллоквиалистики, принято именовать прагматическими маркерами (ПМ) [Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2021]. Данные единицы являются высокочастотными и сугубо функциональными, «рождаются» из знаменательных слов или языковых конструкций,

которые в процессе прагматикализации практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение (оно становится менее конкретным) и начинают выражать не пропозициональное содержание высказывания, а различные реакции говорящего на устный дискурс — функционировать на уровне организации процесса общения [Graf 2011; Frank-Job 2006; Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2021; Богданова-Бегларян 2024a]. Так, ПМ выполняют в речи различные функции: помогают структурировать текст (*значит, ну вот, всё*) или скорректировать сказанное (*это, это самое*), служат для заполнения пауз хезитации (*как его (ее/их), я не знаю*), выражают реакцию говорящего на собственное речевое поведение (*или как сказать, или как это*), указывают на чужую речь (*такой, говорит (грит), типа*), замещают ряд перечислений (*всё такое, и все дела*). Сопутствующим свойством прагматических маркеров является синтаксическая обособленность и связанная с ней возможность изъятия ПМ из контекста без нарушения синтаксической и логической связанности языковых единиц, а также частое употребление нескольких ПМ в одном контексте (цепочек ПМ), что обусловлено вербализацией преодоления возникающих коммуникативных затруднений, например, при поиске нужной единицы [Богданова-Бегларян 2025], ср.: «речевые сбои и способы их преодоления оказываются неоценимым источником информации при обращении к языку с когнитивных, социологических и психологических позиций <...> и могут рассматриваться как ключ к рождению и пониманию речи» [Кибрик, Подлесская 2009: 177].

Материал и его анализ

Все вышеперечисленные особенности в полной мере присущи предмету анализа настоящего исследования — лексикализованной конструкции *как его (ее/их)*, которая относится к классу прагматических хезитационных маркеров (ПХМ) и выполняет в речи функцию поиска конкретной единицы или просто продолжения речи.

Источником материала для анализа послужил корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД), который содержит записи максимально естественной спонтанной речи информантов и их коммуникантов, зафиксированной по методике 24-часового мониторинга¹. В работе использованы методы аудитивного и инструментального анализа (изучение интонаграмм), анализа структурной и коммуникативной организации текста, а также функционально-прагматического анализа.

¹ На сегодняшний день корпус ОРД содержит записи спонтанных диалогов и полилогов, полученные от 128 информантов (от 17 до 83 лет) и более 1000 коммуникантов, что суммарно составляет более 1450 часов звучания, более миллиона словоформ в расшифровках.

Поиск ПХМ *как его* (ее/их) проводился на материале фонограмм речи 128 информантов (анализировалась речь как самих информантов, так и их коммуникантов). Употребление ПХМ *как его* (ее/их) зафиксировано в речи 52 говорящих (среди них 25 мужчин и 27 женщин; 15 представителей «молодежной группы» — до 30 лет, 5 представителей группы «средний возраст» — от 30 до 50 лет, 32 представителя группы «старшее поколение» — старше 50 лет; 40 говорящих со средним уровнем речевой компетенции (УРК), 11 — с низким и 1 — с высоким).

Пользовательский подкорпус настоящего исследования составили 108 употреблений ПХМ *как его* (ее/их), в их числе — 80 вариантов *как его* (74 % от общего количества), 16 вариантов *как ее* (14,8 %) и 12 вариантов *как их* (11,2 %).

Каждый контекст употребления атрибутирован с указанием либо информанта и его гендера (например: И1, жен.; И2, муж.), либо его коммуниканта (М, Ж), возраста говорящего, а также уровня речевой компетенции (высокий, средний, низкий УРК — соответственно ВРК, СРК, НРК) в случае их указания в корпусе ОРД².

На основе анализа имеющегося материала спонтанной речи определено, что ПХМ *как его* (ее/их) является компрессированным вариантом полнозначной поисковой конструкции, которую можно «реконструировать» до *как его* (ее/их) *зовут/звали/звать*, *как его* (ее/их) *называют/назвать*, ср.³:

- 1) ну он это / **как его зовут** / типа на(:) ... на(:) как его блин / там тебе будет рассказывать про дэтэпэ(:) там / вся херня (И86, муж., 24 года, НРК);
- 2) ну подстригай свои эти самые / **как их зовут** // *П газоны (И130, жен., 73 года);
- 3) там как / то ли лисица / то ли **как её называют?** ну // летающая такая (И119, муж., 49 лет);
- 4) [И44] (э-э) у нас была (...) (э-э) Елена% (...) **как её звали?** [Ж1] Е... Елена_Альбертовна% // [И44]: Елена_Альбертовна% // [Ж1] вот / которая в садике (И44, жен., 41 год, СРК).

² О выделении уровней речевой компетенции и их диагностирующих признаках, а также о социальной балансировке корпусных данных см.: [Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2013; 2014].

³ Знак (:) в расшифровках ОРД означает затяжку звука и может стоять в любом месте в слове; знак *П означает физическую паузу hesitation; знак % ставится после слова без пробела, если приведена та или иная (анонимизированная) личная информация (имя человека, его адрес, медицинский диагноз, номер телефона и т. п.). Части неоднословного имени собственного соединяются нижним подчеркиванием. О других особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материала ОРД см.: [Богданова-Бегларян (ред.) 2016: 242–243].

Проведенный инструментальный анализ показал, что как полнозначные поисковые конструкции, так и их усеченный вариант ПХМ *как его* (*ее/их*) имеют схожее интонационно-просодическое оформление: в большинстве случаев наблюдается снижение интенсивности и понижение частоты основного тона голоса относительно среднего значения ЧОТ, полученного для каждого говорящего. Зачастую на ПХМ *как его* (*ее/их*) приходится расположение мелодического минимума во фразе. Факт хезитации поддерживается интонационно: анализируемые единицы реализуются на более низкой частоте основного тона, как и нефонологические вокальные хезитации типа *э-э*, *а-а*, *м-м*, при этом всегда в окружении хезитационных пауз, заполненных и незаполненных, в составе более крупных хезитационных конструкций (рис. 1, 2).

5) *Петродво... / а / это юридически это (...) / не / всё правильно / это юрид... юридический адрес / это же (...) бе... без этого(:) / как его? *сл (э-э) без указа отделения* (И7, муж., 45 лет, СРК).

В примере (5) информант использует ПХМ *как его* в ряду других хезитационных явлений (подчеркнуто): физические паузы хезитации, обрыв и повтор слова (*бе... без*), вербальный хезитатив (*без этого*), шумное втягивание воздуха (**сл*), вокализация (*э-э*). ПХМ реализуется на частоте 110 Гц (при произнесении маркера ЧОТ понижается до 96 Гц), тогда как среднее значение ЧОТ для данного информанта составляет 139 Гц; общая длительность ПХМ — 575 мс (рис. 1).

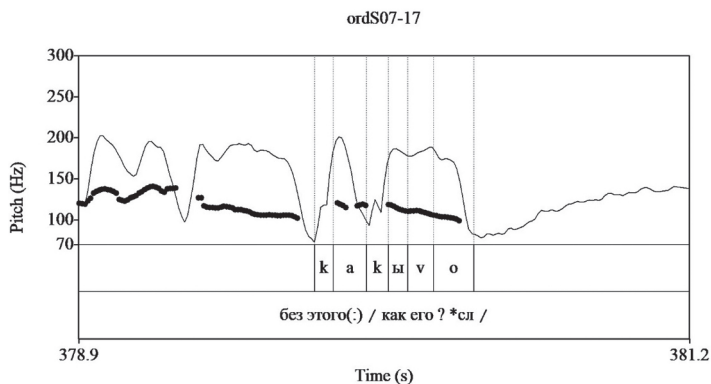

Рис. 1. Интонограмма и огибающая интенсивности ПХМ КАК ЕГО во фразе (5)

Fig. 1. The intonogram and the intensity contour of the PHM KAK EGO in phrase (5)

6) *Мороз% / а у нас ведь есть растворитель // ой этот / как его(:) ...* (И16, муж., 22 года, НРК).

В контексте (6) ПХМ *как его*, помимо основной функции поиска, выполняет еще и функцию самокоррекции (полифункциональность — типичная черта русских ПМ): с помощью данного маркера в соседстве с междометием *ой* и ПМ *этот* информант пытается совершить замену (хоть и безуспешную) наименования *растворитель*. Значение ЧОТ при реализации ПХМ составляет 97 Гц, тон голоса понижается до 82 Гц, тогда как среднее значение ЧОТ для данного информанта составляет 147 Гц; общая длительность ПХМ — 543 мс (рис. 2).

Стоит отметить, что, наряду с общей просодической тенденцией, реализация ПХМ *как его* (ee/ux) в речевом потоке индивидуальна, имеет интонационные вариации в речи разных говорящих.

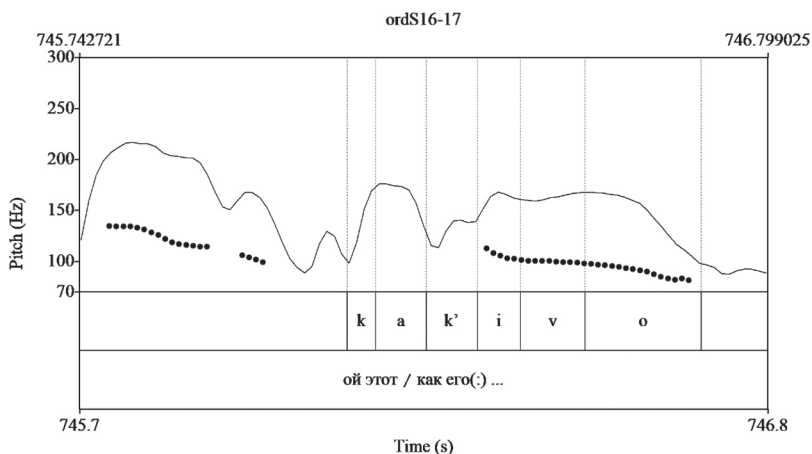

Рис. 2. Интонограмма и огибающая интенсивности ПХМ КАК ЕГО во фразе (6)

Fig. 2. The intonogram and the intensity contour of the PHM KAK EGO in phrase (6)

Так, в примере (7) при реализации ПХМ *как его* наблюдается менее плавное понижение тона голоса (с 209 Гц до 143 Гц), общая длительность ПХМ — 426 мс (рис. 3).

7) *вы п... вы проезжали этот () как его ...* (Ж, 43 года, СРК).

Для некоторых информантов при произнесении исследуемого ПХМ характерно довольно сильное понижение тона голоса (вплоть до минимальных значений) по сравнению со средними значениями ЧОТ, при этом наблюдается снижение громкости голоса и четкости артикуляции (рис. 4).

В примере (8) при реализации ПХМ *как его* тон голоса снижается до 78 Гц, тогда как среднее значение ЧОТ для данного информанта составляет 130 Гц.

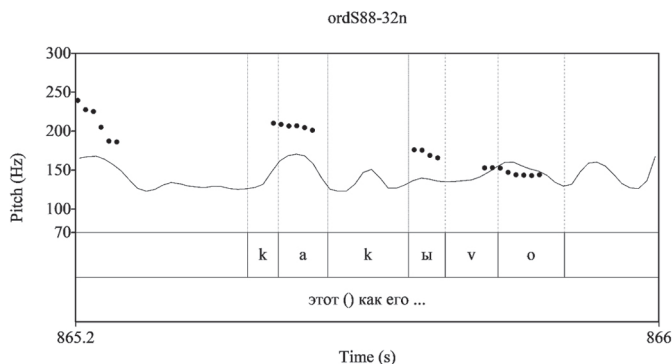

Рис. 3. Интонограмма и огибающая интенсивности ПХМ КАК ЕГО во фразе (7)

Fig. 3. The intonogram and the intensity contour of the PHM KAK EGO in phrase (7)

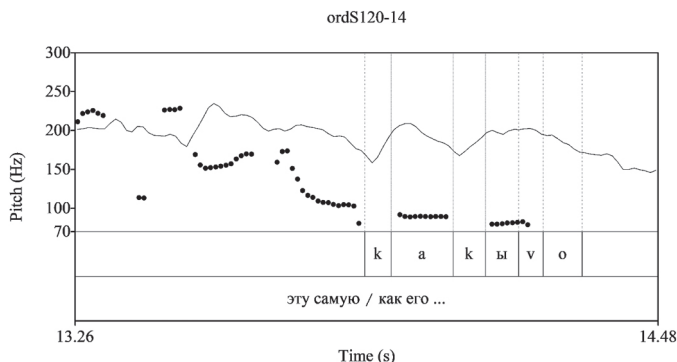

Рис. 4. Интонограмма и огибающая интенсивности ПХМ КАК ЕГО во фразе (8)

Fig. 4. The intonogram and the intensity contour of the PHM KAK EGO in phrase (8)

8) *вон возьми эту самую / как его ... вилочку // во / и на это ...* (И120, муж., 75 лет).

Длительность ПХМ *как его* (*е/и/х*) вариативна, что зависит, в частности, от темпа речи говорящего: от коротких реализаций при ускоренном темпе речи до растянутых, произнесенных в замедленном темпе. На основании исследованных материалов корпуса ОРД можно констатировать, что спектр длительности ПХМ составляет от 240 мс (контекст 9) до 801 мс (контекст 10):

9) *охраняли этих / ну(:) (м-м) (э) как их / (м-м) *сл эш... не эшелоны / а () караваны / караваны судов охраняли / вот* (И85, муж., 46 лет, СРК).

10) *да сегодня о ценах / вон эта () как её(:) (...) (м-м) *тц (...) вице-губернатор / Косткина-то% ...* (И35, муж., 70 лет, СРК).

В контекстах (9) и (10), в ходе поиска нужного наименования, информанты выстраивают целые цепочки вербальных и невербальных хезитативов (подчеркнуты), включая элементы самокоррекции/рефлексии (*эи... не эшелоны / а () караваны*), звуковые артефакты (цоканье языком *ти, шумное втягивание воздуха *сл), растяжку конечного гласного ПХМ *как ее*(:), при этом поиск в данных случаях можно считать успешным, так как в результате искомое слово информантом найдено. Нередки случаи, когда в поисках нужного слова говорящий обращается за помощью к собеседнику, т. е., хезитируя, дает возможность собеседнику включиться в коммуникацию и помочь с поиском.

Подобный поиск с привлечением коммуниканта поддерживается и интонационно: отмечается повышение ЧОТ на гласном центра *ка́к его*, более резкое понижение тона голоса и более длительные паузы в составе хезитационной цепочки:

- 11) [И20] (*а-а*) бабушкина дача / *а там рядом (а-а) домик (...) бабушки () Шута%* // Кра... нет / **как его?** (...) [М] Горшка% [И20] Горшка% // *Король_и_шута%* / да / Горшка% (И20, жен., 23 года, СРК).

В контексте (11) искомое слово найдено не самим говорящим, а с помощью собеседника (подчеркнуто), после его так называемого вовлечения в коммуникацию посредством особого интонационно-просодического оформления ПХМ.

Не менее частотными являются случаи, когда говорящий не нуждается в помощи собеседника, произносит ПХМ *как его* (ee/ux) и сразу же находит необходимое слово, пауза после ПХМ отсутствует (рис. 5), ср.:

- 12) *так а что(:) / этот умер (э-э) / как его Игорь_Моисеев\$* (Ж)⁴.

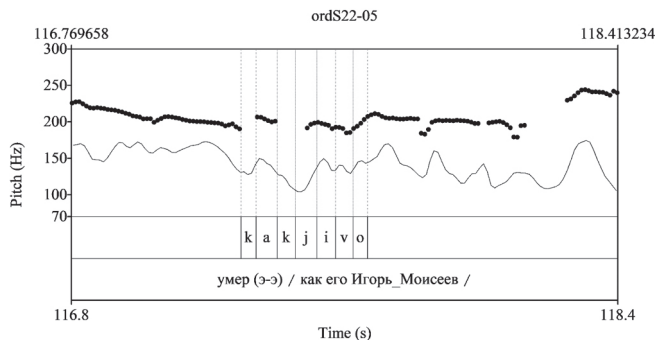

Рис. 5. Интонограмма и огибающая интенсивности ПХМ КАК ЕГО во фразе (12)

Fig. 5. The intonogram and the intensity contour of the PHM KAK EGO in phrase (12)

⁴ Знак \$ в расшифровках ОРД ставится без пробела после слова — известного имени собственного.

Количественные данные: социолингвистический аспект

Практика работы со спонтанной речью, а также анализ речи информантов и их коммуникантов из корпуса ОРД показывают, что в речи некоторых говорящих ПХМ *как его* (*ее/их*) оказывается весьма частотным, функция собственно поиска стирается, и на первый план выступает речевая привычка говорящего. В настоящей работе получены следующие количественные данные по употреблению ПХМ *как его* (*ее/их*) с учетом социальных параметров говорящего (гендера, возраста, УРК).

Зависимости от гендера в использовании исследуемой единицы не обнаружилось: в речи мужчин отмечено 57 употреблений (52,8 %) ПХМ *как его* (*ее/их*), в речи женщин — 51 употребление (47,2 %).

Сравнение речи информантов и их коммуникантов трех возрастных групп («молодежная группа» — до 30 лет, «средний возраст» — от 30 до 50 лет, «старшее поколение» — старше 50 лет) показало, что большее количество употреблений ПХМ *как его* (*ее/их*) приходится на долю говорящих старшей возрастной группы — 66 вариантов (61,2 %), тогда как на долю младшего поколения приходится 25 употреблений (23,1 %), а на долю говорящих среднего возраста — 17 употреблений (15,7 %).

Стоит отметить и корреляцию с уровнем речевой компетенции: ПХМ *как его* (*ее/их*) употребляется практически в 100 % случаев говорящими со средним и низким УРК. В материалах ОРД обнаружился лишь один контекст с использованием поисковой конструкции *как их называют* в речи информанта с ВРК, преподавателя театрального вуза:

- 13) *а помнишь какая / (э-э) борьба идёт внутри () этих (э-э-м) как их называют? браконьеров / которые ловят изюбров / и из них добывают вот эти всякие истории ?* (И45, муж., 65 лет, ВРК).

ПХМ *как его* часто встречается в речи коммуниканта с НРК, т. е., несомненно, является его речевой привычкой:

- 14) *ну что т... у меня брат на(:) как его / на других объектах* (М, 25 лет, НРК);
15) *а с этим-то / как его / щитом вентиляции-то / решили вопрос / нет ?* (М, 25 лет, НРК).

В результате анализа контекстов было выявлено регулярное употребление ПХМ *как его* (*ее/их*) в цепочках с другими вербальными хезитативами. Чаще всего исследуемый маркер «соседствует» с ПМ **это* и **это самое* (знак (*) означает, что оба хезитатива могут употребляться в разных грамматических формах), которые расположены слева, при этом маркеры всегда отделены от ПХМ *как его* (*ее/их*) паузой, тогда как комбинация с ПМ *там* реализуется без паузы и заставляет задуматься

о формировании цельной устойчивой функциональной единицы *как его там*:

- 16) *а у меня на да... д... дача на этом / как его / на Дунае\$* (И39, муж., 53 года, СРК);
- 17) *поэтому значит я это самое / как его / (...) сидела готовила этот длинный длинный документ* (Ж, 73 года);
- 18) *ну (...) это и этот (...) тоже / с относительной теорией-то // *П как его там... *П на(:) *П ну / теория относительности-то* (И140, жен., 83 года);
- 19) *ну и просто как не знаю / как какая-нибудь там (...) этот самый (...) / как его там? тарзанка / или что-то такое / в этом духе* (И118, муж., 26 лет, СРК).

В материалах ОРД был обнаружен один контекст с маркером *как он* в аналогичной функции, который, вероятно, является вариантом исследуемого ПХМ:

- 20) [Ж1] *ой / а ягодка опять этого / от фы... фы... как он?* [И4] *физалис // [Ж1] физалис // я когда-то выращивала* (Ж1, 55 лет).

Схожими по функционированию в речи с маркером *как его* (еѐ/их) называются ПМ *как это*, описанный в «Словаре прагматических маркеров русской повседневной речи» [Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2021: 234–247], и ПМ *как сказать*, пока не зафиксированный в словаре, но имеющий полное прагматическое описание в работе [Богданова-Бегларян 2024б]. Вариант *как он* также претендует на статус прагматического маркера. Представляется перспективным продолжать поиск и анализ новых ПМ, расширяя тем самым словник «Словаря прагматических маркеров русской повседневной речи» и наши знания о механизмах порождения русской устной спонтанной речи.

Заключение

В завершение отметим практическую значимость настоящего исследования и подобных работ, которые проводятся на материале звучащей спонтанной речи носителей русского языка разных социальных групп. Ни один спонтанный диалог не обходится без употребления функциональных единиц, в частности прагматических маркеров, которые реализуют в дискурсе множество различных функций, помогающих говорящему формировать, оформлять и корректировать свою речь. В экспертной практике судебной экспертизы, когда необходимо устанавливать личность говорящего, роли и функции участников общения, оценивать их

реакции на сказанное, улавливать тонкости взаимодействия собеседников, полное описание функционала подобных единиц является весьма востребованным, учитывая, что их реализация в речевом потоке индивидуальна, обусловлена речевыми предпочтениями носителя языка и является его идентификационно значимой речевой особенностью.

Кроме того, в настоящее время особо актуальной является задача определения и выявления модифицированной, синтезированной речи. Достижения в области синтеза речи на сегодняшний день таковы, что отличить речь, созданную искусственно, от речи естественной становится все сложнее. К счастью, пока еще есть возможность выявить искусственность (неестественность) синтезированной речи: для решения подобной задачи во внимание принимается весь арсенал средств спонтанной коммуникации с широким спектром их функций и значений. Настоящее исследование доказало необходимость продолжения изучения русских прагматических маркеров в аспекте их интонационно-просодических особенностей. Без подобного анализа изучение функций ПМ оказывается неполным и не всегда точным.

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: интонационное оформление и жестовое сопровождение (к постановке проблемы) // Фонетические этюды. Сб. статей в честь 70-летия профессора П. А. Скредина. СПб.: Скифия-принт, 2024а. С. 42–46.
- Богданова-Бегларян Н. В. КАК СКАЗАТЬ и ИЛИ КАК СКАЗАТЬ как прагматические маркеры русской повседневной речи (расширение словаря ПМ) // LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 19–26 марта 2024 г., Санкт-Петербург. Сб. тезисов / Гл. ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2024б. С. 1154–1155.
- Богданова-Бегларян Н. В. БАБКА ЗА ДЕДКУ...: о структуре хезитационных цепочек в русской устной речи // Анализ разговорной русской речи (АРЗ–2025). Труды XI междисциплинарного семинара, посвященного 100-летию со дня рождения М. В. Гординой / Науч. ред. У. Е. Кочеткова, П. А. Скредин. СПб.: Скифия-принт, 2025. С. 10–15.
- Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой

корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 396 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.). Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Frank-Job B. A Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles / K. Fischer (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 395–413.

Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main: Lang, 2011. 328 p.

References

Bogdanova-Beglarian N. V. [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Intonation and Gestural Accompaniment (Towards the Formulation of the Problem)]. *Foneticheskie ehtyudy. Sb. statei v chest' 70-letiya professora P.A. Skrelina* [Phonetic Etudes. A collection of articles in honor of Professor P. A. Skrelin's 70th birthday]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2024a, pp. 42–46. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. [KAK SKAZAT' and ILI KAK SKAZAT' as Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech (Expansion of the PM Vocabulary)]. *LII Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya imeni Lydmily Alekseevny Verbitskoi. 19–26 marta 2024, Sankt-Peterburg. Sb. tezisov* [52nd International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya. March 19–26, 2024, St. Petersburg. Abstracts]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2024b, pp. 1154–1155. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. [BABKA ZA DEDKU...: on the Structure of Hesitation Chains in Russian Oral Speech]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AP3–2025). Trudy XI mezhdisciplinarnogo seminar, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. V. Gordinoi* [Analysis of Colloquial Russian Speech (AP3–2025). Proceedings of the 11th Interdisciplinary Seminar dedicated to the 100th Anniversary of M. V. Gordina's Birth]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2025, pp. 10–15. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funkcionirovaniya v raznykh socialnykh gruppakh*. Koll. mon. [Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups. Collective Monograph]. St. Petersburg, LAIKA Publ., 2016. 244 p.

Bogdanova-Beglarian N. V. (resp. ed.). *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi*. Koll. mon. Ch. 1. *Chteniya. Pereskaz. Opisaniye* [Speech Sound Corpus as a Material for the

- Analysis of Russian Speech: a Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ., 2013. 532 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V. (resp. ed.). *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi. Koll. mon. Ch. 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. T. 1. O nekotorykh osobennostyakh ustnoi spontannoi rechi raznogo tipa. Zvukovoi korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoi auditorii* [Speech Sound Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech: a Collective Monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 1. On Some Features of Spontaneous Oral Speech of Different Types. Speech Sound Corpus as Material for Teaching Russian to Foreign Audiences]. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ., 2014. 396 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V. (resp. ed.). *Pragmaticheskiye markery russkoy povsednevnoy rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-monograph]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 520 p.
- Frank-Job B. [A Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers]. *Approaches to Discourse Particles*. K. Fischer (ed.). Amsterdam, Elsevier Publ., 2006, pp. 395–413. (In Eng.)
- Graf E. *Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main, Lang Publ., 2011. 328 p.
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night Dream Stories: Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. Moscow, Yazyki Slavianskikh Kul'tur Publ., 2009. 736 p.

Теория трех стилей и лексика русской поэзии XVIII в.: *ночь и ношь*

Лев Аркадьевич Трахтенберг, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), Lev_A_T@inbox.ru

DOI: 10.7868/S3034592826060030

АННОТАЦИЯ: В статье на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка анализируется употребление лексем *ночь* и *ношь* в русской поэзии 1701–1800 гг. Задача работы — проверить гипотезу о соответствии их дистрибуции нормам, которые сформулированы М. В. Ломоносовым в «Предисловии о пользе книг церковных...», и описать действительные закономерности их распределения. Эти слова взяты для анализа благодаря их ритмической тождественности в большинстве форм, позволяющей исключить влияние метрического фактора на выбор между ними.

Исследование показывает отличие узуса от нормы, которую предполагает теория Ломоносова. *Ночь* — немаркированный член стилистической оппозиции; это слово может употребляться во всех жанрах, включая высокие: торжественную и духовную оду, эпопею. *Ношь* — маркированный член, необязательный даже в высоких жанрах, редкий в средних и особенно в низких. Определяющую роль при выборе играет фактор рифмы. Вариативность узуса оставляет широкие возможности для индивидуальных стилистических стратегий. Например, Ломоносов почти всегда употребляет слово *ночь*, в том числе в эпопее, тогда как М. М. Херасков в этом жанре предпочитает *ношь*. В творчестве второго послепетровского поколения поэтов употребление лексемы *ношь* расширяется: она частотна у Хераскова, В. П. Петрова, Г. Р. Державина. К концу XVIII в. она при частом употреблении становится знаком

архаизаторской стилистики (у С. С. Боброва), а при редком — входит в фонд поэтизмов, используемых даже карамзинистами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литература XVIII в., история русского литературного языка, поэтическая стилистика, корпусное исследование, «теория трех стилей»

для цитирования: Трахтенберг Л. А. Теория трех стилей и лексика русской поэзии XVIII в.: *ночь и нощь* // Русская речь. 2026. № 6. С. 35–44. DOI: 10.7868/S3034592826060030.

From the History of the Russian Language

Theory of Three Styles and Lexis of Russian 18th-century Poetry: *Noch'* and *Noshch'* 'Night'

Lev A. Trakhtenberg, M. V. Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), Lev_A_T@inbox.ru

ABSTRACT: The paper analyses the use of *noch'* and *noshch'*, two synonyms for 'night', in Russian poetry from 1701 to 1800. *Noch'* is of Russian origin, while *noshch'* is derived from Church Slavonic. The research is based on the poetic sub-corpus of the Russian National Corpus. The aim is to test the hypothesis whether their distribution is in line with the theory, which Mikhail Lomonosov drafts in his *Preface on the Use of Church Books in the Russian Language*, and to describe the real patterns of their occurrence. The focus on these words is due to their rhythmic identity in most forms, which helps to exclude the influence of the metrical factors on the choice between them.

The study reveals a discrepancy between the *usus* and the *norm* as proposed by Lomonosov. *Noch'* is the unmarked term of the stylistic opposition; this word may be used in all genres, including the high ones, e. g. solemn and spiritual ode or epic. *Noshch'* is the marked term, but is optional even in high genres, rare in middle and especially low ones. The role of rhyme in word choice is crucial. The variety of the *usus* allows for wide opportunities

for individual stylistic strategies. For example, Lomonosov almost always uses *noch*', even in his epic, while Mikhail Kheraskov prefers *noshch*' for this genre. Some poets of the second post-Petrine generation, such as Kheraskov, Vasily Petrov, and Gavril Derzhavin, use *noshch*' more often than their predecessors. At the end of the century, *noshch*' comes to function as a marker of a deliberately archaic manner, when used frequently (as Semyon Bobrov does); however, when it occurs rarely, it turns into a typically poetic word, employed even by the Karamzinists, who are generally hostile to Slavonisms.

KEYWORDS: 18th-century literature, history of the Russian literary language, poetic stylistics, corpus study, theory of three styles

FOR CITATION: Trakhtenberg L. A. Theory of Three Styles and Lexis of Russian 18th-century Poetry: *Noch*' and *Noshch*' 'Night'. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 6. Pp. 35–44. DOI: 10.7868/S3034592826060030.

В русской литературе XVIII век — время нормативной поэтики и дифференциации устойчивых стилей. С первых лет становления новой жанрово-стилевой системы центральным в спорах о литературном языке становится вопрос о соотношении церковнославянизмов с русизмами [Вомперский 1970: 132–151; Успенский 2008: 82–200]. При этом генетический критерий классификации лексики осмысливается как стилистический [Живов 2017: 1026–1060].

Классический пример кодификации стилевой системы — «Предисловие о пользе книг церковных...» М. В. Ломоносова. В нем, как известно, выделяются три группы слов, разрешенных к употреблению: общие для церковнославянского и русского языков, присущие только церковнославянскому языку и, напротив, присущие только русскому. Развивая восходящую к античности концепцию трех стилей, Ломоносов распределяет слова по стилям так: общие для обоих языков слова могут быть во всех трех стилях; церковнославянские, отсутствующие в русском, — в высоком и среднем; русские, чуждые церковнославянскому, — в среднем и низком. Ломоносов также классифицирует жанры, относя к высокому стилю, например, героическую поэму и оду, а к низкому — комедию, эпиграмму, песню.

Многие церковнославянизмы и русизмы составляют синонимические пары. Если понимать Ломоносова буквально, то получается, что обе

лексемы, входящие в состав такой пары, должны быть ограничены в употреблении: не только церковнославянизм неуместен, например, в комедии, но и соответствующий русизм не должен употребляться в торжественной оде или эпосе.

Теория Ломоносова — не описание существующей ситуации, а программа, авторитетная, но, разумеется, остающаяся лишь рекомендацией [Живов 2017: 1059]. А какова практика? Как на самом деле распределены церковнославянско-русские дублиеты в поэзии XVIII в. — до и после выхода «Предисловия...»? Благодаря Национальному корпусу русского языка, предоставляющему в распоряжение исследователя обширный и репрезентативный круг источников [см.: Гришина и др. 2009; Савчук и др. 2024], это можно проверить. Задача статьи — провести такую проверку на ограниченном материале. Им служит одна из таких пар: *ночь* — *нощъ*.

Оба слова известны книжности издавна [Зверковская 2002]. В словарях первых десятилетий XVIII в. зафиксированы также оба: в «Лексиконе трехязычном» Федора Поликарпова — *нощъ* (а также производные *нощный*, *нощую* с вариантом *начую*, *нощесь* и др.) [Поликарпов-Орлов 1704: л. 200 об. — 201 2-й фол.], в русско-французском словаре А. Д. Кантемира — *ночь* (среди производных — *нощный* и *нощныи*, *нощую* и *нощую*) [Кантемир 2004: 708–709].

Выбор для исследования именно этой пары обусловлен ее ритмическими характеристиками. Объектом изучения является язык поэзии. Есть основания ожидать, что при подборе лексических вариантов определяющую роль будет играть ритмическая модель. Эти модели, естественно, различны у дублиетов с полногласием и неполногласием, во множестве случаев и у слов с разными корнями. Но у слов *ночь* и *нощъ* ритмически тождественны все формы, за исключением одной — творительного падежа единственного числа (*нощью* vs. *нощию*). Таким образом, в этом случае ритмический фактор приобретает значение сравнительно редко.

Следует принимать во внимание, что форме творительного падежа единственного числа омонимичны наречия, производные от нее. Далее в работе учтены все контексты, где встречаются *нощью* и *нощию*, вне зависимости от того, употреблено в них существительное или наречие.

Материалом исследования служат все тексты поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка, датированные от 1701 до 1800 г. Дополнительно использован полный текст «Россияды» М. М. Хераскова по прижизненным «Творениям»; текст его поэмы «Чесмесский бой» сверен по этому изданию [Херасков 1796; 1797: 93–155]. Также учтен полный текст поэмы С. С. Боброва «Херсониды» [Бобров 2008: 5–288].

Существительное *ночь* (вместе с наречием *ночью*) представлено в материале 657 примерами. Контекстов со словом *нощь* (включая наречие *нощью*, а также *нощью*, встретившееся всего один раз — в «Енее», т. е. переводе «Энеиды», выполненном В. П. Петровым) найдено 169. Как видно, слово *ночь* намного более частотно, чем *нощь*.

Прежде всего необходимо отметить, что и для этих слов исключительно важным оказывается фактор стиха, хотя и не ритмический. На ритмически различные формы приходится сравнительно небольшая доля контекстов: *ночью* — 35, *нощью* — 7. В данном случае главную роль играет не ритм, а рифма. Слово *ночь* входит в состав рифмы в 223 примерах, *нощь* — в 41, то есть для первой лексемы на эту позицию приходится около трети словоупотреблений, для второй — около четверти.

В свою очередь, в большинстве этих примеров слова *ночь* или *нощь* выступают в составе устойчивых рифмопар. Для слова *ночь* наиболее частотна рифма *ночи* — *очи*. На нее приходится 80 примеров — более трети всех случаев употребления этой лексемы в позиции рифмы. Намного реже рифмуются другие формы тех же слов: *ночей* — *очей* — четыре раза, *ночам* — *очам* — три, *ночами* — *очами* — один. Вторая по распространенности рифма к тому же слову, на этот раз к начальной форме *ночь*, — *прочь*. Она зафиксирована в 38 примерах. Частотна и рифма *в ночи* — *лучи*. Таких контекстов 26, всегда с предлогом *в*, но иногда с зависимыми словами между предлогом и существительным, например у Хераскова в оде «Знатная порода»: *Невежества в своей ночи*. Распространены и рифмы *ночь* — *дочь* (17 примеров), *ночи* — *мочи* (12).

Для слова *нощь* наиболее частотна рифма *нощи* — *рощи*. Она преобладает решительно: на нее приходится 23 примера, то есть более половины общего числа рифм к этому слову; кроме того, один раз встречается рифма *нощи* — *роще* и дважды — *нощь* — *рощ*. По данным корпуса, первым рифму *нощи* — *рощи* употребляет А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве», характеризуя пасторальную поэзию. В дальнейшем эта рифма сопутствует образу *рощи* как элементу топоса *locus amoenus* — в первую очередь в эклогах, но и в других жанрах тоже.

Устойчивые рифмопары объединяют жанры. Так, рифма *ночи* — *очи* связывает русизм и книжное слово, тоже имеющее некнижный синоним — *глаза*. Это не мешает поэтам употреблять ее как в высоких жанрах торжественной оды и эпопеи, так и в комическом жанре басни. В свою очередь, славянизм *нощи*, рифмующийся со словоформой *рощи*, оказывается возможен даже в таком стилистически сниженном тексте, как «Душенька» И. Ф. Богдановича (где, впрочем, такой пример один). Представлена эта рифма и в торжественной оде (например, в «Водопаде»

Г. Р. Державина). Но большинство контекстов с ней относится к средним жанрам — эклоге и идиллии, элегии, анакреонтической оде, посланию.

Приведенные примеры свидетельствуют, что рифма — приоритетный фактор выбора лексемы, хотя не снимает ограничения на употребление церковнославянизмов в низком стиле. Но большинство контекстов — не в позиции рифмы. Там, где влияние этого фактора исключено, на первый план выходят другие: стиль и жанр.

Оказывается, что слово *ночь*, как и *нощь*, широко употребляется в высоком стиле. Например, в торжественных одах Ломоносова не в позиции рифмы десять раз употреблено слово *ночь* и всего три раза — *нощь*. Употребляют слово *ночь* в жанре торжественной оды и ученик Ломоносова Н. Н. Поповский, и такой мастер высокого слога, как Петров, и Державин. При этом у Поповского слово *нощь*, судя по материалам корпуса, не встречается; у Петрова оно представлено в других жанрах — нравоучительной оды («Должности общежития») и эпопеи («Еней»). В торжественных одах Державина, написанных в XVIII в., по данным корпуса, слова *ночь* и *нощь* употреблены по девять раз каждое, и из этих случаев соответственно пять и шесть — за пределами зоны рифмовки. Складывается впечатление, что Ломоносов предпочитает писать *ночь*, а не *нощь*, тогда как для Державина в равной мере характерны оба варианта.

Оба слова возможны и в одах духовных. Здесь также сказывается индивидуальный стилистический выбор. Ломоносов в этом жанре употребляет только слово *ночь*, тогда как Державин — почти всегда *нощь*.

В другом высоком жанре — эпосе — возможны оба слова. В «Петре Великом» Ломоносова встречается только *ночь* (три контекста). В «Енее» Петрова (в том фрагменте, который входит в НКРЯ) слово *нощь* представлено четырьмя примерами (один из них — упомянутый выше контекст с *нощью*), *ночь* — тремя. В поэме Хераскова «Чесмесский бой» шесть контекстов со словом *ночь* (в том числе три рифмы *ночи* — *очи*) и три — со словом *нощь*. В «Россияде» слово *нощь* употреблено 44 раза (лишь один из них в рифме), тогда как *ночь* — 35 раз (только девять — вне рифмы). Судя по всему, выбор слова не задан жанром, а определяется скорее индивидуальными предпочтениями автора. Ломоносов выбирает русский вариант, а для Хераскова в большей мере характерен церковнославянский.

В жанре трагедии с ее проблематическим статусом между высоким и средним стилями преобладает вариант *ночь*. Сумароков употребляет только это слово в «Хореве» и «Семире». В «Димитрии Самозванце» один раз встречается *ночь* и два раза — *нощь* (один из этих контекстов в рифме). У Хераскова в трагедии «Освобожденная Москва» *ночь* упомянута четыре раза и *нощь* — один, но все эти примеры — в составе рифм.

Еще один жанр, положение которого в системе не вполне определено, — философская или нравоучительная ода, постепенно трансформирующаяся в стихотворение свободной формы на философскую тему. Серьезность содержания влечет за собой обращение к лексике церковнославянского происхождения, но и русизм вполне возможен. Например, М. Н. Муравьев употребляет в этом жанре оба слова: *Луга в ночи росу вкусили* («Ода десятая. Весна») — *Нощь бед и счастья свет* <...> *Но как вдруг нощь пройдет* («Ода из Флеминга»).

На границе высокой и средней зон стилевой шкалы находится также дидактическая поэма, часто принимающая форму эпистолы или цикла эпистол. Разнообразие ее стиливых вариантов обусловлено широким спектром тем. Например, В. К. Тредиаковский в поэме «Феоптия» развивает религиозную концепцию мироустройства. Для этого необходим книжный слог; соответственно, церковнославянизм *нощь* встречается часто — 14 раз. Но слово *ночь* представлено в поэме даже большим числом примеров — 16. Хотя известно, что для позднего творчества Тредиаковского характерна славянизация речи, в данном случае высокую частотность лексемы *нощь* можно объяснить скорее тематикой текста, поскольку в других произведениях автора, в том числе того же периода, преобладает слово *ночь*; таких примеров 21, тогда как *нощь* за пределами поэмы «Феоптия» Тредиаковский упоминает лишь дважды. Напротив, Ломоносов в «Письме о пользе стекла», дидактической поэме на светскую тему, употребляет только лексему *ночь*.

Рядом с дидактической стоит поэма описательная — редкий жанр, представленный в русской поэзии конца XVIII в. «Херсонидой» С. С. Боброва. Бобров известен архаизирующим слогом. Действительно, в поэме встречаются оба слова: *нощь* — 21 раз, *ночь* все же чаще — 38.

Из сказанного видно, что даже в высоких жанрах вариант *нощь* необязателен. В жанрах же средних он относительно редок. Например, в жанре идиллии, по данным корпуса, за весь XVIII век он встречается четыре раза; из этих контекстов три в составе рифмы *нощи* — *рощи*, а еще один — форма творительного падежа, очевидно ритмически обусловленная: *С любезной нощию рассталася луна* (Сумароков, «Дориза»).

Из числа представленных в корпусе элегий первая, где есть одна из искомых лексем, — стихотворение поэта Петровской эпохи И. П. Максимовича «Сия ли в рождение мое бысть планета...». Там трижды употреблено слово *нощь*. Это естественно для текста, включающего простые претериты. В поэзии же послепетровского времени господствует вариант *ночь*. В элегиях 1760-х — 1780-х гг. слово *нощь* встречается лишь четыре раза: дважды у А. А. Ржевского («Сбылося все, что я себе ни предвещал...»), по одному примеру у Сумарокова («Другим печальный стих

рождает стихотворство...») и Муравьева («Ночь»). Из этих четырех примеров три — в рифме со словом *рощи*, а четвертый, в элегии Ржевского, — вслед за такой формой и, видимо, под ее влиянием: *Пристанищем моим едины будут рощи, Отрадой гласы птиц среди весенней ночи. Но, ах! удобно ль что отраду мне подать? Всечасно день и ночь я стану там страдать...*

К концу XVIII в. жанровые границы размываются; на базе средних жанров, прежде всего элегии, формируется «стихотворение вообще», трудно поддающееся более точной идентификации. В таких текстах преобладает русское слово *ночь*. Церковнославянизм *нощь* встречается редко, но все же такие контексты есть. Его можно встретить и у авторов, склонных к использованию архаически-книжных лексем в сочетании с приметами сентиментального слога, как Г. П. Каменев, и даже у такого убежденного единомышленника Карамзина, как И. И. Дмитриев. Употребление этого слова не всегда мотивировано рифмой. Если оно используется, то обычно в соседстве с другими книжными словами и формами. Например, в стихотворении Дмитриева «Весна» оно выступает в составе условно-поэтической перифразы и в окружении других стилистически маркированных лексем: *Се ночь свинцовый скиптр взяла!* А в стихотворении Каменева «Вечер любезный! вечер багряный...», раскрывающем элегическую тему скорби о кончине возлюбленной, есть такие строки: *Ветер холодный мрачны ночи Роется бурно в моих волосах.* Здесь слово *нощь* соседствует с флексией род. п. ж. р. *-ья* (судя по ритму, произносимой в соответствии с написанием — в два слога) и в то же время с формой слова *волосы*, содержащего полногласное сочетание.

Тем более редко слово *нощь* в жанрах низких. В «Душеньке» Богдановича — ироикомической поэме — оно употреблено лишь один раз, в составе рифмы со словом *рощи* (тогда как *ночь* — 21 раз, из которых, впрочем, лишь пять — вне рифмы). В баснях, вошедших в корпус, примеров со словом *нощь* всего два: один в рифме у Дмитриева («Горлица и мальчик»), а другой, более ранний, — у Муравьева, вне рифмы, но рядом с другим книжным словом (...*открыл злодейства ночи день* — «Крестьянин, лисица и собака»). Зато слово *ночь* в баснях употребляется очень часто: в корпусе 35 таких примеров. В жанре сатиры слово *ночь* представлено 63 контекстами, из которых 35 приходится на творчество Кантемира. Лексема же *нощь* в сатире, по данным корпуса, не встречается.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Квантитативное исследование подтверждает, что теория трех стилей — скорее декларация, чем описание литературной практики.
2. Определяющим фактором выбора слова являются требования стиха — ритма и рифмы.

3. Дистрибуция слов *ночь* и *нощь* в текстах не вполне отвечает теории Ломоносова. Оба слова встречаются в текстах всего стилистического спектра. При этом русизм *ночь* широко распространен и в высоком стиле. Напротив, церковнославянизм *нощь* типичен только для высокого стиля, но и там ни в одном жанре не является обязательным. Даже в среднем его употребление, как правило, мотивировано контекстом; в низком такая мотивировка необходима, и тем не менее там он редок.

4. Эти не очень строгие ограничения оставляют широкое пространство для индивидуального выбора. Так, для Ломоносова типично слово *ночь*: во всем его творчестве 46 контекстов с этим словом и всего четыре — с лексемой *нощь*. Напротив, Херасков и Державин часто употребляют слово *нощь*; Херасков в «Россииде» даже предпочитает его, хотя им не ограничивается.

5. Дистрибуция лексем меняется не только от жанра к жанру, но и от периода к периоду. В силлабической поэзии Петровской эпохи корпус фиксирует лишь церковнославянский вариант, но примеров всего четыре; этого недостаточно для достоверных выводов. Из поэтов первого послепетровского поколения широко употребляет слово *нощь* лишь Тредиаковский в «Феоптии». Его современники — Кантемир, Ломоносов, Сумароков — явно предпочитают *ночь*. Преобладание русского слова над церковнославянским сохраняется и в дальнейшем. Вместе с тем у некоторых авторов следующего поколения — Петрова, Державина и особенно Хераскова — лексема *нощь* в высоких жанрах распространяется шире, чем у предшественников. В конце XVIII в., в период перестройки жанрово-стилевой системы, слово *нощь* сохраняется как характерный признак архаистической манеры (у Боброва) или как редкий поэтизм в рамках формирующейся нейтральной стилистики (например, у Дмитриева).

Источники

Бобров С. Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. / Изд. подгот. В. Л. Коровин. М.: Наука, 2008. Т. 2. 622 с.

Кантемир А. Д. Русско-французский словарь / Вступит. ст. и публ. Е. Э. Бабаевой. М.: Азбуковник; Яз. славян. культуры, 2004. Т. 1. ЛП, 818 с.

[Поликарпов-Орлов Ф. П.] Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М.: Син. тип., 1704. 403 л.

Херасков М. Творения. [М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия], 1796. Ч. 1. XX, 340 с.; 1797. Ч. 3. [8], 352 с.

Литература

- Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М.: Изд-во МГУ, 1970. 209, [1] с.
- Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.
- Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 2. 480 с.
- [Зверковская Н. П.] Ночь; ночь // Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русск. яз., 2002. Т. 5. С. 434–436.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Дониная О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
- Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. М.: Индрик, 2008. 608 с.

References

- Grishina E. A., Korchagin K. M., Plungian V. A., Sichinava D. V. [Poetic corpus in the Russian National Corpus: general structure and using perspectives]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and perspectives]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 71–113. (In Russ.)
- Savchuk S. O., Arkhangel'skii T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. [Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2024, no. 2, pp. 7–34. (In Russ.)
- Uspenskii B. A. *Vokrug Trediakovskogo* [Around Trediakovskij]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 608 p.
- Vomperskii V. P. *Stilisticheskoe uchenie M. V. Lomonosova i teoriya trekh stilei* [M. V. Lomonosov's stylistic teaching and the theory of three styles]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1970. 209, [1] p.
- Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti* [History of the Russian written language]. Moscow, Dmitry Pozharsky Univ. Publ., 2017. Vol. 2. 480 p.
- [Zverkovskaya N. P.] *Noch'; noshch'. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian language (11th–14th cent.)]. Moscow, Russk. Yaz. Publ., 2002, vol. 5, pp. 434–436. (In Russ.)

Мифонимы в метафорах и сравнениях современной русской прозы

Наталия Анатольевна Николина¹, Зоя Юрьевна Петрова²,
Наталья Александровна Фатеева³, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)^{1,2,3}, na.nikolina@mpgu.su¹, zoyap@mail.ru², nafata@rambler.ru³

DOI: 10.7868/S3034592826060048

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются мифонимы разного происхождения, которые включаются в состав метафор и сравнений в текстах современной русской прозы, прослеживаются некоторые направления их эволюции по сравнению с предшествующим периодом русской литературы, а также определяются их основные функции в контексте художественных произведений. Материалом для анализа служат прозаические тексты современных авторов (А. Иванова, Г. Яхиной, Д. Рубиной, Е. Чижова, А. Григорян, Л. Элтанг, Л. Юзефовича, О. Славниковой, С. Филипенко, А. Рубанова и др.), в том числе контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Анализ метафор и сравнений с мифонимами, связанными с разными культурами, показывает, что они распределены в текстах современной прозы неравномерно. В тропах преобладают античные, славянские и библейские мифонимы. Метафоры и сравнения современной русской прозы включают следующие группы мифонимов: теонимы, имена мифологических персонажей, названия антропоморфных существ низшего уровня, названия мифических животных, названия мифологических предметов и веществ, наименования мифологических пространств, городов, рек. В подавляющем большинстве контекстов метафоры и сравнения, содержащие мифонимы, характеризуют человека — персонажа произведения (его внешность, жесты, движения, действия, характер, особенности поведения,

звуки, речь, голос). Часто ситуации, в которых находятся персонажи, сопоставляются с элементами сюжета соответствующего мифа или сказки. Отличительной особенностью современной прозы является наличие у образов сравнения, выраженных мифонимами, распространителей, осовременивающих образ и часто снижающих его. Мифонимы в компаративных тропах выполняют в текстах современной прозы различные функции: функцию создания национально-исторического колорита, характерологическую функцию, оценочную и интертекстуальную функции. По сравнению с предшествующим периодом развития русской литературы состав мифонимов в компаративных тропах частично меняется, расширяется и ряд предметов сравнения, которые они характеризуют.

ключевые слова: мифоним, метафора, сравнение, современная русская проза, функция, предмет сравнения, образ сравнения

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Мифонимы в метафорах и сравнениях современной русской прозы // Русская речь. 2026. № 6. С. 45–58. DOI: 10.7868/S3034592826060048.

благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00722, <https://rscf.ru/project/26-18-00722/>.

The Language of Fiction

Mythonyms in Metaphors and Similes of Modern Russian Prose

Natalia A. Nikolina¹, Zoya Yu. Petrova², Natalia A. Fateeva³, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)^{1,2,3}, na.nikolina@mpgu.su¹, zoyap@mail.ru², nafata@rambler.ru³

ABSTRACT: This article analyzes mythonyms of various origins that are included in metaphors and similes in modern Russian prose texts, traces some of their evolutionary trends compared to those of the previous period of Russian

literature, and identifies their main functions in the context of literary works. The material for the analysis consists of the prose texts of contemporary authors (A. Ivanov, G. Yakhina, D. Rubina, E. Chizhov, A. Grigoryan, L. Eltang, L. Yuzefovich, O. Slavnikova, S. Filipenko, A. Rubanov, etc.), including contexts extracted from the Russian National Corpus. The analysis of metaphors and similes with mythonyms associated with different cultures shows that they are distributed unevenly in the texts of modern prose. Ancient Greek and Roman, Slavic, and biblical mythonyms dominate in these tropes. Metaphors and similes in contemporary Russian prose include the following groups of mythonyms: theonyms, names of mythological characters, names of lower-level anthropomorphic creatures, names of mythical animals, names of mythological objects and substances, and names of mythological spaces, cities, and rivers. In the vast majority of contexts, metaphors and similes containing mythonyms characterize person — their appearance, gestures, movements, actions, personality, behavioral traits, sounds, speech, and voice. Often, the characters' situations are compared to the plot elements of the corresponding myth or fairy tale. A distinctive feature of comparative tropes with mythonyms in modern prose is the presence of attributes associated with their vehicles, which modernize the image and often lower it. Mythonyms in comparative tropes perform various functions in contemporary prose texts: the creation of national-historical color, a characterological function, and evaluative and intertextual functions. Compared to the previous period of Russian literature, the composition of mythonyms in comparative tropes has partially changed, and the range of entities they characterize has expanded.

KEYWORDS: mythonym, metaphor, simile, modern Russian prose, function, tenor, vehicle

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Mythonyms in Metaphors and Similes of Modern Russian Prose. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 6. Pp. 45–58. DOI: 10.7868/S3034592826060048.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study has been supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 26-18-00722, <https://rscf.ru/en/project/26-18-00722/>.

Для метафорической картины мира современной русской прозы характерно обилие прецедентных феноменов. Среди них выделяются мифонимы разного происхождения, которые включаются в состав метафор

и сравнений. Понятие мифонима в научной литературе имеет различный объем. Прежде всего, под мифонимом понимается «имя собственное, предназначенное для называния антропоморфных языческих богов и демонов, героев мифов, а также предметов, наделяемых в народном сознании сакральным значением» [Ковшова 2019: 185]. Кроме того, в состав мифонимов некоторыми исследователями включаются и нарицательные имена существительные, обозначающие несуществующие реалии, связанные с мифологическими сюжетами: «Терминологическая единица “мифоним” в широком значении в равной степени относится и к онимным, и к апеллятивным номинациям сверхъестественных существ. Трактовка мифонимов как “лексических единиц мифического содержания” существенно расширяет круг соотносящихся с данным термином референтов вымышленной реальности, включая в него не только мифологических персонажей, но и мифических животных, артефакты, объекты топонимики и т. д.» [Плахова 2013: 31], см. также [Темиргазина, Андрющенко 2023].

Мифонимы неоднократно привлекали внимание исследователей: они рассматривались в составе загадок [Ковшова 2019], сказок, в том числе в сопоставительном аспекте [Кузнецова 2015], фразеологизмов [Беспалова 2021; Малых б. г.]; исследовалось также функционирование мифонимов в текстах отдельных писателей: А. С. Пушкина, И. А. Бунина [Юровицкая, Юровицкий 2019; Селеменова 2021 и др.]; анализировались отдельные мифологические образы [Злыднева (отв. ред.) 2014]. В то же время недостаточно изучены состав и функции мифонимов в текстах современной русской прозы.

Цель нашей работы — выявить образы-мифонимы в составе компаративных тропов в текстах современных прозаиков, проследить некоторые направления их эволюции по сравнению с предшествующим периодом русской литературы, а также определить их основные функции в контексте художественных произведений.

Материалом для анализа служат прозаические тексты современных авторов (А. Иванова, Г. Яхиной, Д. Рубиной, Е. Чижова, А. Григорян, Л. Элтанг, Л. Юзефовича, О. Славниковой, С. Филипенко, А. Рубанова и др.), в том числе контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Мифонимы, предполагающие историко-культурные ассоциации, обладают значительным креативным потенциалом, который усиливается в художественном произведении при их включении в состав компаративных тропов.

Анализ метафор и сравнений с мифонимами, связанными с разными культурами, показывает, что они распределены в текстах современной прозы неравномерно. В тропах преобладают античные, славянские

и библейские мифонимы. Реже в современных текстах в компаративных конструкциях встречаются наименования из области западноевропейской мифологии (*Тор, эльф, гном, гоблин* и др.), еще реже — из египетской мифологии (*Изида, Озирис, Анубис, Ра*): «Закрыт был храм. Справа же и слева от двери двумя неподвижными сфинксами, двумя *Анубисами* сидели нищие» (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона), арабской и персидской мифологии (*джинн, птица Симург*), совсем редко — японские мифонимы (*Каннон, тэнгу, Сусаноо*): «Ой, Асланбек Ятимович... Знаете, вы там лучше вообще ничего не говорите: купите водки и сразу обратно. Зухра, не волнуйся: обернусь мигом — подобно японскому богу ветра *Сусаноо!*...» (И. Косых. Нелегалы), а также индийские мифонимы (*Шива*): «Сейчас квартира, полная заведомых недругов, зашевелится, как огромный шестипалый *Шива* в танце» (Д. Симонова. Шанкр). Некоторые мифонимы регулярно встречаются в тропах во многих текстах, другие же характеризуют только отдельные культурно-специфичные тексты. Например, кельтские мифонимы, причем малоизвестные широкому кругу читателей, в составе компаративных конструкций последовательно употребляются в романе Л. Элтанг «Каменные клены»: «[Саша] пошла к дому, чуть сгорбившись, глядя в землю, мягко и осторожно ступая, будто *старуха каллах бера* с камнями в подоле» (в ирландской мифологии — создательница гор), «представьте, доктор, мой ум загнулся, будто *хвост зеленого шотландского пса ку-ши*» (Ку ши — мифологический пес, обитающий в Шотландии и на Гебридах), «и спрашивала обо мне — и у кого! у этого конторского *балора*, который открывает ленивый глаз лишь затем, чтобы выпустить облако ядовитого дыма» (Балор — в ирландской мифологии хтонический противник бога Луга и предводитель фоморов, противостоящих древним жителям Ирландии. Балор имел прозвище «Дурной Глаз», потому что взгляд его единственного глаза мог убить подобно молнии). В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» в составе тропов используются тюркские мифонимы: «*Убырлы карчык* — Упыриха. Зулейха ее так про себя называет», «Рассыпать зерно из одного мешка по нескольким научились еще в девятнадцатом, как только подступила к Юлбашу тогда еще неведомая, но с каждым годом становившаяся все страшнее, как *албасты*, прожорливее, как *дэв*, ненасытнее, как *жалмавыз*, — подразверстка» (албасты — женский демонический персонаж в мифологии, дэв — злой дух, антропоморфный великан, жалмавыз — мифологическая старуха-великанша, обжора и людоедка).

Метафоры и сравнения современной русской прозы включают следующие группы мифонимов:

1. Теонимы: «Когда кто-то из своих зевнул на блоке, здоровенный детина, похожий на *Тора-громовержца* или как минимум на Харальда Сурового, досадливо саданул мячом об пол» (Е. Завершнева. Высотка),

«Синея угаром, гильзы начали было свой праздничный перезвон, однако, тут же обратившийся многоруким *Шивой*, якут принялся выбрасывать их из люка» (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр»), «Поминутно у нее на глазах возникали лукавые слезы, которыми она управляла, словно *Зевс* своими ветрами» (А. Уткин. Дорога в снегопад), «Но Нелька скинула платье и побежала в воду — настоящая *Артемида*-охотница» (Г. Артемьева. Фата на дереве). В этой группе в современной прозе преобладают имена греческих богов.

2. Имена мифологических персонажей: «Ее папенька, Гамлет Суренович, похож на *Кащея* лицом и характером» (Слава Сэ. Ева), «Незачем было ей затевать тему развода с его престарелой *Бабой Ягой*» (Г. Артемьева. Фата на дереве), «Народный Вожатый — поэт в первоизданном и одновременно предельном значении этого слова. Он подобен *Орфею*, чьим стихам внимала вся природа, они двигали деревья и скалы» (Е. Чижов. Перевод с подстрочника), «Шел он, по-балетному выворачивая толстые, смешные ноги. *Голиаф*, но по-Давидовски с пращей-термоском» (А. Бузулукский. Раздражение).

3. Названия антропоморфных существ низшего уровня (*леший*, *домовой*, *водяной*, *кикимора*, *мавка*, *русалка*, *упырь*, *вурдалак*; *гном*, *тролль*, *гоблин*, *эльф*; *джинн* и др.): «Батя, как хмельной *домовой*, был громыхалой — всегда у него дверцы хлопали, посуда брякала» (А. Иванов. Золото бунта), «Дородные, с богачейшими подбородками, с отеками от жары и орошенными потом лицами, — под зеленым тентом они выглядели оживленными пожилыми *русалками*, или, скорее, *водяными*» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); «Будучи и так не очень привлекательным, от гнева он и вовсе превратился в существа *тролля*, покраснел, вот-вот кондрашка хватит» (Я. Солонин. Располагайтесь), «Знаешь, совсем еще недавно мне с высоты сегодняшнего моего возраста казалось, что сама я в детстве была очень умная, а сейчас подростки большей частью какие-то отсталые. Нет, ей-богу, пройдемся по вашей даже школе, послушаешь — ну просто *гоблины* вокруг какие-то. Полторы извилины в три ряда» (Д. Сабитова. Где нет зимы). В рассматриваемой группе доминируют славянские мифонимы. Необходимо отметить, что состав мифонимов этой группы обновляется. Так, в современной прозе появляются новые образы сравнения компаративных тропов — *тролль* и *гоблин*, которые не встречались в предшествующий период. Особенно широко используется слово *гоблин*, которое приобрело устойчивое переносное употребление, ср. некоторые его значения в словаре молодежного сленга — «1. пренебр. *Охранник* <...> 3. шутол., ирон. *Мускулистый мужчина без признаков интеллекта*» [Никитина 2007: 124].

4. Названия мифических животных (эта группа немногочисленна в современной русской прозе): «<...> девушка невероятной толщины, уже даже

не кустодиевской, а много, много богаче. И невероятной красоты. Сметанно-белое без румянца лицо, а волосы, брови, глаза черные. Совершеннейшая райская *птица Гамаюн*. Иранская какая-то» (Т. Толстая. Войлочный век). Наиболее часто в этой группе в качестве образа сравнения используется слово *жар-птица*, которое соотносится с разными предметами сравнения: «Словно дряхлая *жар-птица* в ветхом атласном пере, предпочитавшая уже не летать, а тащиться, кланяясь, на полусогнутых ногах, старуха наконец залезла на площадку» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки), «И опять с визгом распускались *хвостами жар-птиц* снопы огненных искр» (В. Мясников. Водка), «Вот так и смею, — отрезала Тамара, даже не повернувшись к злопыхателю, нервно поправлявшему похожий на *перо жар-птицы* шелковый галстук» (О. Славникова. 2017).

5. Названия мифологических предметов и веществ: «Идешь по улице, и незнакомый, совсем не твой мужчина цепляет тебя взглядом. Молчаливое, даже некасательное дело, но дивный миг пребывания в чужом глазу — как *молодильное яблоко*. Целый день ощущение уверенности, силы, все ладится, горит в руках, а всего-то — тебя зацепили глазом и чуть-чуть поносили в нем» (Г. Щербакова. Lovestория), «Почему “пик”? Скорее именно зуб. Или — обломок широкого клинка. *Наконечник Эскалибура*, замурованного в земной тверди вверх тормашками» (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть), «Этот заиндевелый темный вагон перед нами — чем это не *молот Тора*, брошенный в неведомого врага!» (В. Пелевин. Чапаев и пустота), «Пыль времени покрывает все на свете, даже слезы матери, утратившей дитя, но любовь как *живая вода* струится меж корней травы забвения» (И. Полянская. Жизель).

6. Наименования мифологических пространств, городов, мест, рек (*Аид, Тартар, Китеж, Атлантида, Стикс, Коцит, Лета*): «Интернет оказался своего рода *Аидом*, царством исчезнувших душ» (О. Славникова. Прыжок в длину), «Нева была как *Стикс*. Русский *Стикс*: приязненный и невозвратный!» (Б. Евсеев. Евстигней), «Крылов имел уже опыт разысканий в жировых отложениях засалившейся речки, которую горожане, бросавшие туда предметики, воспринимали, несмотря на малость и уость обленившейся *Леты*, как область небытия» (О. Славникова. 2017).

В подавляющем большинстве контекстов метафоры и сравнения, содержащие мифонимы, характеризуют человека — персонажа произведения. Среди оснований для образной характеристики выделяются:

- внешность: «В палате, как оказалось, были заняты только две кровати. Возле одной сидела похожая на *бабу-Ягу* старуха с большой бородавкой на носу и кормила чем-то домашним сидящую у нее на коленях толстую девочку» (В. Мухарьямов. Брагины), «Вчера владыка к нам прибежал хуже голи какой перекаточной — брада и власы

- ключьями, от рясы лохмотья, босой, грех смотреть — *Иов* на гноище...» (А. Иванов. Сердце пармы), «Будучи и так не очень привлекательным, от гнева он и вовсе превратился в сущего *тролля*, покраснел, вот-вот кондрашка хватит» (Я. Солонин. Располагайтесь);
- жесты, движения, действия: «Угрожающе, как *Змей Горыныч*, я пускаю клубы дыма в сторону Музы Пегасовны» (В. Синицына. Муза и генерал), «а одна какая-нибудь женщина все ворочалась без сна, натягивая на бедра задиравшийся халат, изгибаясь и шлепаясь, будто толстая печальная *русалка*» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки), «Иван Дмитриевич зажег свечку, прикрыл пламя ладонью и, как *Прометей*, похитивший с Олимпа небесный огонь, бесшумным, воровским шагом спустился по лестнице вниз» (Л. Юзефович. Дом свиданий);
 - характер, особенности поведения: «К тому же он был прирожденным заговорщиком, хитроумным *Одиссеем* и выдающимся организатором» (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын), «Время от времени Глеба Пермского посещают идеи — за ним не угнаться. Он переменчив, как *Протей*» (Л. Зорин. Юпитер);
 - звуки, речь, голос: «Тщедушный тишайший Витя-Голубь становился тут *соловьем-разбойником*, от сверлистого свиста которого пригибались травы и клонились деревья» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы), «Он нахмурился и забубнил, как заправский *гоблин*: — Ну ты чего, а?» (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта), «Появившаяся неизвестно откуда секретарша с формами обольстительными, но гротескно избыточными, проводила Дорохова до дверей кабинета и, как бы невзначай, журчащим голосом *наяды* напомнила <...>» (Н. Дежнев. Год бродячей собаки), «А муж твой... Это этот? — громыхал, как *Зевс*, сильный мира сего» (Г. Артемьева. Фата на дереве);
 - ситуация, в которой находится персонаж, сопоставляется с элементами сюжета соответствующего мифа или сказки: «Математик может за Богом подглядеть, утянуть что-нибудь в свое пользование, в пользование человечества, как *Прометей*» (А. Иличевский. Перс), «Но есть и другие, такие, как я, похожие на *царя Мидаса*: все, к чему прикасаюсь, превращается в боль и горечь, словно нет для меня обыденной человеческой радости» (Е. Чижова. Лавра), «Одни говорят, что Марина возникла вдруг — из ниоткуда, сразу во всеоружии, как *Афина*, и через какой-нибудь год завоевала в Питере странную известность, особенно среди богемных художников и поэтов» (А. Вальцев. Путешествия в одну сторону).

Среди образных контекстов с мифонимами, характеризующими лиц, встречаются случаи несовпадения пола мифического существа и характеризуемого персонажа. Подобные контексты часто выражают ироническую

экспрессию: «противник Анфилогова, профессор Сорбонны, обходительный каверзник с внешностью *Бабы-яги*, переодетой в мешковатые брюки и старый твидовый пиджак, четыре года как не звонил» (О. Славникова. 2017), «Из бочки я вылез... как *Венера* из пены морской, такой же чистый, гладкий и обольстительный» (А. Аршакян. Шведский дебют Ивана Денисовича).

Отличительной особенностью современной прозы является наличие у образов сравнения, выраженных мифонимами, распространителей, осовременивающих образ и часто снижающих его: «И работы снова свистели, грозно, ликующе, требовательно, словно *Соловьи-разбойники местного, микрорайонного разлива*» (М. Степнова. Бедная Антуанетточка), «Все его хваленые мышцы не сделали из него мужчины. *Геракл, который пускает сопли*. Защитник обиженных и оскорбленных» (Л. Зорин. Юпитер), «Взмахнув крыльями, я *пьяным Икаром* рухнул под стол и уже оттуда сдавленно взвыл» (В. Скрипкин. Тинга), «Он поймал мой взгляд и сказал, указывая на свои мешки под глазами и уродливый носатый профиль: *Ахилл с перепоя*. Ха-ха!» (Э. Радзинский. Наш Декамерон).

Значительно реже, чем человека, метафоры и сравнения с мифонимами характеризуют окружающий мир — природу и созданные человеком предметы. Среди природных явлений выделяются светила — солнце, звезда. Образы сравнения в таких тропах:

- обозначения божеств и антропоморфных мифических существ:
солнце — *Ярило, Сизиф*: «Причем лучи красного солнца топырились во все стороны, будто *кудри сказочного Ярилы*» (А. Рекемчук. Мамонты), «Равнодушное солнце войдет и выйдет, войдет и выйдет. Тоже ненавидит свою постоянную службу. Да, солнце напоминает *Сизифа*. И никто его не пожалеет» (А. Образцов. Короткие рассказы);
звезда — *эльф*: «Высоко в небе горела единственная звезда, похожая на вытянутую детскую юлу или танцующего *эльфа*» (А. Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь);
- обозначения мифических предметов:
звезда — *кулон на груди у Нюкты*: «И вот эта звезда... точно *кулон на груди у Нюкты-ночи*, точно драгоценный камень» (М. Галина. Куриный Бог).

Кроме светил, тропы с мифонимами характеризуют:

- деревья: «Я буду уже знать, что увезу своего зайчонка в сказочную страну, где пальмы похожи на танцующего *Шиву* и где никогда не бывает радиоактивных дождей» (А. Браво. Комендантский час для ласточек);

- атмосферные явления: «Через мгновенье раздались раскаты грома, словно по небу промчалась колесница *Зевса-громовержца*» (А. Мацианов. Мастер и подмастерье), «И тогда ревел гром, стонали земля и горы, страшное эхо катилось с высот — словно разом взрывались тысячи иерихонских труб или насмерть бились за пространство дохристианские *Зевс и Ярило*» (А. Пашкевич. Сим победиши);
- водоемы и землю: «Позади — непроходимая долина Бартанга, где даже выглянуть из кузова жутко: самолетная высота, озеро Сарез — 200 метров кристальной глубины — *памирский Китеж*: селение стоит на дне целехонько и ясно, как Геркуланум, погруженный в янтарь»; «Там, в Лысой бухте, в кромешной темени на кромке берега у отвесной стены, на скользком, как *глаз Полифема*, глинистом отвале, меня застигнет грозовой, теплый, парящий даже шторм» (А. Иличевский. Ай-Петри);
- животных: «Это совершенно необыкновенная ящерица, вся в ярко-зеленой колючей чешуе, как *Змей Горыныч*, с широкой и плоской головой, тонкой шеей, выпуклыми, как у крокодила, глазами и дырками на месте ушей» (В. Климов. Агама — каменный цветок), «Бедная кошечка металась по всему святилищу, как бешеный *тэнгу*» (А. Григорян. Осьминог). (Тэнгу (от кит. Тянь-хоу) — в японской мифологии тератологическое существо; выступает в облике мужчины огромного роста с красным лицом, длинным носом, с крыльями (в волшебной сказке летает с помощью взмахов чудесного веера), в одежде горного отшельника (ямабуси); наделен огромной силой, враждебной плодородию [Мифологический словарь 1990: 543]).

Созданные человеком предметы уподобляются:

- мифическим существам: «Два состыковавшихся катера, словно *вампир* и его жертва» (А. Иванов. Охота на «Большую Медведицу»), «Быстро закипел чай и оживилась каша. Она родилась из горсти сухой гречки, как *Афродита* из пены» (А. Иванов. Географ глобус пропил), «Крыша, эта чертова *Даная*, без конца принимает дождь» (Ю. Кокошко. Дорога, подписанные шаги и голоса);
- мифическим предметам: «В центре потолка, где вчера еще синело высокое небо, реет гигантский, похожий на *ковер-самолет*, алый стяг» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза), «травник исчез, превратился в кусочек мха, будто *волшебная монета карлика-коронайда*» (коронайды — персонажи кельтской мифологии, чародеи, которые расплачивались за пищу и кров такими монетами. Они выглядели как настоящие, но как только кончалось действие магических чар, превращались в комочки обычного мха) (Л. Эланг. Каменные клены),

«Блокада (экономическая), объявленная Горбачевым, в Вильнюсе не чувствуется — кафе, как *скатерти-самобранки*, все есть» (Д. Каралис. Автопортрет).

Креативный потенциал мифонимов в современных текстах особенно ярко проявляется в окказионализмах, которые образуются на их основе: «Что-то его ждет дома, то бишь в “гробу с музыкой”, где *кощей-бес-смертная* старушка над “попугайчиками” чахнет» (А. Измайлов. Трюкач), «Цахилганов снисходительно усмехнулся — он не любил грубых, раздражённых, деловых женщин. Уродки цивилизации. На службе они — Гермесы, дома — Афродиты... *Гермесо-Афродитки*...» (В. Галактионова. 5/4 накануне тишины).

Многие мифонимы в современной прозе служат образами-эталоном (Геракл, Аполлон, Афродита, ведьма, кикимора и др.) и выражают разные типы оценок: «Говоря так, профессор внезапно вспомнил <...>, как его грубо, по-хамски завалили на самой первой предзащите. Постаралась завкафедрой — всем известная блондинистая сука, имевшая репутацию университетской *Цирцеи*» (О. Славникова. 2017), «Луиджи выкрал ее из монастыря. Это женщина необыкновенной красоты, *Венера*...» (Л. Юзефович. Костюм Арлекина).

Итак, в современной русской прозе широко используются компаративные тропы, включающие мифонимы. Они представляют разные культуры и выполняют в текстах функцию создания национально-исторического колорита, характерологическую функцию, оценочную и интертекстуальную функции.

Чаще всего мифонимы в компаративных тропах характеризуют человека (персонажа): его внешность, действия, речь, характер и ситуации, в которых он находится. Они способствуют созданию ярких, часто оценочных образов.

Образы сравнения компаративных тропов — мифонимы — могут развивать в тексте значимые для него мотивы и играть сюжетообразующую роль. Так, в романе О. Славниковой «2017» важное место в системе образов занимают наименования мифических существ уральского фольклора (*Каменная Девка*, или *Хозяйка Горы*, *Пляшущая Огневка*, *рифейская ящерка* и др.), компаративные тропы с этими образами сравнения проходят через весь текст романа (см. [Петрова, Фатеева 2023: 104–105]). В романе Саши Филипенко «Кремулятор» ключевую роль играют в тропах образы греческой мифологии, связанные со смертью: *Аид*, *Стикс*, *Харон*; они появляются во фрагментах повествования от лица главного героя романа — первого директора крематория: «Мой подвал на Донском кладбище был настоящим *царством Аида*. *Сын Реи и Кроноса*, *брат Зевса*, я был тем, чье

имя старались не произносить. И все же, милая, я был не Танатос — я был не смерть. Скорее *Аид* — *Аид*, правящий царством, которого не желал», «От ночи к ночи грузовик с десятком трупов проезжал Большой театр, Охотный Ряд и руины храма Христа Спасителя. Москва-река превращалась в реку *Стикс* <...>», «Я, *Петр Ильич Нестеренко*, первый директор Московского крематория, и меня следует уважать, потому что я могу дать больше, чем могут дать мне, ибо я и есть московский *Харон*».

По сравнению с предшествующим периодом развития русской литературы состав мифонимов в компаративных тропах частично меняется. В конце XX — начале XXI вв. в текстах появляются новые образы, не использовавшиеся раньше: *тролль*, *гоблин*. В качестве предметов сравнения начинают использоваться термины, относящиеся к области компьютерных технологий: «Интернет оказался своего рода *Аидом*, царством исчезнувших душ» (О. Славникова. Прыжок в длину), «кластерные системы (от англ. *cluster*¹ — скопление, куча), когда, по сути, в единый вычислительный комплекс объединено несколько (иногда несколько десятков) обычных однопроцессорных компьютеров. Получается вроде *Змея Горыныча* — сказочного существа о многих головах» (Д. Усенков. Электронный Юлий Цезарь).

В современной прозе сохраняется широкое использование славянских, античных и библейских мифонимов, однако они чаще, чем раньше, выражают сниженную ироническую оценку. В современных прозаических текстах реализуются и новые значения мифонимов, закрепившиеся в жаргонах (см. употребление слов *гоблин*, *упырь*): «Впрочем, если бы вы этого своевременно не узнали, я бы давным-давно отправил вас в провинцию поработать в каком-нибудь Ушанске районным *упырем*» (Н. Дежнев. В концертном исполнении), «Прежде всего номенклатурный *упырь* должен создать вид своей перегруженности великим делом строительства низма за одним отдельно взятым столом» (В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове); «Ну, здорово, Иннокентий. Извини, напугали тебя мои *гоблины*. Они — не смотри, не то что прям бандиты. Им просто это... интеллекта не хватает» (Н. Дашевская. Скрипка неизвестного мастера).

Анализ метафор и сравнений с мифонимами позволяет показать, что у современных авторов сохраняется культурно-историческая память. В прозе последних лет рассматриваемые метафоры и сравнения соотносятся с современными реалиями и могут не только отражать древние архетипические представления, но и привносить новые оценочные коннотации. Мифонимы в современной русской прозе представляют собой динамичный и развивающийся пласт образной лексики.

¹ <https://nkj.ru/archive/articles/14499/>

Изучение функционирования тропов с мифонимами в современной прозе важно как для рассмотрения культурно-языковой картины мира в целом, так и для исследования метафорической картины мира современной художественной речи и выявления индивидуального своеобразие стиля различных писателей.

Литература

- Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом — прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 29–46.
- Злыднева Н. В. (отв. ред.). Гибридные формы в славянских культурах. М.: Институт славяноведения, 2014. 464 с.
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
- Кузнецова Н. Ю. Функционирование мифонимов в немецких и русских сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Ч. 1. № 7 (49). С. 109–111.
- Малых С. А. Мифонимы в составе русских и немецких фразеологизмов // Меридиан [Электронный ресурс]. URL: <https://meridian-journal.ru/site/article99fa/?ysclid=mhdc0r6syy287771882> (дата обращения 21.11.2025).
- Мелетинский Е. М. (ред.). Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2007. 910 с.
- Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Система сравнений и метафор в романе О. Славниковой «2017» // Русская речь. 2023. № 6. С. 95–106.
- Плахова О. В. Мифоконцепт, мифологема, мифоним, мифолексема: к вопросу об унификации терминологического разнообразия // Карельский научный журнал. 2013. № 2. С. 30–33.
- Селеменева О. А. Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина // Научный диалог. 2021. № 6. С. 136–150.
- Темиргазина З., Андрющенко О. Мифонимы как эталоны уродства и красоты // Orbis Linguarum. Vol. 21. № 1. P. 72–84.
- Юровицкая Л. Н., Юровицкий С. В. Мифологическая основа литературного наследия А. С. Пушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 404–409.

References

- Bespalova E. A. [Phraseologisms of mythological origin with a precedent name component: Features of structure and usage (based on newspaper texts)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2021, no. 69, pp. 29–46. (In Russ.)
- Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs, and sayings: The anthroponymic code of culture]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 400 p.
- Kuznetsova N. Yu. [The functioning of mythonyms in German and Russian fairy tales]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 7 (49), part 1, pp. 109–111. (In Russ.)
- Malykh S. A. [Mythonyms in Russian and German phraseologisms]. *Meridian*. (In Russ.) Available at: <https://meridian-journal.ru/site/article99fa/?ysclid=mhdc0r6syy287771882> (accessed 21.11.2025).
- Meletinskii E. M. (ed.). *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., 1990. 672 p.
- Nikitina T. G. *Molodezhnyi sleng: tolkovyi slovar'* [Youth slang: Explanatory dictionary]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2007. 910 p.
- Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. [A system of similes and metaphors in O. Slavnikova's novel "2017"]. *Russkaya rech'*, 2023, no. 6, pp. 95–106. (In Russ.)
- Plakhova O. V. [Mythoconcept, mythologeme, mythonym, mytholexeme: More on unifying terminological diversity]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2013, no. 2, pp. 30–33. (In Russ.)
- Selemeneva O. A. [The system of mythonyms in the poetry of I. A. Bunin]. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 6, pp. 136–150. (In Russ.)
- Temirgazina Z., Andryushchenko O. [Mythonyms as standards of ugliness and beauty]. *Orbis Linguarum*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 72–84. (In Russ.)
- Yurovitskaya L. N., Yurovitsky S. V. [Mythological foundations of A. S. Pushkin's literary heritage]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 404–409. (In Russ.)
- Zlydneva N. V. (resp. ed.). *Gibridnye formy v slavyanskikh kul'turakh* [Hybrid forms in Slavic cultures]. Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2014. 464 p.

Языковая репрезентация образа белых ночей в прозе Николая Жернакова

Андрей Васильевич Петров, Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Архангельск), a.petrov@narfu.ru

DOI: 10.7868/S3034592826060055

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется языковая репрезентация образа белых ночей в творчестве одного из создателей Северного текста русской литературы Н. К. Жернакова. В анализируемых произведениях активно употребляется прямая номинация белой ночи, чаще всего в функции подлежащего, при этом природное явление одушевляется и выступает активно действующим субъектом. Возможна номинация этой реалии через сочетания с относительными прилагательными, обозначающими время года или месяц, для которых она характерна. Эпитеты определяют белую ночь по различным параметрам: по наличию света, отсутствию шума, протяженности, внешнему виду, кроме того, используются и оценочные эпитеты. Используются метафоры и сравнения, в которых летняя светлая ночь уподобляется прозрачным тканям. К показательным характеристикам белой ночи относятся ее особый свет и безмолвие. Отмечается тесная связь белых ночей с бескрайностью пространства, с колдовством, сказкой. Писатель подчеркивает, что для всех северян пора белоночья является самой важной и самой красивой в году, поскольку она оказывает ощутимое воздействие на людей, порождает оптимизм, уверенность в себе и в то же время тревогу, которая обостряет чувства, пробуждает надежду.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Северный текст русской литературы, прямая номинация, синтаксическая функция, дериват, эпитет, метафора

для цитирования: Петров А. В. Языковая репрезентация образа белых ночей в прозе Николая Жернакова // Русская речь. 2026. № 6. С. 59–71. DOI: 10.7868/S3034592826060055.

The Language of Fiction

Linguistic Representation of the Image of White Nights in the Prose of Nikolai Zhernakov

Andrey V. Petrov, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Russia, Arhangelsk),
a.petrov@narfu.ru

ABSTRACT: The article analyzes the linguistic representation of the image of white nights in the prose of one of the creators of the Northern Text of Russian literature, N. K. Zhernakov. The direct nomination of a white night in the analyzed texts most often performs the function of a subject, while a natural phenomenon can be seen as an actor. This reality can be nominated using combinations with relative adjectives indicating the time of year or month during which it occurs. Epithets define a white night in terms of the presence of light, absence of noise, length, appearance, and evaluation. In metaphors and comparisons, the manifestations of a bright summer night are likened to transparent fabrics. The significant characteristics of the white night include its special light and silence. There is a close connection between the white nights and the vastness of space, as well as witchcraft, and a fairy tale. The writer emphasizes that for all Northerners, the time of white nights is the most important and most beautiful time of the year. This period has a tangible impact on people, evoking optimism, self-confidence and at the same time anxiety, which sharpens their feelings and awakens hope.

KEYWORDS: Northern text of Russian literature, direct nomination, syntactic function, derivative, epithet, metaphor

FOR CITATION: Petrov A. V. Linguistic Representation of the Image of White Nights in the Prose of Nikolai Zhernakov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 6. Pp. 59–71. DOI: 10.7868/S3034592826060055.

В последние годы значительно возрос интерес филологов к изучению локальных художественных сверхтекстов, которые выражают национальный менталитет в его региональном варианте. На протяжении ряда лет разрабатывается учение о Северном тексте русской литературы, который отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает особый мифопоэтический образ Русского Севера (см. [Галимова, Лошаков (ред.) 2017]).

К одному из сквозных образов, определяющих своеобразие художественной картины мира произведений, которые составляют Северный текст русской литературы, относится образ такого уникального природного явления, как белые ночи: «Смысловое наполнение этого образа непосредственно соотносится с теми глубинными смыслами», которые и позволяют характеризовать Северный текст как сверхтекст [Галимова 2011: 442].

В нашей статье анализируется языковая репрезентация образа белых ночей в прозе выдающегося северного писателя Николая Кузьмича Жернакова (1914–1988), в чьем творческом наследии многократно встречается яркое описание этого природного явления: *белые ночи* — ‘ночи на севере, когда сумерки не переходят в темноту’ [Ожегов 1991: 49]. «В самом словосочетании “белые ночи” ощутима образность, по сути, это оксюморон, так как ночь традиционно соотносится с темнотой» [Галимова 2011: 442].

Наименование белой ночи используется в названиях двух произведений Н. К. Жернакова: повести «Белая ночь в окне» и рассказа «Туман над морем белой ночью», в ряде рассказов и очерков действие происходит именно в пору белоночья: «На северной реке», «Далеко от войны», «Северьян», «Добрый архангельский колдун», «Дядя Костя». Всего в качестве материала исследования используются текстовые фрагменты 22 произведений писателя¹.

В анализируемых текстах активно употребляется прямая номинация *белой ночи* (46 раз) в форме как единственного (33), так и множествен-

¹ Источники цитируются по электронным версиям, доступным на сайте Архангельской областной библиотеки: <https://writers.aonb.ru/zhernakov-n.k.html>

ного (13) числа, а также дериват, образовавшийся путем сложения основ слов, составляющих это устойчивое сочетание, *белоночь* (3 раза).

Подавляющее большинство случаев употребления прямой номинации *белая ночь* в художественном контексте представляет собой номинатив в функции подлежащего, например: *Белая ночь колдовала над просторами северной земли* («Фронтовая страда»); *Белая ночь уже хозяйничала вокруг* («Далеко от войны»); *Чего только не нашепчет молодой женщине белая ночь да вынужденная бессонница!* («Белая ночь в окне»); *Может, белые ночи меня околдовали, может, люди здесь какие-то необыкновенные — не знаю* («Не море — ветры топят корабли») — природное явление одушевляется и выступает активно действующим субъектом, ср. другие глагольные сказуемые при этом подлежащем: *наколдовала, трепетала, грустит, глядит, увела, подернула, (тени) не дает, раскинула (крылья), разлила (тишину), разольются*.

К наиболее показательным следует отнести случаи использования этой номинации в художественном контексте в качестве именительного представления (темы), который выделяет предмет высказывания, привлекает внимание к нему:

Белые ночи... Северное чудо! Оно тревожит не только ребятишек, молодёжь — в хорошую погоду на берег Курополки выходят и древние старики («Кричите, гуси осени моей...») — здесь обращает на себя внимание перифраз — оценочное восклицание *Северное чудо!*, красноречиво свидетельствующее об особом отношении повествователя к описываемому явлению природы; сказуемое *тревожит* указывает на особенность воздействия белых ночей на людей.

Белые ночи... Что-то удивительное спрятано, заколдовано в самую их сердцевину. Что-то очень русское, глубинное... Как в русских сказках и былинных напевах («Горелый Бор») — отмечается тесная связь белой ночи в восприятии северян с волшебством, колдовством, сказкой и в то же время со спецификой русского национального менталитета.

Проявления такого восприятия белой ночи неоднократно встречаются в анализируемых текстовых фрагментах: *Но вот он — Горелый Бор, околдованный белой ночью* («Горелоборские солдаты»); *Ведь это белая ночь околдовала Дашу* («Белая ночь в окне»); *И опять сказочно вокруг: ведь белая ночь и тени-то не дает, дома стоят как высеченные в голубоватом мраморе* («Добрый архангельский колдун»); *...когда над миром вокруг струится серебристая прозрачность, все превращая в сказку, в нереальность, в колдовство* («На северной реке»). Как справедливо замечает известный литературовед, уроженец Севера А. А. Михайлов: «Человека с воображением белая ночь околдовывает, берет в плен, заражает тихой радостью от встречи с необычным и прекрасным. И когда воображение сосредоточивается на

конкретном образе, то и он обретает черты полусказочные, идеальные» [Михайлов 1976: 6].

В произведениях Н. К. Жернакова для номинации поры белоночья также используется слово *междузорье*, в его семантике проявляется специфика этого уникального природного явления, при котором максимально сокращается промежуток между вечерней и утренней зарей: *Трудно сказать, который час. На Северной Двине июнь, а в это время ночи пронизаны светом междузорья. Вечерняя заря потухла, обесцветила небо, но не омрачила его* («Белая ночь в окне»); *Было то время, когда над рекой уже таяли отблески полуночного междузорья. Вечерняя заря только что потухла, а утренняя уже подрумянила край неба* («Невесты»); этот период можно обозначить соответствующим перифразом: *Наступало время встречи зорь — вечерней и утренней* («Единомышленники»).

Ср. художественное описание «поведения» двух зорь в период белой ночи: *Но вот и солнце закатилось. А заря не гаснет, она только чуть бледнеет на час-полтора, а там снова наливается розоватостью, которая становится все гуще. Легкие предутренние тучки, подсвеченные зарей, уходят все выше и выше, истаявая на глазах, и наконец совсем исчезают. Показывается ослепительно золотистый край солнечного диска* («Дядя Костя»).

Нередко номинация *белая ночь* выполняет функцию темпоратива: *В белые ночи море обычно спокойно и мудро молчит, словно стремится добавить к ним еще что-то свое, не постижимое разумом* («Туман над морем белой ночью»); *Весной одинокому человеку неуютно живется, особенно на Севере в белые ночи* («Единомышленники»); *Чудесно белою ночью за горячим чаем у костра смотреть на полноводную реку* («Северьян»); *Хорошо около озера мечталось в такие вот белые ночи* («Белая ночь в окне»).

Встречаются в текстах сочетания с относительными прилагательными, обозначающими время года или месяц, синонимичные сочетанию «белая ночь»: *Меркнет короткая, как песня зяблика, летняя ночь над рокозовскими деревнями* («Невесты»); *Майская ночь колдовала над Двиной, над раздольем Кузьминского луга* («Восход»); *Июньская ночь на Двине прозрачна, сквозь такую ночь хорошо глядеть на раскинутый перед тобою мир* («Единомышленники»).

Используется писателем также вариант устойчивого сочетания с заменой прилагательного — *белесая ночь*: *Вечерело. Белесая ночь, словно тончайшей паутинной кисеей, накрывала землю. Звала по домам* («Горелый Бор»); *По бурной воде лесной речушки стихийно — молею — плывут бревна. Плывут так густо, что вода только кое-где пробивается тусклым — в белесой ночи — окошечком* («Белая ночь в окне»).

Следует отметить, что одним из самых частотных эпитетов, характеризующих это природное явление, в контексте произведений Н. Жернакова

является именно прилагательное *белесый* в значении ‘тусклый и светлый до белизны’ [Ожегов 1991: 48]: *Идет ли парочка по двинскому берегу-угору, тесно прижавшись плечом к плечу, — над нею тихо грустит белесое небо, ее чаруют прозрачные горизонты, ее любовь на виду целого мира* («Единомышленники»); *Все, особенно дальние предметы, прорисовывались с такой ясностью и четкостью, словно они были врезаны художником в этот белесый хрусталь* («Далеко от войны»); *Анисья приподнялась, оглянулась вокруг: всюду белесое безмолвие и безлюдье* («Односельчане»).

Неоднократно встречается производное от этого прилагательного абстрактное существительное *белесость*: *...ночная белесость неба над нею* [рекой. — А. П.] *стала выше, и неоглядная ширь ее казалась еще просторнее* («Фронтовая страда»); *Белесость ночи не дает теней* («Односельчане»); *...небо однотоно блистало серебристо-фольговой белесостью* («На северной реке»).

В последнем примере обращает на себя внимание определение *серебристо-фольговый* — писатель неоднократно сопоставляет внешние характеристики белой ночи с качествами *фольги* в значении ‘тончайший металлический лист, употребляемый в технике, для тиснений, для упаковки пищевых продуктов’ [Ожегов 1991: 852] и *серебра* в значении ‘драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета’ [Ожегов 1991: 711], что можно признать одной из особенностей идиостиля писателя: *В небе, над землей, в воздухе стала исчезать фольговая серебристость* («Северьян»); *...с бездонной глубиной матовой реки и серебристо-фольговой высью небес* («Добрый архангельский колдун»); *...от этого непонятного серебристо-фольгового простора, когда все вокруг спит, но поверить в это нельзя* («Туман над морем белой ночью»). Совмещаются также оттенки белесого и серебристого цветов: *А над Двиной бездонное белесо-серебристое небо, в самом воздухе, пропитанном солоноватыми запахами близкого моря, есть что-то завораживающее* («Горелый Бор»).

Отметим другие эпитеты, определяющие белую ночь по различным параметрам — прямым, в частности по наличию света: *светлая*; по отсутствию шума: *тихая*; по протяженности: *короткая, коротенькая*; и переносным, в частности по внешнему виду: *прозрачная, серебристая*; по оценке: *чудная, таинственная, волшебная, колдовская*. Например: *У нас под Вологдой таких светлых не бывает* («Белая ночь в окне»); *Приспело время тихого серебристого белоночья* («Будни войны»); *...настоящим подарком будут две коротенькие ночи* («На северной реке»); *Прозрачная и таинственная, как всегда, трепетала белая ночь над Придвиньем* («Невесты»); *Даже чайки, возникшие над водой, как только первые лучи солнца упали на ее гладь, летят молча, словно они зачарованы этой колдовской ночью и не хотят нарушать тишину* («Дядя Костя»); *Чудная ночь прошивает каждую*

улицу поселка («Белая ночь в окне»); *Волшебная летняя ночь на Северной Двине* («Единомышленники»).

Экспрессивность разговорного синтаксиса позволяет адекватно охарактеризовать краткость белой ночи в речи одного из персонажей: — *Вот она, ночь-то, — неожиданно задушевым голосом заговорил Бальнев. — Не успели слова сказать, а ее — пых! — и нету* («Белая ночь в окне»).

Особо отметим использование в художественном описании белой ночи прилагательного *прозрачный*, выступающего в значении ‘пропускающий сквозь себя свет’, а когда речь идет о воздухе — ‘очень чистый’ [Ожегов 1991: 609], и его деривата *прозрачность*: *Июньская ночь на Двине прозрачна* («Единомышленники»); ...и эти *прозрачные* не дневные дали... («Поморские ветры»); ...над миром вокруг струится *серебристая прозрачность* («На северной реке»).

Для художественного описания белой ночи писателем создаются метафоры и сравнения, в которых летняя светлая ночь уподобляется прозрачным тканям: *Белая ночь уже увела к себе румяно-закатный вечер. Тончайшим прозрачно-матовым покрывалом подернула Мосеев остров и Соломбалу за рекой* («Добрый архангельский колдун»); *Белая ночь раскинула свои кисейно-прозрачные крылья над резко очерченными по горизонту холмами, над быстротруйной Двиной* («Краснотал»); *Но с высокого Ровдогорского угора открылась речная даль, подернутая словно тончайшей кисеей — белой июльской ночью* («Быть флоту российскому!»); *Белесая ночь, словно тончайшей паутинной кисеей, накрывала землю* («Горелый Бор»).

Одной из показательных характеристик белой ночи является ее тишина, безмолвие, что также находит выразительное воплощение в художественном контексте: *Тишина... Природа, кажется, спит. Даже чайки, эти неугомонные крикуны, словно прибоем белой пены окаймившие берега песчаных кошек посреди реки, притихли* («Кричите, гуси осени моей...»); *Время шло к полуночи, а солнце все еще стояло у горизонта. Над просторами воды, в бездонной выси неба застыло безмолвие* («Дядя Костя»); *В ночном безмолвии стыли кусты ивняка, будто прислушивались к собственному росту* («Восход») — безмолвие напрямую связывается с действием, обозначаемым глаголом *застыть* в значении ‘стать неподвижным, перестать двигаться, затаить дыхание’ [Ожегов 1991: 214].

Обращают на себя внимание яркие эпитеты к слову *тишина*: *стозвонная* (своеобразный оксюморон): *Все рады первым теплым вечерам, рады предзакатному розовому зеркалу реки и как всегда необычной в эти часы стозвонной тишине* («Горелоборские солдаты»); *сторожкая*: *Солнце уже давно свалилось за Падеру, белая ночь разлила над Горелым Бором сторожкую тишину...* («Крутые сувои»); *торжественная*: *Волшебная летняя ночь на Северной Двине. К ее прозрачным сумеркам, ласкающим землю,*

к ее **торжественной тишине**, к ее неизъяснимому очарованию никогда не может привыкнуть даже коренной северянин («Единомышленники»); радостная: Сейчас, в серебристом свечении ночи, в ее **радостной летней тишине**, они [ели. — А. П.], казалось, чутко прислушивались к чему-то, замерев в полной неподвижности («Далеко от войны»); чуткая и странная: Ночь переходит в утро. Последние минуты **чуткой и странной ночной тишины** как в театре перед увертюрой: и дирижер уже поднял свою палочку, и музыканты замерли над инструментами, и пианист раскинул руки над роялем, как птица крылья («Северьян»).

Е. Ш. Галимова отмечает: «Одна из главных характеристик белой ночи, самая устойчивая ассоциация, связанная с нею, — это свет» [Галимова 2011: 443]. В белую ночь нет необходимости в дополнительном освещении, поскольку у нее имеется свой особый свет, образно-выразительная характеристика его специфики через показательные эпитеты активно используется в текстах произведений Н. Жернакова: Лампочка горела глупо и не нужно: за окном хозяйничала июньская **белая ночь**, пронизывая всю палату своим **ровным, загадочно-серебристым светом** («Фронтальная страда»); Костер затухал вместе с уходящей ночью, к **удивительному свету** которой Ваня привыкал вторую весну и не мог привыкнуть («Соперники»); Владимир все не уходит. Чужой и не нужный в этом **белесом, мягком и душистом свете июньской ночи**, он сидит, ходит, маячит под окном («Белая ночь в окне»). В одном из контекстов речь идет даже не о свете, а о полусвете: **Белая ночь с ее тревожным полусветом** давно смотрит в окна («Невесты»).

Свет белой ночи представляется писателю *неверным* в значении ‘слабый, тусклый, дрожащий’ [Евгеньева (ред.) 1982: 425]: Седовато-голубые в росной жемчужности молодые травы **в неверном свете белой ночи** струились и текли рядом с дорогой, подобно огромной реке («Далеко от войны»); Дебаркадер наплывал медленно. Так же медленно **в неверном свете белой ночи** прояснялись фигуры и лица ожидающих («На северной реке»).

В этом свете заключаются различные оттенки серебристого в значении ‘блестяще-белый, с серебряным блеском; отливающий серебром’ [Ожегов 1991: 711]: Лишенное иных красок небо изливало на землю **нежно-серебристый свет** («Далеко от войны»); **Бледно-серебристый свет** льется из-под матового купола небес («Поморские ветры»); Как только исчезнет **мягко-серебристый свет белой ночи**, сменится на утренний розовато-прозрачный, пастух уже шагает к скотному двору («Не море — ветры топят корабли»). «Источник света зачастую неявен, не назван, и кажется, что изливается он отовсюду» [Галимова 2011: 444]: **Серебристо-матовый свет** льется неведомо откуда, словно и сверху, и от самой земли («Белая ночь в окне»). Где свет, там и соответствующий цвет: *Далекое небо над*

гребнями лесных вершин все одного **серебристо-матового цвета**, и только на северо-востоке чуть начинает светлеть в преддверии близкой зари («Белая ночь в окне»); Погаснет вечерняя заря. **Матово-серебристыми** станут сонные воды («Кричите, гуси осени моей...»).

Свет белой ночи передан писателем то как *свечение* 'излучение света чем-либо' [Евгеньева (ред.) 1984: 48]: *Сейчас, в серебристом свечении ночи...* («Далеко от войны»); то как *мерцание* от *мерцать* 'слабо светиться колеблющимся светом' [Ожегов 1991: 350]: *Только сну нету от этого мерцания* («Белая ночь в окне»).

Уместными в выразительном воплощении образа белой ночи становятся различные дериваты прилагательного *светлый* в значении 'излучающий сильный свет' [Ожегов 1991: 700]: *Третий час. Ночь — если только можно назвать ночью светлый мир за окном — идет к концу* («Белая ночь в окне»); *Сквозь хрустально-светлый воздух на десятки верст просматриваются родные места* («Кричите, гуси осени моей...»); **Светло**, но ничто не дает тени. <...> *Может быть, и эта не дневная светлота...* («Поморские ветры»); *Ни луны, ни звездочки. А светло. И сквозь это просветленное марево ночи* курился на берегу реки рыбацкий костерок («Краснотал»).

Е. Ш. Галимова замечает, что у белой ночи есть «прямая взаимосвязь с ключевой мифопоэтической чертой художественного пространства Русского Севера — открытостью, распаханностью, бескрайностью. Белая ночь с ее способностью размывать контуры и границы позволяет с особой остротой ощутить эту бескрайность» [Галимова 2011: 443], подтверждение этому можно найти в текстах Н. К. Жернакова: *Потому, наверное, и щемит пуще прежнего сердце, потому и хочется в эти минуты чего-то невозможного от этого непонятого серебристо-фольгового простора, когда все вокруг спит, но поверить в это нельзя* («Туман над морем белой ночью»); *Симка давно подметил, что летом, в час перехода вечера в ночь, море светло и мудро молчит, как бы раздумывая о чем-то таком же огромном, как эта безбрежность* («Не море — ветры топят корабли»); *Или когда, сидя на берегу Вашкары в белую ночь, оглядывал беспредельное заречье, матовый блеск разливов, дымную даль задвинских лесов?* («Горелый Бор») — «ощущение простора, огромного распаханного пространства, которое передают пейзажи белоночья, часто связано и с изображением речной, озерной или морской глади. Возникает мотив отражения, зеркальности <...>, что придает миру цельность, сферичность и подчеркивает его безграничность» [Галимова 2011: 445].

В белую ночь все как будто течет, струится, движется: *Белесость ночи не дает теней. Кажется, и над полями подлесья, и между домов Сухоборья она неслышно течет, подобно прозрачным струям огромного потока,*

а он, Резвый, стоит как бы в середине сказочного царства. Все движется куда-то и манит за собой («Односельчане»); Седовато-голубые в росной жемчужности молодые травы в неверном свете белой ночи струились и текли рядом с дорогой, подобно огромной реке («Далеко от войны»).

В белую ночь отчетливей все видно, предметы прорисовываются более ясно и четко, чем днем: ...сквозь такую ночь хорошо глядеть на раскинутый перед тобою мир: **отчетливей** все видно и **глубже** («Единомышленники»); Это же невероятно совсем! Полночь, а дали **проглядываются** даже лучше, чем днем. Особенно **четко вырисовывается** белое («Соперники»); Сквозь него [свет ночи. — А. П.] мягко **прочерчиваются** гребни лесных вершин вдали, но вблизи **четко обрисовано** каждое дерево. И сосновая рощица на холме, рядом с поселком, **проглядывается** насквозь («Белая ночь в окне»).

Е. Ш. Галимова обращает внимание на то, что «объединение названий летних северных ночей и моря одним эпитетом приводит к тому, что это сближение часто обыгрывается и в художественных текстах» [Галимова 2011: 445]: После снежной суровой зимы, после холодной затяжной весны над **Беломорьем** наконец-то устоялось первое летнее тепло. Приспело время тихого серебристого **белоночья** («Будни войны»); **Белое море. Белая ночь. Белая чащоба волос** на голове и на лице маленького человека. Он так напоминает коненковского «мужичка-лесовичка» и так загадочна эта ночь, что у меня нет сомнений: он только что вышел из своей сказки («Добрый архангельский колдун») — речь идет о знаменитом северном сказочнике Степане Писахове.

В произведениях Николая Жернакова неоднократно подчеркивается, что для всех северян — от юных до пожилых — пора белоночья является самой важной, самой красивой, самой сказочной в году, и к ней невозможно привыкнуть. Белая ночь оказывает осязаемое воздействие на людей. Приведем текстовые фрагменты, красноречиво свидетельствующие об этом:

Тревога тревогой, а жизнь берет свое. Вековая привычка встречать белоночье на берегу Куры тянет к ней баб и пожилых, и молодых. Только нет здесь мужиков и парней, равных им по возрасту («Будни войны») — даже война не может отменить этот ежегодный ритуал;

Когда над северной землей грустит белая ночь, нельзя не залюбоваться. Поэтому-то, несмотря на поздний час, бродят в белесой прозрачности по угору над Двиной парни с девушками. А где-нибудь в проулке, на складке бревен, что запасены колхозником для новой избы, сидит, покуривает пожилой народ, ведет ленивые разговоры. А для чего? Для того только, чтобы подольше побыть в этой колдовской зачарованности («Невесты») — люди стремятся в полной мере насладиться красотой и колдовством белой ночи;

Волшебная летняя ночь на Северной Двине. К ее прозрачным сумеркам, ласкающим землю, к ее торжественной тишине, к ее неизъяснимому очарованию никогда не может привыкнуть даже коренной северянин. С детских лет и до глубокой старости ему тревожит сердце эта ночная пора. И вот он, пожилой человек, частенько выходит на реку и бесцельно глядит вокруг, сам не зная, что ему надо от этой ночи. И от юности, встревоженной еще неясным, но светлым чувством, волшебница ночь нередко отнимет сон и нашепчет таких сказок, что не забудутся всю жизнь («Единомышленники») — в белой ночи есть что-то, не отпускающее от себя, заставляющее вновь и вновь приобщаться к ее очарованию;

Головин, задумавшись, почти не слушал. Он давно — с рождения своего — отдал себя во власть этой красоте. Недаром он не может спать **в белые ночи**, и часто где-нибудь у далекой двинской протоки его костер мигает до утра, как звезда («Соперники»); Но власть белых ночей была сильнее его воли. <...> **Белые ночи... Белые ночи...** Кто вас выдумал? («Краснотал») — белая ночь властвует над человеком.

А еще, оказывается, белая ночь может стать помощницей в делах для тех, кому не хватает дня: **Белые ночи** — великое подспорье на Севере, когда не хватает времени. Андрияну с Анисьей его не хватало, они и ночью продолжали строить свое гнездо («Односельчане»); Багор не тяжел, да помаши-ка им с утра до ночи, а зачастую и в ночь, она **куда как светла** на Двине по летам («Белая ночь в окне»).

Однако у кого-то белая ночь может вызвать досаду, недоумение: — Да вот это... **Белая ночь**. Вовсе она ни к чему. Только сну нету от этого мерцания («Белая ночь в окне»). Но все-таки чаще белая ночь порождает радость, оптимизм, уверенность в себе и в то же время какую-то непонятную тревогу: Ох уж эта **белая ночь** на Двине! <...> Так покойно и мягко глазам. Так тревожно и странно на сердце. Полно! Да ночь ли это? Не сон ли наяву, когда и душа мечется, и все это грезится? («Поморские ветры»); Потому, наверное, и щежит пуще прежнего сердце, потому и хочется в эти минуты чего-то невозможного от этого непонятного серебристо-фольгового простора, когда все вокруг спит, но поверить в это нельзя. И оттого радостно и тревожно, словно перед наступлением большого праздника («Туман над морем белой ночью»).

Именно тревога овладевает людьми в пору белых ночей, она зовет за собой, обостряет чувства, пробуждает надежду: Для исконных северян **белоночь** всегда было временем неизъяснимой тревоги, зовущей куда-то, казалось бы. К близкому, но никогда не достижимому. Это колдовское время как бы обостряло все чувства, и радости, и печали, пробуждало надежды («Будни войны»); вполне органично такая тревога определяется эпитетом **белый**, таким же, как и у номинации этого природного явления: *Ныне*

ночи — уж не ночи: белая сердечная тревога, радостный немолчный зов к какому-то еще не изведанному счастью. Мы не знаем, где оно, но рвемся вперед, за реку, — там вдали чуть мельтешит наш остров, сливается с белесыми просторами Заречья («Северьян»).

Белая ночь неизменно вызывает у человека ощущение счастья и полноты жизни: Может быть, в этом как раз и есть то неизвестное счастье, которое наколдowała нам белая ночь? Или оно еще впереди, и потому так неистово хорошо тут на берегу? («Северьян»); ...в белую ли ночь, когда и небо, и река, и всё вокруг глубоко и беспредельно, как сама жизнь, и тревожно-радостно, как любовь («Единомышленники»); Спешит ли стая лебедей над Северной Двиной к своим гнездовьям, — она зовет за собой не только кликами, полными любви и жизни, но и полет ее виден, — и он заманчив и зовущ. Кишит ли тетеревиный ток на опушке борка на утренней заре, — косачиные песни зовут к жизни всю округу. Кажется, только в белую ночь может быть такое: и сон бежит от глаз, и сердце ждет, ждет чего-то... («Единомышленники»).

Образ белых ночей становится ведущим, смысловым и важным в произведениях Николая Жернакова, этот образ получает «аксиологическое наполнение» (см. [Мещанский, Савелова 2024; 2025]). Если сопоставить языковую репрезентацию образа белых ночей в прозе Н. К. Жернакова и в северной поэзии (см. [Петров 2013]), то можно обнаружить, что в текстах прозаика отсутствуют тропы, обыгрывающие роль солнца в белую ночь: *солнечные ночи, незакатное солнце, солнце полуночи*.

Итак, образ белых ночей является одним из самых ярких в произведениях Н. К. Жернакова, он выступает одним из показательных идентификаторов Северного текста русской литературы как особого северорусского варианта национальной картины мира.

Литература

- Галимова Е. Ш. Художественное воплощение феномена белых ночей в северном тексте русской литературы // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, культура, семантика: сборник научных статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск: САФУ, 2011. С. 442–448.
- Галимова Е. Ш., Лошаков А. Г. (ред.). Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. 410 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2: К–О. М.: Русский язык, 1982. 736 с.; Т. 4: С–Я. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
- Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Повесть Н. К. Жернакова «Белая ночь в окне» как репрезентант Северного текста русской литературы // Северный текст русской литературы.

Вып. 7. Актуальные проблемы исследования. Архангельск: Консультационное информационно-рекламное агентство, 2024. С. 155–160.

Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Сюжетно-образная структура повести Н. Жернакова «Белая ночь в окне» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 1. С. 103–109.

Михайлов А. А. Северная тетрадь. О родном крае, о литературе, о товарищах, о себе. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд., 1976. 175 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1991. 917 с.

Петров А. В. «Севера светлое диво». Белые ночи в творчестве поэтов Русского Севера // Русская речь. 2013. № 3. С. 48–54.

References

- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 2, Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1982, 736 p.; Vol. 4, Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984. 794 p.
- Galimova E. Sh. [Artistic embodiment of the phenomenon of white nights in the northern text of Russian literature]. *Geokul'turnoe prostranstvo Evropeiskogo Severa: genezis, kul'tura, semantika. Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury. Vyp. 5* [The geocultural space of the European North: genesis, culture, semantics. Pomor readings on the semiotics of culture. Vol. 5]. Arhangel'sk, NArFU Publ., 2011, pp. 442–448. (In Russ.)
- Galimova E. Sh., Loshakov A. G. (eds.). *Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa* [The Northern text as the logos form of the existence of the Russian North]. Vol. 1. Arhangel'sk, IMIDZh-PRESS Publ., 2017. 410 p.
- Meshchanskii A. Yu., Savelova L. A. [N. K. Zhernakov's novella "White Night in the Window" as a representative of the Northern Text of Russian Literature]. *Severnyi tekst russkoi literatury. Vyp. 7. Aktual'nye problemy issledovaniya* [The Northern text of Russian literature. Vol. 7. Current research issues]. Arhangel'sk, Konsul'tatsionnoe Informatsionno-reklamnoe Agentstvo Publ., 2024, pp. 155–160. (In Russ.)
- Meshchanskii A. Yu., Savelova L. A. [The plot-shaped structure of N. Zhernakov's novella "The White Night in the Window"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2025, vol. 18, no. 1, pp. 103–109. (In Russ.)
- Mihailov A. A. *Severnaya tetrad'. O rodnom krae, o literature, o tovarishchah, o sebe* [The Northern Notebook. About his native land, about literature, about his comrades, about himself]. Arhangel'sk, North-Western Publ. House, 1976. 175 p.
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1991. 917 p.
- Petrov A. V. ["The north is a bright wonder". White nights in the works of poets of the Russian North]. *Russkaya rech'*, 2013, no. 3, pp. 48–54. (In Russ.)

Концептуальная метафора зеркальности в художественной интерпретации футурологии (на материале романа В. О. Пелевина «КГВТ+»)

Александр Владимирович Романтовский, Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва), rav8732@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826060063

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена рассмотрению языковой основы построения образно-сюжетной целостности современного романа футурологической проблематики. Роман «КГВТ+» В. О. Пелевина развивает тему трансгуманизма — явления, предполагающего дополнение биосоциальной природы человека технологическими новациями. Произведение обладает четко прослеживаемым метафорическим комплексом «зеркальности», являющимся надежной языковой основой интерпретации отношения писателя к футурологическим тенденциям. Лингвокультурно они выражаются в том, что, будучи встроенным в технологически детерминированный социум, человек XXI в. оказывается когнитивно уязвим перед дискурсом прогрессизма. Его постмодернистская природа продемонстрирована в том, как метафора «зеркальности» концептуально сближает исследование реальности, машинерию низкопробного юмора, подростковый максимализм и глобальную обстановку в мире. Концептуальный синтез, таким образом, передоверяется читателю, при том что кульминационной реализацией базовой метафоры становится «разбитое зеркало» как сопряжение теории Большого взрыва и знаменитого образа из сказки Г.-Х. Андерсена. Если

интерпретировать данный прием как постмодернистскую игру, то она утверждает капитуляцию человеческого сознания перед фрагментированной реальностью, потерявшей историческое измерение. Если же допустить, что ирония нарратива предостерегает массового читателя от потери лингвокогнитивных способностей к синтезу картины мира, то правомерно считать, что футурологическая вера в прогресс видится автору как упражнение по отказу от Настоящего и Вечного. А безоглядное следование ценностям трансгуманизации предстает ложной Будущностью как апофеозом искажающего человеческую природу технологического вмешательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная метафора, В. О. Пелевин, роман «KGBT+», футурология, художественная коррекция футурологии

для цитирования: Романтовский А. В. Концептуальная метафора зеркальности в художественной интерпретации футурологии (на материале романа В. О. Пелевина «KGBT+») // Русская речь. 2026. № 6. С. 72–84. DOI: 10.7868/S3034592826060063.

The Language of Fiction

Conceptual Metaphor of Mirroring in the Artistic Interpretation of Futurology (on the Material of V. O. Pelevin's Novel "KGBT+")

Alexander V. Romantovskiy, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow), rav8732@mail.ru

ABSTRACT: The article focuses on the linguistic basis underlying the construction of the images-plot integrity of a contemporary novel addressing futurological problems. The novel "KGBT+" by V. O. Pelevin develops the theme of "transhumanism", a phenomenon involving the integration of technological innovations into the biosocial nature of human beings. The work has a clearly traceable metaphorical complex of "mirroring", which provides

a linguistic basis for interpreting the writer's attitude toward futurological trends. Linguaculturally, these trends are manifested in the fact that, being embedded in a technologically determined society, a person of the 21st century is cognitively vulnerable to the discourse of progressivism. Its postmodern nature is demonstrated by the way the metaphor of "mirroring" conceptually brings together the exploration of reality, the mechanisms of low-grade humor, adolescent maximalism and the global situation in the world. The conceptual synthesis is thus entrusted to the reader, while the culminating realization of the basic metaphor is the "broken mirror", which combines the Big Bang theory with the famous image from the fairy tale by H. C. Andersen. If we interpret this narrative technique as a postmodern game, then it can be seen as asserting capitulation of human consciousness before a fragmented reality that has lost its historical dimension. If we assume that the irony of the narrative warns the mass reader against losing their linguistic and cognitive abilities to synthesize a picture of the world, then it is legitimate to assume that the futurological faith in progress is seen by the author as an exercise in rejecting the Present and the Eternal. The reckless adherence to the values of "transhumanization" then appears as a false Future, with the apotheosis of technological intervention distorting human nature.

KEYWORDS: conceptual metaphor, V. O. Pelevin, novel "KGBT+", futurology, artistic correction of futurology

FOR CITATION: Romantovskiy A. V. Conceptual Metaphor of Mirroring in the Artistic Interpretation of Futurology (on the Material of V. O. Pelevin's Novel "KGBT+"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 6. Pp. 72–84. DOI: 10.7868/S3034592826060063.

Введение

Видение будущего, как известно, меняется от эпохи к эпохе и даже от года к году. Архитектонические трансформации цифрового уклада столь повсеместны и стремительны, что не все современные писатели отваживаются подступаться к теме, которую проблематично охватить из точки Настоящего. Однако такие авторы встречаются. Например, юбиляр 2022 г., неуловимый и плодовитый В. О. Пелевин. С 2021 г. автор создал ряд романов, объединяемых в серию на основе сквозной темы трансгуманизации («TRANSHUMANISM INC.» — 2021 г., «KGBT+» — 2022 г., «Путешествие в Элевсин» — 2023 г.).

Под трансгуманизацией, опираясь на широкую общественную дискуссию об этом явлении, следует понимать взаимопроникновение биосоциального сообщества и развивающихся технологий с результатом в виде новых форм «дополненной» человечности. Особый исследовательский интерес этот процесс вызывает постольку, поскольку писателю достаёт смелости и самобытности трактовать победное шествие Transhumanism без восторга и с пугающе откликающимся в современниках юмором. Попытаемся в этой связи подробнее рассмотреть феномен художественного сопряжения остроактуального Настоящего и футурологических воззрений писателя на трансгуманизацию.

Цель и методы исследования

Уточним контекст и специфику употребления ключевых понятий для формулировки цели и методов исследования. Под «цифровым миром» будем понимать тот идеолого-технологический социальный контекст, в котором в настоящее время развиваются язык и литература не в меньшей степени, чем экономика и политика.

Термин «футурология» (введен немецким социологом О. Флехтхеймом в 1943 г.), похоже, изначально не маркирован аксиологически, поскольку обозначает собственно «учение о будущем применительно к историческому и социальному времени» [Степин (ред.) 2010: 283].

Однако имплицитно в термине «футурология» просматривается преимущественно прогрессистская точка зрения, ценящая Будущее как «улучшенное» Настоящее. В связи с обращением писателей к данной проблематике возникает несколько исследовательских вопросов. Как в условиях идеологии непрерывной модернизации выглядит в конкретный момент истории языковое и нарративное осмысление данного процесса? Как писатель-современник реконструирует в этой связи читательские ожидания? И как, создавая художественный возможный мир, автор манифестирует в нем ту самую романную новизну, без которой книга не может состояться как событие?

Возможная аналитическая модель, учитывающая все названные условия, строится на основе ключевой для понимания произведения языковой специфики. Среди прочих допустимых систем координат, структурирующих язык и идиостиль автора, изберем концептуальную, или базовую, метафору.

Объясняется этот выбор тем, что семантическая природа метафоры позволяет: 1) связать знакомое с открываемым, создавая новое знание; 2) вербализовать неочевидное или даже несуществующее через понятные образы; 3) обнаружить когнитивные механизмы уподобления как

открытия нового знания, т. е. эксплицировать реципиенту методологию понимания. Поясним данную теоретическую установку, опираясь на научную традицию.

Представляется логичным начать с того, что в гносеологии и когнитивной лингвистике XX в. по достоинству была оценена эвристическая роль метафоры. В ее механизме заложена «связная, холистическая интерпретация», которая «позволяет нам видеть вещи с разных сторон, — а, как часто указывалось, способность видеть вещи с разных сторон является необходимой предпосылкой научного открытия» [Ортони 1990: 234]. Среди зарубежных авторов Дж. Лакофф и М. Джонсон обращали внимание на связь фундаментальных представлений человека о жизни с «ориентационными» и «онтологическими» метафорами [Лакофф, Джонсон 1990].

Современная лингвистика также высоко оценивает роль метафоры в вербальной реконструкции социальной действительности. А. П. Чудинов, представив широкую панораму функционирования концептуальной метафоры в политическом дискурсе, отметил тот факт, что метафора предстает поистине «материальной силой, способной решать судьбы» социальных групп и институтов [Чудинов 2001: 13].

Это практико-ориентированное представление о метафоре было очевидно далеко не всегда. В глобальном по охвату авторов научном обзоре «Теория метафоры» справедливо выделено релевантное для художественного вымысла свойство метафорического переноса: «Метафора предполагает определенное сходство между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть *понятна*, а с другой стороны, — несходство между ними, поскольку метафора призвана создавать некоторый *новый смысл*, то есть обладать суггестивностью» [МакКормак 1990: 359]. Подчеркнем, что именно свойство суггестивности важно романисту как стремящемуся к правдоподобию при создании возможного мира. С. Золян и М. Лотман считают, вслед за К. Касториadisом, что «воображаемое» как таковое лежит в основе связи означающего и означаемого любого знака [Золян, Лотман 2012: 234].

Вслед за В. П. Москвиным прием наличие 2 основных функций метафоры — номинативной и экспрессивной (включающей такие частные реализации, как оценочная, изобразительная, пояснительная и др.) [Москвин 2012: 172].

Ссылаясь на тот же монографический источник, приведем определение концептуальной метафоры, данное В. П. Москвиным по итогам всестороннего анализа: «Метафоры, именующие тематическую зону-источник ряда производных (“побочных”, “второстепенных”) метафор, называются *ключевыми, базисными, корневыми* (“basic metaphors”, “root metaphors”),

концептуальными. Ключевыми являются метафоры *огня, сна, пути, воды* и др.» [Москвин 2012: 124].

Принципиальная значимость таких метафор заключена в том, что они не являются «исключительно языковым феноменом, поскольку проявляются в многочисленных формах человеческого самовыражения, включая не только речь и словесность, но и материальную культуру» [Москвин 2012: 124]. На наш взгляд, необходимо дополнить представление о концептуальной метафоре фактом диффузности ее границ и проблематичности наименования. Этот момент прояснится в ходе анализа речевого материала. Таким образом, производя анализ и синтез смысловых доминант текста, обратимся к методу рассмотрения образной структуры сквозь призму концептуальной метафоры и функционально-семантических характеристик воплощающих ее языковых выражений.

Итак, объектом нашего рассмотрения будет концептуальная метафора в отдельно взятом прозаическом сочинении футурологической тематики. Прежде всего — ее функционально-семантическое значение в конкретных производных метафорических контекстах, с одной стороны, и с позиции текстовой целостности, когерентности — с другой. Где обобщения окажутся возможны, оценим и роль основной обнаруженной концептуальной метафоры в общем художественном эффекте воплощения трансгуманизации как тенденции, ведущей в Будущее.

Концептуальная метафора «зеркальности» в организации текста романа В. О. Пелевина «KGBT+»

Внимание В. О. Пелевина к периодам смены эпох исследователь С. М. Шакиров концептуализирует в понятии «перехода»: «Идея перехода объектов и феноменов в новые состояния является ведущей в творчестве и писательской стратегии Виктора Пелевина» [Шакиров 2023: 119].

М. А. Черняк и Л. Н. Наумова, объясняя тот же аспект творчества писателя, выбрали объектом исследования эволюцию понятия «современность». Авторы отмечают постоянное развитие художественного диалога прозаика с эпохой, с некоторым ростом к настоящему времени доли сарказма в общем пафосе произведений [Черняк, Наумова 2022].

Действительно, пелевинские образы, язык автора, сюжетные коллизии в одном из новейших романов «KGBT+» представлены в русле саркастического отношения к футурологии. Участвует в этом и сопряжение образов Настоящего и Вечного. Доказательством тому служит первая же фраза романа — *«В наш грозный двадцатый век с его верой в могущество разума и “коллективное творчество масс” (певцы прогресса отчего-то не узнают в нем отката к пирамидам), солдатом быть почётно, а служителем*

культы стыдно» [Пелевин 2022]. Ирония такого зачина состоит в том, что, обыгрывая массмедийную провокативность, писатель сразу же проверяет читателя постмодернистским внутренним противоречием фразы. *Пирамиды и культ* ценностно противопоставлены, хотя соотносятся как видовое и родовое понятия. Но понимает ли массовый читатель, что уже достигнутым «прогрессом» стала затруднённая интерпретации смыслов в условиях технологического переизбытка информации и словесных приёмов её подачи?

Отмеченную проблематику принципиально важно зафиксировать как объект саркастического изображения Пелевиным в «KGBT+», а именно — ускоренную модернизацию общества. Неприемлемым или попросту смешным до ужаса в подобном процессе представляется автору расчеловечивание человека. Символом и инструментом данного процесса в романе выступает компания с красноречивым названием «TRANSHUMANISM INC.». Выбор нами второго романа серии обосновывается тем, что именно в нем под постмодернистской оболочкой проглядывают мотивы романа воспитания. Именно в рамках стратегии объяснения через развлечение Виктор Пелевин отражает современность с помощью нескольких взаимосвязанных концептуальных метафор. Для более корректного выделения этого базового метафорического комплекса мы проследили взаимодействие ключевой лексики с образно-мотивной структурой романа.

В результате была обнаружена высокая частотность обращения автора к образу зеркала (55 раз, в эпизодах реализации именно объяснительной нарративной стратегии в развитии сюжета). Учитывая важное замечание В. П. Москвина о том, что концептуальная метафора часто воплощается в артефактах, правомерно считать именно «зеркальность», «отражательную способность» основой ключевой концептуальной метафоры в романе «KGBT+». В рамках статьи обе номинации концептуальной метафоры равносильны со смещением акцента от конкретно-вещественной к отвлеченно-абстрактной ее основе.

Сразу примем во внимание также тот факт, что развернутость метафор у Виктора Пелевина зачастую превращает субъект и объект метафорического переноса в две параллельные реальности. И тут речь могла бы идти уже о метаболе — «пресуществлении» уподобляемого в субъект уподобления. Иными словами, не всегда можно разграничить в тексте употребление ключевой лексемы в прямом значении и в концептуально-метафорическом, переносном. Часто создается эффект балансирования в переходной выразительной фазе между сравнением и метафорой или же прямое следование второго тропа за первым.

Первое же обращение к концептуально-метафорическому комплексу «отражательной способности» регистрируем в связи с описанием весьма сложных состояний героя (будущего комика-вбойщика с заглавным псевдонимом KGBT+), пытающегося постичь ни много ни мало «природу реальности»:

1. *Мне стало казаться, будто реальность (я имею в виду себя, мир и все воспринимаемое) похожа на огромную комнату с кривыми зеркалами, куда падают сознающие лучи света. Игра отражений в зеркалах кажется жизнью, мирозданием, потоком событий и мыслей, но это просто дрожь и рябь света...*¹.

Первая часть романа — описание духовных практик главного героя в «прошлой жизни» (художественное переосмысление околобуддистских практик — общее место в творчестве В. О. Пелевина).

Ключевой образ «реальности» возникает как выраженное самой предикативной структурой сравнение — «похожа на комнату с кривыми зеркалами». Сразу за ним «игра отражений» — уже развернутая объяснительная метафора реальности. Трактую данное употребление концептуально-метафорического комплекса в ключе футурологии, мы констатируем, что, с представленной точки зрения, никакому развитию и Будущему просто нет места, поскольку «дрожь света» в комнате с кривыми зеркалами не обладает «практически никакой длительностью». То есть подобная картина реальности оказывается вообще несовместимой с понятием Времени. Любая футурология становится чистой фикцией, а вот Настоящее и Вечное сливаются в этой игре «сознающих лучей света».

Второй эпизод с упоминанием метафоры «зеркальности» — объяснение мастером главному герою возможности изменения его судьбы.

2. — *Вы говорили, что все сущее — просто вспышки и блики в зеркалах. В каждый момент вы представляете собой определенную конфигурацию этих вспышек и бликов.*

— *Да, — сказал я.*

— *Где-то во вселенной может возникнуть на миг полностью совпадающая с вами конфигурация световых узоров.*

Интересно, что мастер, по сути, трактует возможное будущее главного героя при помощи его же языка метафор и образов, не навязывая собственных объяснительных схем. При этом Будущее здесь представляется не как период времени на некой оси движения, прогресса Вселенной или общества, а как совпадение «конфигураций световых узоров».

¹ Здесь и далее роман цитируется по [Пелевин 2022].

Собственно осознание главным героем череды своих жизней в художественной реальности произведения происходит также с помощью развертывания концептуально-метафорического комплекса «зеркальности». Новым «приращением смысла» (точный термин В. В. Виноградова) в его трактовке становится сопряжение с «проектором», а не «отражателем»:

3. ... Прямо передо мной возникла **зеркальная плоскость**. Я увидел лицо фарфорового юноши. Это был я. Новый я. Или, вернее, прежний. Я вспомнил, что в этом мире нет и не может быть **настоящих зеркал**, поскольку здесь нет ничего, способного отражаться. **Зеркала здесь похожи на проекторы**, показывающие закрепленный за человеком образ.

«Зеркальная плоскость» — это не артефакт, а именно метафора, передающая зрительные ощущения героя. При этом важно обращение к парафрастическому обороту с именем прилагательным «зеркальный». Далее это подчеркивается распрямлением самого носителя отражательной способности — «не может быть настоящих зеркал». Хрупкость образа подчеркивается и метафорическим употреблением имени прилагательного «фарфоровый». Как мы видим, в приведенном фрагменте различные планы личного опыта снова утрачивают свою фиксированную принадлежность к однонаправленной оси времени: *Новый я. Или, вернее, прежний.*

Избранная языковая концептуализация исторического момента оказывается весьма богатой на возможные описания событий. И здесь концептуально-метафорический комплекс «отражательной способности» проходит стадию метаболического воплощения в сюжетном мире. Напомним, что метабола, по М. Н. Эпштейну, — это собственно переход от метафорического переноса к перевоплощению в новую реалию [Эпштейн 1988: 166]. Образ зеркала обретает статус объекта с необычной функцией, задействованного в многоаспектной борьбе геополитических противников:

4. Некоторое время казалось, что новый международный баланс наконец достигнут. Но партнеры опять решили нас перехитрить и начали переносить свои ветряки в пустыни и степи Курган-Сарая, куда «Bernie» не добивал из-за дефекта одного **из орбитальных зеркал**, поврежденного космическим мусором.

Данный прием позволяет увидеть подлинную силу концептуальной метафоры в референциально-семантическом конструировании возможного мира произведения. «Орбитальное зеркало», безусловно, подано как артефакт, однако данный образ создает очередной виток когерентности

текста. Причем, как в случае с перевоплощением героя, отражательная способность страдает «дефектом».

Следующим эпизодом становится сцена обсуждения главным героем, вбойщиком идеологом «трансгуманизации» через юмор, и его подругой Гердой сказки Г.-Х. Андерсена «Снежная Королева» в качестве источника юмористической миниатюры. Очевидно, что так избранный Виктором Пелевиным прием получает дополнительное интертекстуальное наполнение.

Трактовка героями известного сказочного сюжета звучит голосом рассказчика, саркастически осмысляющего «вражеское» Настоящее, которое страшно представить «нашим» Будущим:

5. Мы собирались придумать вбойку по «Снежной Королеве»... Суть была такой — мальчик и девочка жили на севере и дружили-минус. В это время тролли сделали волшебное зеркало. Оно исказило мир...

Автор демонстрирует возможности многослойной прагматики данного эпизода в восприятии внимательного, подготовленного читателя. Имеется в виду то, что пока голосом рассказчика (= главного героя) якобы проговаривается сюжет великого сказочника, на самом деле совершается та самая юмористическая «вбойка». Пелевин выходит на уровень мета-прозы, применяет излюбленную художественную тактику «разоблачения приема».

Эпизод завершается высокохудожественной сценой первого любовного единения героев. Концептуально-метафорический комплекс «зеркальности» в данном случае распадается на иные объекты, проходит космологическую и одновременно сказочно-бытовую трансформацию:

6. Мне словно бы пришлось пробиваться сквозь все запреты, препоны и рогатки, выставленные человечеством на пути этого простейшего действия — и в реакционной древности, и в прогрессивном настоящем. Меня так плющило, что мир казался большой елочной игрушкой. Стекланным шаром, в котором отражались мы с Гердой.

Экзистенциально значимые переживания рассказчика описываются с помощью вспомогательных метафорических выражений, созвучных сказочным. При этом автор мастерски демонстрирует переход молодых людей от запредельного словесного цинизма к архитектурному акту любви.

Что касается ужасного разбивания зеркала в сказке, то оно, напротив, преобразуется в закономерное следствие перехода самого тролля-вбойщика в новое качество. Его якобы разрушительный «цинизм» запускает созидательные процессы в поведении Герды. Она чувствует себя

«Добром» и самым витальным из всех способов побеждает «Зло». Прагматическим результатом этого становится подлинное примирение детского восприятия сказки с любым возможным ее искажением в кривом зеркале, поскольку изначальный и Вечный свет проходит через любую кривизну искажения.

На волне величайшего вдохновения герой все же пишет вбойку, т. е. юмористический монолог, на основе «Снежной Королевы», донося до слушателей в понятной им форме «истину», добытую в прошлых жизнях. На наш взгляд, этот эпизод являет собой кульминацию мотивной роли концептуально-метафорического комплекса «зеркальности»:

7. Представим, что у троллей было зеркало, в котором проявляется истина. И вот они захотели узнать правду про Творца. Они поднимаются выше, выше, выше... А потом зеркало вдруг разлетается на осколки.

А что, если зеркало и в этот раз отразило правду как она есть?

Мы знаем, что живем на руинах древней катастрофы. Что-то разлетелось вдребезги четырнадцать миллиардов лет назад. Мы все — осколки этого взрыва...

Учитывая метапрозаический уровень употребления концептуальной метафоры «отражательной способности», необходимо проследить переосмысление эпизода с распадом зеркала как центрального артефакта. На наш взгляд, здесь автор как творец текста релятивизирует откровенно всеобщую концептуальную метафору, реализованную как в источнике интертекстуальности, так и в собственном сюжете. Тем самым избегает абсолютизма превращения себя и своего основного художественного приема в источник однозначной истины. Виктор Пелевин предлагает читателям истину проживать, избавляясь в момент понимания даже от концептуальных метафор.

Заключение

Роман В. О. Пелевина «KGBT+» как часть серии произведений о трансгуманизации рассматривает футурологические тенденции прежде всего в качестве предмета вербально-художественной критики. Предварительный текстологический анализ позволил обнаружить концептуальное доминирование в языке и сюжете произведения развернутого метафорического комплекса «зеркальности», или «отражательной способности». В различных эпизодах романа ключевая концептуальная метафора получает различное лексическое и образное наполнение.

Футурологическая вера в прогресс видится автору как упражнение по отказу от Настоящего и Вечного. Безоглядное следование ценностям

трансгуманизации, таким образом, предстает ложной Будущностью как апофеозом искажающего человеческую природу технологического вмешательства. Именно поэтому «зеркальность» как искажающая способность восприятия деконструируется через соположение сравнений и метафор, объекта сравнения и признака сходства, метафоры и метабола как воплощения нового артефакта. Используя подобные мета-прозаическое обнажение и деконструкцию приемов, как нам представляется, Пелевин осуществляет свою корректирующую роль художника трансгуманизма.

Источники

Пелевин В. О. KGBT+. М.: Эксмо, 2022. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/viktor-pelevin/kgbt-kgbt-68010821/> (дата обращения: 20.06.2024).

Литература

- Золан С., Лотман М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн: Издательство Таллиннского университета, 2012. 348 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
- МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: Сборник / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.
- Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.
- Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры: Сборник / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 219–235.
- Степин В. С. (ред.). Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. IV. 736 с.
- Черняк М. А., Наумова Л. Н. Трансформация понятия «Современность» в прозе Виктора Пелевина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiya-sovremennost-v-proze-viktora-pelevina> (дата обращения: 20.06.2024).
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Шакиров С. М. Трансмедиальность в творчестве и писательской стратегии Виктора Пелевина // Горизонты цивилизации. 2023. № 1 (14). С. 116–127.
- Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

References

- Chernyak M. A., Naumova L. N. [The Transformation of the Concept of 'Modernity' in Viktor Pelevin's Prose]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 7. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiya-sovremennost-v-proze-viktora-pelevina> (accessed 20.06.2024).
- Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p.
- Epshtein M. *Paradoksy novizny. O literaturnom razvitii XIX–XX vekov* [The paradoxes of novelty. On literary development in the 19th and 20th centuries]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1988. 416 p.
- Lakoff J., Johnson M. [Metaphors we live by]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 387–415. (In Russ.)
- Mac Cormac E. [A cognitive theory of metaphor]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 358–386. (In Russ.)
- Moskvin V. P. *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoi teorii* [Russian Metaphor: An Essay on Semiotic Theory]. Moscow, LKI Publ., 2012. 200 p.
- Ortony A. [The role of similarity in similes and metaphors]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 219–235. (In Russ.)
- Stepin V. S. (ed.). *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya: V 4 t.* [New Philosophical Encyclopaedia: In 4 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 4. 736 p.
- Shakirov S. M. [Transmediality in Viktor Pelevin's Creative Work and Writing Strategy]. *Gorizonty tsivilizatsii*, 2023, no. 1 (14), pp. 116–127. (In Russ.)
- Zolyan S., Lotman M. *Issledovaniya v oblasti semanticheskoi poetiki akmeizma* [Research in the field of semantic poetics of acmeism]. Tallinn, Tallinn University Press, 2012. 348 p.

«Вот погляди, каков я франт!»: о смысловом наполнении образа Любима Торцова в пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок»

Олег Робертович Ростов, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Военный учебный центр (Россия, Иваново), olegrost@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826060071

АННОТАЦИЯ: В центре внимания статьи — фигура одного из важнейших персонажей пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок» Любима Карпыча Торцова — русского *франта* из купцов. Исследовательская цель статьи — сквозь призму семантики, а также культурно-исторической и т. п. специфики ключевой для этого образа лексемы *франт*, выявленной в лексикографических и литературных источниках XIX–XXI вв. и в раннем творчестве Островского, реконструировать основные (в том числе за-текстовые) сюжеты его биографии *франта*; основная задача — показать смысловую связь слова *франт* как ключевой и опорной самономинации Любима Карпыча с авторской реализацией образа Торцова. Для достижения поставленной цели и решения указанной задачи используется соответствующая совокупность методов семасиологического (от номинации — к персонажу) и ономасиологического (от персонажа — к его номинации) анализа лексемы *франт*. Кроме этого, применяются методы анализа научных, словарных и литературных источников (в том числе поисковый, селективный методы), а также описательный, сопоставительный и интерпретационный методы анализа и отображения полных и отобранных текстовых, семантических и этимологических данных, элементы метода моделирования и компонентного анализа.

В результате исследования установлено, что при продумывании образа Любима Карпыча Торцова Островский так или иначе использовал весь объем смыслов лексемы *франт*, в том числе связанных с ее этимологией, культурно-исторической и т. п. спецификой. Реализуется в пьесе и индивидуально-авторская семантика слова *франт*: при этом появляются признаки внутрисловной антонимии, а иронические тона становятся более яркими. Данные факторы позволили драматургу отразить в Любиме Торцове «трагикомический тип русского человека».

ключевые слова: А. Н. Островский, ранняя драматургия, Любим Карпыч Торцов, стержневая доминанта образа персонажа, франт, «трагикомический тип русского человека»

для цитирования: Ростов О. Р. «Вот погляди, каков я франт!»: о смысловом наполнении образа Любима Торцова в пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок» // Русская речь. 2026. № 6. С. 85–97. DOI: 10.7868/S3034592826060071.

The Language of Fiction

“Look At Me, What a Dandy I Am!”: on the Semantic Content of the Image of Lyubim Tortsov in the Play By A. N. Ostrovsky “Poverty Is No Vice”

Oleg R. Rostov, Ivanovo State Power University, Military Training Center (Russia, Ivanovo),
olegrost@gmail.com

ABSTRACT: This article focuses on Lyubim Karpych Tortsov, a Russian *frant* (translit.) — *dandy* (transl.), *a member of the merchant class*, one of the most important characters in A. N. Ostrovsky’s play “Poverty Is No Vice”. The aim of the article is to examine specifics of the key lexeme *frant* through the prism of semantics, as well as culture and history, identified in lexicographic

and literary sources of the 19th–21st centuries and in Ostrovsky's early works. The primary objective is to demonstrate the connection between the word *frant* as a key and supporting self-nomination of the character and the author's image of Lyubim Karpych Tortsov. To achieve this goal and solve this problem, an appropriate set of methods is used for semasiological (from nomination to character) and onomasiological (from character to nomination) analysis of the lexeme *frant*. Furthermore, we employ methods of analyzing scientific, dictionary, and literary sources, including a search and selective methods, as well as descriptive, comparative, and interpretive methods of analyzing the obtained and selected textual, semantic, and etymological data, as well as elements of modeling and component analysis.

The study revealed that, in developing the character of Lyubim Karpych Tortsov, Ostrovsky, in one way or another, draws on the full range of meanings of the lexeme *frant*, including those related to its etymology, cultural, historical, and other specific features. The play also realizes the individual authorial semantics of the word *frant*: signs of intra-word antonymy emerge, and ironic connotations become more vivid. These factors enabled the playwright to embody in the character of Lyubim Tortsov the "tragicomic type of a Russian person".

KEYWORDS: A. N. Ostrovsky, early drama, Lyubim Karpych Tortsov, core dominant of the character's image, *frant* (translit.) — *dandy* (transl.), "tragicomic type of Russian man"

FOR CITATION: Rostov O. R. "Look At Me, What a Dandy I Am!": on the Semantic Content of the Image of Lyubim Tortsov in the Play By A. N. Ostrovsky "Poverty Is No Vice". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 6. Pp. 85–97. DOI: 10.7868/S3034592826060071.

Ф

игру Любима Карпыча Торцова — персонажа комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» — привлекла внимание театральной и литературной общественности сразу после премьеры пьесы. Причем палитра мнений разнообразилась от полного восторга и идеализации (Ап. А. Григорьев) до резкого неприятия (М. С. Щепкин) созданного драматургом образа, делались и попытки уравновесить эти противоречия (Н. А. Добролюбов)¹.

¹ Обзор критики и рецензий о пьесе «Бедность не порок» и анализ оценок Любима Торцова см. в [Островский 2018: 792–802].

Между тем современное островковедение скорее исходит из оценок Григорьева, увидевшего в Любиме Торцове достоверно показанный «трагикомический тип русского человека» (см. [Островский 2018: 793; Мосалева 2014: 107, 243]). При этом считается, что Островский «не имел прочного тяготения к теоретическому способу высказывания», но обладал «живым чувством образа» [Лакшин 2024: 154]. В этой связи очевидна определяющая роль языка Островского как «квинтэссенции его могущественного таланта» (А. В. Дружинин). Драматург позволяет персонажам обобщенно или детально, но всегда ярко и точно характеризовать себя и окружающих, развертывать слова-образы и словесные формулы в «непосредственные картины» (В. Я. Лакшин) — «картинки жизни» (Н. Ю. Шведова), выделять в них необходимые им смысловые доминанты и цепочки.

Вероятно, Любим Торцов — один из наиболее удавшихся Островскому на раннем этапе творчества мастеров подробного словесного автопортрета. Попробуем выделить и охарактеризовать стержневую доминанту этого образа, т. е. ключевую лексику — самономинацию персонажа, и посмотрим, каким же в свете ее семантики, культурно-исторической и т. п. специфики предстанет Любим Торцов.

Ключевые вехи жизни Любима Карпыча Торцова вполне наглядно манифестируются в пьесе, например, словосочетаниями и предложениями с лексемами из сферы одежды: *оделся франтом; продал платье, все свои модные штуки; в пальтишке щеголял; иду оборванный да обдёрванный; А на улице, в этом бурнусе, не много натанцуешь! Морозы...; Вот погляди, каков я франт!* Эти речевые конструкции выстраиваются в смысловую цепочку, целостную канву, отражающую калейдоскопом означенных событий общую картину жизни персонажа. Последнее косвенно подтверждают начальное и конечное звенья цепочки (*оделся франтом* и *Вот погляди, каков я франт!*). Они как бы закольцовывают биографию Любима Карпыча в ретроспективный сюжет о хождениях-мытарствах русского *франта из купцов*. Соответственно, стержневой доминантой образа Любима Карпыча Торцова — его ключевой самономинацией — является лексема *франт*, а созданный Островским образ тесно связан прежде всего со всей полнотой ее семантики, в том числе индивидуально-авторской, актуальной и архаической, а также с культурно-исторической и т. п. спецификой употребления данного слова, отраженной как в текстах Островского, так и в других литературных и словарных источниках.

Словари языка Островского дают следующие толкования слова *франт*: «нарядно, модно одевающийся человек; щёголь. <...>» [Овчинина, Хуснутдинов (ред.) 2012г]²; «(пренебр.) — о человеке неосновательном, не

² Данное толкование соответствует и литературному языку (см. [Филин (ред.) 1964: 1551; Евгеньева (ред.) 1988: 583]).

заслуживающем уважения (букв. нарядно, изысканно одетый)» [Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993: 223]³. Между тем слова *модно* и *щеголь* в раннем творчестве драматурга, в том числе в пьесе «Бедность не порок» (1854), не употребляются [Ганцовская (ред.) 2012: 580, 651]. Соответственно, можно предположить, что по крайней мере в 1840–1850-е годы слово *франт* в языке Островского хотя и обозначало человека, склонного к щегольству, — некоего носителя щегольства⁴, но не ассоциировалось с понятиями *мода*, *модный* и *модно*.

Действительно, ранний Островский отличал *франтов*-щеголей от тех, кто хотел жить *по моде* и выглядеть *модно* — «в соответствии с модой» [Овчинина, Хуснутдинов (ред.) 2012в], или, по выражению Гордея Карпыча Торцова, «модами заниматься» (см. [Островский 2018: 290]). Еще живя в Замоскворечье, будущий «гениальный драматический писатель» (Л. Н. Толстой) видел, как одеваются местные *франты*: «...вот уж можно сказать, что со вкусом. У нас никогда по моде не одеваются, это даже считается неблагопристойным. <...> У нас говорят: "С чего это вы взяли, чтобы я стал себя уродовать <...> что я за [дурак] паяц⁵, чтобы стал подражать моде. Надо <...> уметь одеться к лицу, что кому пристало". И одеваются к лицу. В костюмы своего изобретения» [Островский 2018: 388]. Таким образом, в глазах раннего Островского *франт* по-замоскворецки — это человек, умеющий одеваться к лицу, со вкусом; человек в костюме «своего изобретения»; он должен выглядеть благопристойно, т. е. придерживаться некоего дресс-кода: не выходить из своего социального статуса, соблюдать принятые обществом нормы. Дает Островский и беглый абрис одежды *франта* из Замоскворечья: «зелёный плащ и белая фуражка без козырька или узенький фрак, до бесконечности широкие шаровары и соломенная шляпа» [Островский 2018: 388].

Между тем такой наряд, скорее всего, отличал *франта* — мелкого чиновника, который привык носить фрак и на службе. Молодой же Любим Торцов был купчик, да и жил все-таки не за Москвой-рекой, а в уездном городе, где понятия о вкусе и приличии в одежде, наверное, были строже. А потому вряд ли, одевшись *франтом* еще на родине, Любим рискнул бы уже там явиться на людях в *узеньком фраке*, как, впрочем, и в какой-либо иной одежде европейского покроя — пересудов, насмешек и даже прямого осуждения «солидных людей» [Островский 2018: 388] ему тогда

³ Всего словом *франт* Островский пользуется в произведениях 20 раз. На художественные тексты 1840–1850-х гг. приходится 7 употреблений этой лексики, 5 раз она встречается в пьесах 1860-х гг., 2 раза — в пьесах 1870–1880-х гг. [Ганцовская (ред.) 2012: 646].

⁴ О термине см. [Иванов 2003б].

⁵ Так в цитируемом источнике. В примечании указано, что слово *паяц* «вписано над строкой» (см. [Островский 2018: 388]).

было бы не миновать, от *страму* (*сраму*)⁶, *страмоты*⁷ не спрятаться, не уберечься. И Любим Торцов соблюдал требуемую благопристойность — все принятые в местном купеческом быту ограничения⁸. А потому уездные обыватели принимали своего *франта*, скорее всего, просто за купчика-щёголя, любящего наряжаться, нарядно одетого⁹ или даже изысканно одетого¹⁰. При этом слухи и толки о московских *франтах*, в том числе и о *франтах* «высокого тону» [Островский 2018: 303], до Любима, возможно, и доходили, но сомнительно, чтобы он видел их своими глазами или читал о них в журналах¹¹ (издания конца 1840-х годов писали о *франтах* с иронией¹²).

Однако, оказавшись в Москве, т. е. в другом окружении, среди «пруд пруди» новых своих «приятелей, друзей», Любим зажил на широкую ногу, *по моде*. Надоумил его на это Африкан Савич Коршунов — нынешний богач-фабрикант, «дорогой гость», чаемый «зятюшка», ближний советчик Гордея Карпыча в «занятиях модой», «понятиях об жизни» и по вопросам «образования»/«необразования», а в памятную Любиму Карпычу старину один из его повес-приятелей — «всему беспутству заводчик» и «главный заторщик» (см. [Островский 2018: 317, 320, 321, 303, 304]). «Буйный

⁶ У Островского встречаются обе лексемы, в том числе и в ранней драматургии; общая частотность лексем *страм/срам* составляет 31/52, в раннем творчестве — 9/10 [Ганцовская (ред.) 2012: 636, 634]. Словари языка Островского дают лишь толкование лексемы *страм* в виде «*страм* — срам» [Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993: 202; Овчинина, Хуснутдинов (ред.) 2012г]; при этом [Овчинина, Хуснутдинов (ред.) 2012г] фиксирует *срамно* — «постыдно, позорно, непристойно», *срамный* — «бестыдный, непристойный».

⁷ Так говорит сам Любим Карпыч. Лексема *страмота* трижды употребляется им в одной реплике (см. [Островский 2018: 304]) и не фиксируется в [Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993; Овчинина, Хуснутдинов (ред.) 2012г].

⁸ Ср.: «Мир драматургии Островского 50-х годов <...> — мир доличностного сознания, когда человеку и не приходит в голову противопоставить себя общему, поскольку он еще не отделяет себя от этой общности». При том что Любим — «человек, “выломившийся” из патриархального быта» [Журавлева 1983: 20, 21], модный «короткий шютрук» отважился надеть вовсе не этот молодой *франт*, а Гордей Карпыч Торцов, когда стало «всё ему наше русское не мило» [Островский 2018: 792, 290], и произошло это много лет спустя — после того, как Любим Карпыч вернулся в родной город.

⁹ Ср.: *франт* — «человек, любящий наряжаться, щёголь»; *щёголь* — «человек, любящий наряжаться, нарядно одетый, франт» [Ожегов, Шведова 1999: 857, 904].

¹⁰ Ср.: *франт* — «тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться; щёголь»; *щёголь* — «тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться; франт» [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 1434, 1509].

¹¹ Круг светского чтения Любима Торцова вряд ли выходил тогда за пределы лубочной литературы, подобной «Бове Королевичу», которого читает мальчик Егорушка — «дальний родственник Торцова» [Островский 2018: 288].

¹² Ср.: «Слова: *модник, модница, франт, франтиха* употребляются порядочными людьми только в одном ироническом смысле» [Моды 1847]. Историки языка отмечают, что слово *франт* имело стилистическую окраску и во многих контекстах XIX в. употреблялось с отрицательной коннотацией (см. [Иванов 2003б: 7]).

да пьяный»¹³ Африкан и внушил приезжему *франту*-«несмышлёночку»¹⁴, что по московским купеческим меркам он не то что до *франта* «высокого тону», но и до «*франта* средней руки»¹⁵ много не дотягивает. По «советам» Коршунова и, быть может, его подручного англичанина-«агличина»¹⁶ Любим обзавелся и *бурнусом*, и другими *своими модными штуками* — сюртуками и фраками, жилетами и перчатками, встал рядом с такими персонажами раннего Островского, как молодые купчики из Замоскворечья Сенька Ширялов («Семейная картина») и Сеничка Недопекин («Утро молодого человека»)¹⁷.

Начавший жить *по моде*, окружать себя *модными штуками*, ездить по трактирам и театрам, Любим представляет собой уже иное понимание *франта*: как новоявленный москвич, он, естественно, не мог оставаться прежним *франтом-щеголем* провинциального разлива, а тщился достичь «высокого тону». Конечно, он хотел, чтобы и новое окружение почитало его записным столичным *франтом-модником*¹⁸, пусть лишь по купеческим меркам. Вероятно, что Коршунов настроил своего подопечного изображать в Москве такого *франта*, который «живет в тоне своего века под законами самовластной моды, одевается с модных картинок и журналов; <...> сеет деньгами на мелочи; <...> проводит время свое в вечной рассеянности по балам, в театре, в музыкальном, танцевальном клубе, в маскарадах, на гуляньях, на вечеринках <...> просыпает до полудня и бывает в подвигах до утренней зари; <...> имеет всегда щегольской вид, платье с иголки, карету последней моды; <...> не думает о настоящем, живет без всякой цели» [Яновский 1806: 1060–1062]. Ср. в пьесе: «Любим Карпыч. <...>

¹³ Ср.: «Пелагея Егоровна. <...> Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич... да!» [Островский 2018: 290].

¹⁴ Ср.: «Любим Карпыч. <...> Остался я после отца <...> мал-малёхонец, с коломенскую версту, лет двадцати несмышлёночек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит!» [Островский 2018: 303].

¹⁵ Ср.: «На галерее <...> где помещается публика почище, где зачастую слышатся и *pardon* и *mercus*, и *allons*-ка домой <...> сидят *франты* средней руки, блеск и краса Гостиного двора» [Успенский 1952: 85].

¹⁶ Ср.: «Пелагея Егоровна. <...> Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют» [Островский 2018: 290]. Вполне возможно, что Африкан с «агличином» лгисто обещали Любиму сделать из него не только *франта*, но даже и *денди* — своеобразного законодателя моды (см. [Березовский 2013; Иванов 2003а]). *Денди* — законодателем моды Любим не стал, зато получился из него *денди-гуляка* [Березовский 2013: 110], что в действительности и надо было Коршунову.

¹⁷ Любима Торцова этого периода жизни в Москве можно ближе всего отождествить с Сеничкой Недопекиным. Чтобы жить *по моде*, и Любим, и Сеничка принимают чужие советы, соответственно, от Коршунова и Лисавского, а те обманывают и обирают своих доверчивых подопечных.

¹⁸ Ср. у Даля: *франт* — «хват, щеголь, щеголек, модник; *франтовской*, щегольской, самый модный. *Франтить*, щеголять одежей, модничать, изысканно одеваться. *Франтовство* — щегольство, модничанье одеждою» [Даль 2002: 538].

Сейчас, разумеется, по трактирам... Шпилен зи полька, дайте ещё бутылочку похолоднее. <...> По театрам ездил... <...> Все видели, какие я штуки выделывал, на лихачах с градом закатывал» [Островский 2018: 303–304].

Таким *франтом* Любим жил — «пил да гулял»¹⁹, пока имелись у него деньги — «бумажки», «серебро», «медные», пока он их не «ухнул» и не поверил все оставшееся «приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово». После этого сладкая жизнь в Москве для незадачливого *франта* и закончилась — чуть ли не в один миг: «а там только пшик, да и всё тут!» [Островский 2018: 304].

Годы спустя «промотавшийся» *франт* рассказывает свою историю Мите, чтобы тот принял ее на заметку, усвоил на будущее. Гордею же Карпычу, которому среди «гостей хороших», «купцов богатых, дворян» стыдно и «брата такого», и того, что «у нас тятенька мужик был», он говорит: «И я был богат и славен, в каретах ездил, такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придёт, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди, каков я *франт*!» [Островский 2018: 303, 305, 337]. Любим Карпыч хочет, чтобы Гордей Карпыч всмотрелся в него, как в зеркало, увидел в стоящем перед ним то ли антиподе²⁰, то ли двойнике свое реальное будущее и испугался в один миг так же перевернуться «верхним концом да вниз», т. е. превратиться в такого же *франта*-бродягу. Любим воздействует главным образом на эмоции самолюбивого и гордого брата и умышленно, на контрасте, продолжает рекомендоваться Гордею *франтом*, в то время как все знают, что *франт*-то этот давно уже «сел <...> как рак на мели» [Островский 2018: 290, 304], давно потерял все внешние атрибуты бывшего *франтовства*. В этом контексте и лексема *франт* не только ярче окрашивается в иронические тона, но и приобретает признаки внутрисловной антонимии. В ее смысловом ядре формируется противоположный полюс, и в устах Любима Карпыча она словно бы тоже оборачивается для собеседника «верхним концом да вниз»: обозначает *франта*, но в виде промотавшегося гуляки, а по сути, нищего бродяги.

Для понимания авторского образа Любима Карпыча Торцова как *франта* важна и еще одна смысловая цепочка: *франт*, *дурак*, *скоморох/шут*. Ее выстраивает сам промотавшийся *франт* для Митиной «живой души»: «Любим Карпыч. <...> Остался я после отца, видишь ты, мал-малёхонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышлёночек. <...> Первое дело, оделся *франтом*, знай, дескать, наших! То есть такого-то *дурака* разыгрываю, что на редкость! <...> Стал по городу *скоморохом* ходить, по копеечке

¹⁹ Ср.: «Щегольски одеваюсь и допьяна напиваюсь» [Даль 2002: 652].

²⁰ Ср.: «Любим Торцов — антипод своего брата Гордея. Различие между героями Островский обозначает приемом “говорящего” имени» [Мосалева 2014: 240].

собирает, *шута* из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать» [Островский 2018: 303–304]. Указанная смысловая цепочка восходит к первоначальному определению «шут, скоморох» [Поликарпов 1704: 149]²¹, с которым слово *франт* вошло в русский язык еще в XVII в. [Черных 1999: 324]. Современные этимологические словари отмечают, что это значение близко к польскому *frant* — «плут», «пройдоха», «жулик», «шельма», «шут», «бродячий комедиант», к чешским *franta*, *frant* — «хитрец, шут, плут, глупец», образованным от имени собственного *Franta* (от *František*); в свою очередь Франта (*Franta*) или Франтишек (*František*) — известный примерно с XVI в. персонаж чешских народных рассказов — аналог русского Иванушки-дурачка (см. [Фасмер 1987: 206; Успенский 1967: 275]).

За время скитаний по Москве Любим Карпыч в роль *франта*-скомороха/шута (или, как чаще их называли в народе, *ряженого*²²) тоже «втянулся» настолько, что и в уже почтенном возрасте он не может перестать делать разные «колена» и «отмачивать штучки», особенно когда на него «находит» (см. [Островский 2018: 331–332]). Но важно, что и в самое тяжелое время Любим Карпыч не становится *франтом*-пройдохой и *франтом*-жуликом, не решается заняться «ремеслом хорошим и коммерцией выгодной» — уличным воровством, поскольку «совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряет» [Островский 2018: 304].

Таким образом, Островский, любивший «доискиваться первоначального значения того или иного выражения» [Холодов 1978: 29], при жизнеописании Любима Карпыча Торцова использовал практически весь объем смыслов слова *франт*. Однажды примерив на себя образ *франта*, персонаж проходит соответствующий путь: от *франта-щеголя* из провинции, «несмышлёночка» и «дурака на редкость», ставшего «от глупости» же московским *франтом-модником*, до «промотавшегося» *франта* — *скомороха* и *уличного бродяги* в изношенном *пальтишке-бурнuse*.

Представленные наблюдения — попытка взглянуть на персонажа Островского именно в ракурсе языка раннего творчества драматурга. Вполне очевидно, что «трагикомический тип русского человека» Островский обозначил прежде всего на уровне отдельно взятого слова *франт*. Под пером драматурга оно стало сначала стержневой доминантой образа

²¹ Значение «шут, скоморох» у слова *франт* со ссылкой на Ф. Поликарпова фиксирует [Филин (ред.) 1964: 1551].

²² В этой связи ср.: «Ключевой образ ряженого — Любим Торцов: по-видимому, он участвует в сценке с ряжеными в образе старика, говорит в балагурном стиле, после разорения он шутовством зарабатывал на жизнь. <...> именно он, в образе ряженого <...> разоблачает Коршунова и спасает свою племянницу» [Дмитриевская 2025: 11]. В простонародье *ряжеными* воспринимались и собственно *франты* — щеголи и модники (см. [Ростов 2025]).

Любима Карпыча Торцова, его самономинацией. Далее Островский блестяще развернул слово в задуманный образ *франта из купцов*: сумел показать жизнь и поступки Любима Торцова то в комическом, то в трагическом обрамлении. Наконец, драматург смог поднять персонажа до уровня «трагикомического типа русского человека». И произошло это во многом благодаря творческому осмыслению Островским всего объема семантики лексемы *франт* и учету ее культурно-исторической и т. п. специфики, а также знанию им преобладающего контекста живого устного и литературного употребления данного слова.

Тем не менее в дальнейшем было бы полезно рассмотреть обсуждаемую проблему и в более широком контексте, в частности обратиться к корпусным данным, в том числе отражающим особенности семантики и функционирования слова *франт* в современной Островскому драматургии и литературе. Это позволит подтвердить/уточнить изложенные наблюдения о его семантике в языке Островского, выявить соответствия или, возможно, иные оттенки и смыслы в наборах индивидуально-авторских характеристик типажей персонажей-*франтов*, в частности созданных предшественниками, современниками и последователями Островского.

Источники

[Моды] // Современник: журн. лит. и полит. 1847, т. 1, № 1. СПб., 1847. Отд. V. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_013505235/ (дата обращения: 12.09.2026).

Островский А. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. / Редкол.: И. А. Овчинина (гл. ред.) [и др.]. Т. 1: Сочинения 1843–1854. Кострома: Костромаиздат, 2018. 846 с.

Поликарпов Ф. П. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чине расположенное. М.: Синодальная тип., 1704. 403 л.

Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: астрономические, математические, медицинские, анатомические, химические, юридические, коммерческие, горные, музыкальные, военные, артиллерийские, фортификационные, морские и многие другие, означающие придворные, гражданские и военные чины, достоинства, должности, и проч. как древних, так и нынешних времен / Печ. по Высочайшему Е. И. В. повелению. Ч. 3. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1806. 1322 стб.

Литература

- Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Ред-изд. фирма «Веста», 1993. 246 с.
- Березовский К. С. Петиметр, пижон, денди // Русская речь. 2013. № 6. С. 105–113.
- Ганцовская Н. С. (ред.). Частотный словарь языка А. Н. Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия. Кострома: Костромаиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. С. 530–658.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 2002. 688 с.
- Дмитриевская Л. Н. Образ и мотив ряженных в комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» // Литература в школе. 2025. № 3. С. 11–19.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд., стереотип. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
- Журавлева А. И. Мир драматургии Островского // Русская речь. 1983. № 2. С. 18–24.
- Иванов С. Л. Денди // Русская речь. 2003а. № 2. С. 95–102.
- Иванов С. Л. История щегольской лексики в русском языке XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003б. 16 с.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Лакшин В. Я. Александр Островский. М.: Молодая гвардия, 2024. 621 с.
- Мосалева Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2014. 296 с.
- Овчинина И. А., Хуснутдинов А. А. (ред.). Словарь языка А. Н. Островского: в 4 т. Шуя: ШГПУ, 2012а–г. 456 с.; 343 с.; 454 с.; 440 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Ростов О. Р. «Мантильи да билиндрысы разные»: восприятие инокультурной одежды в традиционном русском языковом сознании (на материале ранних пьес А. Н. Островского) // Русская речь. 2025. № 5. С. 99–112.
- Успенский Г. И. На бегу // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 1. Очерки и рассказы. 1862–1865. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 74–90.
- Успенский Л. В. Почему не иначе? Этимологический словарь школьника / Под общ. ред. Б. А. Ларина. М.: Детская лит., 1967. 302 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стереотип. Т. IV. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
- Филин Ф. П. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 16. М.; Л.: Наука, 1964. 1610 стб.
- Холодов Е. Г. Язык драмы. Экскурс в творческую лабораторию А. Н. Островского. М.: Искусство, 1978. 240 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. Т. II. М.: Русский язык, 1999. 560 с.

References

- Ashukin N. S., Ozhegov S. I., Filippov V. A. *Slovar' k p'sam A. N. Ostrovskogo* [Dictionary to the plays of A. N. Ostrovsky]. Moscow, Editorial and Publ. Company "Vesta", 1993. 246 p.
- Berezovskii K. S. [Pettimeter, fop, dandy]. *Russkaya Rech'*, 2013, no. 6, pp. 105–113. (In Russ.)
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. II. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 560 p.
- Dahl' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. IV* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol. Vol. IV]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2002. 688 p.
- Dmitrievskaya L. N. [The image and motif of mummers in A. N. Ostrovsky's comedy "Poverty is no vice"]. *Literature at school*, 2025, no. 3, pp. 11–19. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. IV. Moscow, Progress Publ., 1987. 864 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 16. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964. 1610 col.
- Gantsovskaya N. S. (ed.). [Frequency dictionary of the language of A. N. Ostrovsky]. *A. N. Ostrovskii. Ehntsiklopediya* [A. N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Kostroma, Kostromaizdat Publ.; Shuya, Shuya St. Pedagogical Univ. Publ., 2012, pp. 530–658. (In Russ.)
- Ivanov S. L. [Dandy]. *Russkaya Rech'*, 2003a, no. 2, pp. 95–102. (In Russ.)
- Ivanov S. L. *Istoriya shchegol'skoy leksiki v russkom yazyke XVIII–XX vv. Avtoreferat dis.... kand. filol. nauk* [History of dandy vocabulary in Russian in the 18th–20th centuries. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow Pedagogical St. Univ. Moscow, 2003b. 16 p.
- Kholodov Ye. G. *Yazyk dramy. Ekskurs v tvorcheskuyu laboratoriyu A. N. Ostrovskogo* [The Language of Drama. Excursion into the Creative Laboratory of A. N. Ostrovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 240 p.
- Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Lakshin V. Ya. *Aleksandr Ostrovskii* [Alexander Ostrovsky]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2024. 621 p.
- Mosaleva G. V. *"Neprochitanni" A. N. Ostrovskii: poet ikonnoi Rossii* ["Unread" A. N. Ostrovsky: poet of iconic Russia]. Izhevsk, Udmurt Univ. Publ., 2014. 296 p.
- Ovchinina I. A., Khusnutdinov A. A. (eds.). *Slovar' yazyka A. N. Ostrovskogo: v 4 t.* [Dictionary of the language of A. N. Ostrovsky: in 4 vol.]. Shuya, Shuya St. Pedagogical Univ. Publ., 2012a–g. 456 p.; 343 p.; 454 p.; 440 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.

О. Р. Ростов. «Вот взгляди, каков я фронт!»: о смысловом наполнении образа Любима Торцова...
Oleg R. Rostov. "Look At Me, What a Dandy I Am!": on the Semantic Content of the Image of Lyubim Tortsov...

- Rostov O. R. ["Different Mantillas and Bilindryasis": Foreign Cultural Clothing in the Traditional Russian Language Consciousness (Based on the Plays by A. N. Ostrovsky)]. *Russkaya Rech'*, 2025, no. 5, pp. 99–112. (In Russ.)
- Uspensky G. I. [On the Run]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. T. 1. Ocherki i rasskazy. 1862–1865* [Complete Works: in 14 vol. Vol. 1. Essays and Short Stories. 1862–1865]. Moscow, Akademizdat Publ., 1952, pp. 74–90. (In Russ.)
- Uspensky L. V. *Pochemu ne inache? Ehtimologicheskii slovar' shkol'nika* [Why Not Otherwise? A Schoolchild's Etymological Dictionary]. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1967. 302 p.
- Yevgen'yeva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 800 p.
- Zhuravleva A. I. [The world of Ostrovsky's drama]. *Russkaya Rech'*, 1983, no. 2, pp. 18–24. (In Russ.)

Мифопоэтическое пространство бани в художественных текстах Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова

Светлана Анатольевна Скуридина¹, Надежда Борисовна Бугакова²,
Воронежский государственный технический университет (Россия, Воронеж), saskuridina@yandex.ru¹,
ya_witch@mail.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826060089

АННОТАЦИЯ: Архетипическая природа образа бани осмысливается в художественных произведениях писателей, являющихся представителями разных эпох. Образ бани амбивалентен: с одной стороны, это одна из мифологических границ, отделяющих мир живой от мира нечисти и мертвых, с другой — это место очищения не только тела, но и духа. Поскольку баня является местом соединения четырех стихий — огня, воды, воздуха и земли, на которой построена, она воспринимается как место перехода из одного состояния в другое, в связи с чем актуализирует такие мифологические оппозиции, как живое — мертвое, свое — чужое, духовное — телесное, сакральное — inferнальное и т. д. В статье проанализирован образ бани в художественном творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова. Отмечается, что баня для героев произведений А. П. Платонова — это место проведения гигиенических процедур (т. е. очищения непосредственно тела), место, где происходит очищение души, избавление от старой жизни, очищение героев перед вступлением в новый этап жизни; кроме того, баня представляет собой место, где возможна смена состояний жизнь/смерть, граница между которыми для А. П. Платонова отсутствует. Ф. М. Достоевский тоже рассматривает посещение бани как возможность не только соблудности

гигиену, но и поддержать здоровье, однако очищения души с последующим изменением жизни у его героев в бане не происходит.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ф. М. Достоевский, А. П. Платонов, баня, мифопоэтика, бинарные оппозиции, автобиографизм

для цитирования: Скуридина С. А., Бугакова Н. Б. Мифопоэтическое пространство бани в художественных текстах Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова // Русская речь. 2026. № 6. С. 98–110. DOI: 10.7868/S3034592826060089.

The Language of Fiction

The Mythopoeic Space of the Bathhouse in the Literary Texts of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov

Svetlana A. Skuridina¹, Nadezhda B. Bugakova², Voronezh State Technical University
(Russia, Voronezh), saskuridina@yandex.ru¹, ya_witch@mail.ru²

ABSTRACT: The archetypal nature of the image of the bathhouse is reflected in the works of fiction by writers from different eras. The image of the *banya* (bathhouse, sauna) is ambivalent: on the one hand, it is one of the mythological boundaries separating the living world from the world of evil spirits and the dead, on the other hand, it is a place of purification not only of the body, but also of the spirit. Since the *banya* is a place where the four elements — fire, water, air and earth — are connected, it is considered as a place of transition from one state to another, and therefore actualizes such mythological oppositions as living — dead, one's own — foreign, spiritual — bodily, sacred — infernal, etc. The article analyzes the image of *banya* in the artistic works of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov. It is noted that *banya* for the characters of A. P. Platonov is a place of hygienic procedures (i. e. purification of the body itself), a place where the soul is cleansed, getting rid

of the old life, cleansing the characters before entering a new stage of life. In addition, *banya* is a place where a switch from life to death is possible, the boundary between which for A. P. Platonov is blurred. F. M. Dostoevsky also considers a visit to the *banya* as an opportunity not only to observe hygiene, but also a way to maintain health and physical well-being; however, no purification of the soul with a subsequent change in the life of his characters takes place in the *banya* in his works.

KEYWORDS: F. M. Dostoevsky, A. P. Platonov, bathhouse, mythopoeitics, binary oppositions, autobiographism

FOR CITATION: Skuridina S. A., Bugakova N. B. The Mythopoeic Space of the Bathhouse in the Literary Texts of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 6. Pp. 98–110. DOI: 10.7868/S3034592826060089.

Баня, имеющая многовековую историю (первые упоминания о ней относятся еще ко временам Древней Руси), является особым пространством в русской культурной традиции, выходя за рамки простого способа поддержания гигиены. Ее значение глубоко сакрально и связано с представлениями о чистоте, исцелении души и тела, рождении новой жизни и завершении жизненного пути. В древности считалось, что посещение бани помогает избавиться от болезней и сохранить здоровье, так как вода и огонь воспринимались как священные элементы, обладающие очистительной силой. В соответствии с народными представлениями было принято ходить в баню накануне важных событий: свадьбы, родов, похорон, больших праздников, поскольку после посещения бани человек становился чище не только телом, но и душой. Образ бани вызывает интерес ученых разных направлений — культурологов, краеведов, философов, этнографов и филологов [Байбурин 1993; Желтов 2001 и др.].

В настоящей работе представлен анализ мифопоэтического пространства бани в произведениях Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова.

Образ бани в художественных текстах Ф. М. Достоевского, по мнению исследователей, связан с реальной баней, в которую водили заключенных в Омском остроге, где отбывал наказание писатель, и которая представлена в «Записках из Мертвого дома»: «...баня была по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тесная» [Достоевский 1974: 76].

Интересно, что разрешение заключенным омского острога мыться в бане было выхлопотано другом Ф. М. Достоевского — бароном Врангелем,

о чем он вспоминал как о достаточно нелегком деле: «...выхлопотать право ходить въ баню, такъ какъ до этого въ баню арестантовъ не пускали, — за неимѣніемъ достаточнаго числа солдатъ караульныхъ для наблюденія за арестантами, отправляющимися въ баню» [Врангель 1912: 75]. Ф. М. Достоевский любил сам париться в бане и считал, что необходимо водить в баню детей. В одном из писем находим слова благодарности Анне Григорьевне Достоевской: «Благодарю за письмецо, за то, что в бане были, и за известия о тебе и о детишках» [Достоевский 1986б: 35]. Безусловно, писатель знал, как в бане накаляется печь, поэтому во время своего пребывания во Флоренции сравнивал погоду этой местности с жаром русской бани: «Русск<ая> бан<я> на полке — только с этим и можно сравнить, и это день и ночь»; «вся эта громадная масса камня и аркад, занимавшая почти весь рынок, накаливалась каждый день, как печка в бане (буквально), и в этом-то воздухе мы и жили», — такое впечатление производит на него в 1869 г. Флоренция [Достоевский 1986а: 53, 57].

В русской культуре баня мыслится как одна из «многочисленных мифологических границ, отделяющих мир живой от мира потусторонних существ — божеств и мертвых» [Иванова 1996: 3]. В «Записках из Мертвого дома» баня ассоциируется у арестантов с адом: «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад» [Достоевский 1974: 76]. Так, для рассказчика баня и ад становятся синонимичными образами: «Мне пришло на ум, что если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» [Достоевский 1974: 99]. Отнесение Горянчиковым бани и ада к рядоположным понятиям не противоречит народным представлениям, в которых утверждается, что «после трех перемен посетителей в бане моются черти, лешие, овинники и сами банники. <...> Это поверье о четвертой, роковой банной “смене” распространено на Руси повсеместно» [Максимов 1989: 36]. В романе «Записки из Мертвого дома» сходство бани с адом поддерживается тем, что в бане моются преступники, являющиеся в свете христианской традиции грешниками, которые вполне за свои злодеяния после смерти могли бы попасть в преисподнюю. Как отмечает А. К. Байбурин, «материалы не только похоронного, но и других обрядов дают основание полагать, что физическая чистота (“вымытость”) является устойчивым признаком смерти» [Байбурин 1993: 107], таким образом, в результате ритуального омовения человек лишается последних признаков принадлежности живым, и перед читателем предстают уже не люди, а существа потустороннего мира, окружившие адский котел [Скуридина, Хрупин 2017: 50]. Пребывание посетителей бани вне социума манифестируется их наготой и последующим переодеванием в одежду обитателей Мертвого дома: «Достали мне, конечно за деньги, сундучок с замком, чтоб спрятать в него уже выданные

мне казенные вещи и несколько моего белья» [Достоевский 1974: 25]. В одном из писем Н. Н. Страхову Ф. М. Достоевский замечает: «Ведь был же любопытен “Мертвый дом”. А это описание своего рода ада, своего рода каторжной “бани”» [Достоевский 1985: 51].

В романе «Братья Карамазовы» Черт из кошмара Ивана рассказывает о своих банных предпочтениях: «Я здесь все ваши привычки принимаю: я в баню полюбил ходить, можешь ты это представить, и люблю с купцами и попами париться» [Достоевский 1976б: 73], а Иван рассказывает Алеше о своем удивлении, вызванном этим фактом: «Он просто черт, дрянной, мелкий черт. Он в баню ходит. Раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки, в аршин длиной, бурый...» [Достоевский 1976б: 86]. На самом деле Черт, повествующий о приобщении к традициям людей, лукавит (безусловно, Черт не может не лукавить), поскольку, как уже отмечалось выше, после людей моются в бане черти.

С баней связано и появление на свет незаконнорожденного сына Федора Павловича — лакея Смердякова: «Лизавета Смердящая, забравшись в их баню, только что родила младенца» [Достоевский 1976а: 89]. С одной стороны, Ф. М. Достоевский подходит к акту рождения традиционно: как известно, «у русских и белорусов повсеместно было принято рожать в бане, что объяснялось, в частности, необходимостью вынести “нечистый” акт родов из “чистого” жилого помещения» [Чистов 1987: 397–398]. С другой — помещая во время родов Лизавету Смердящую в баню, писатель не только нарочито снижает образ ее сына, противопоставляя его признанным детям Федора Павловича, но и предсказывает будущие события, в развитии которых особую роль сыграл факт рождения Смердякова в нечистом месте, где «не вешали икон, а идя мыться, снимали крест; вымывшись поганой водой, на воле обкатывались чистой» [Иванова 1996: 3]. «Ты всего-то из банной мокроты зародился, сказали бы ему, как говорили, ругаясь, покойники из Мертвого дома (а ведь половина, должно быть, теперь уж покойнички), когда хотели обозначить какое-нибудь бесчестное происхождение», — отмечает Ф. М. Достоевский в записной книжке относительно факта ссылки Чацкого на каторгу, если бы таковой имел место у А. С. Грибоедова [Зильберштейн, Розенблюм (ред.) 1971: 624]. Эта народная метафора реализовалась в сюжетной ситуации, когда Григорий неоднократно говорит Смердякову: «Ты разве человек, <...> ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» [Достоевский 1976а: 114], а «Смердяков, как оказалось впоследствии, никогда не мог простить ему этих слов» [Достоевский 1976а: 114]. По мнению И. Волгина, Лизавета Смердящая, «ничья не жена, движима тысячелетним инстинктом: замужня крестьянка рождает ребенка в баньке не родительского, а мужнего подворья» [Волгин 1996: 181].

В мировоззрении Свидригайлова «баня равна вечности»: «Нам вот все представляется вечность, как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, этак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» [Достоевский 1973: 221]. Как указывает И. Волгин, ассоциация *баня — вечность* могла возникнуть у Ф. М. Достоевского в связи с прочитанной им карамзинской «Историей государства Российского», где автор цитирует Ростовскую летопись: «Говорят волхвы: “Бог мывся в мовнице и вспотився, отерся ветхом, и верже с небесе на землю”», а из этой потной ветошки, по свидетельству «Повести временных лет», был сотворен человек: «И заспорил Сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, в землю идет тело, а душа к Богу» [Волгин 1996: 174]. Таким образом, «если Бог перед тем, как сотворить человека, моется в бане, тогда сама баня может выглядеть неким изначальным минус-пространством, своего рода протолабораторией творца. Баня есть обиталище Бога, иными словами вечность» [Волгин 1996: 177], но не христианская, поэтому Смердяков, возникший «из банной мокроты», связан с нечистью, особенно если учесть момент его появления сразу после похорон шестипалого ребенка Григория и Марфы Игнатьевны: обыкновенным явлением, по народным поверьям, является «подмена ребенка на чертышка, полено, веник и прочие предметы» [Иванова 1996: 3]. Григорий так комментирует факт происхождения Смердякова: «Божье дитя-сирота — всем родня, а нам с тобой подавно. Этого покойничек наш прислал, а произошел сей от бесова сына и от праведницы» [Достоевский 1976а: 93]. Таким образом, обозначается два пути для Смердякова — бесовский и праведнический: «Человек возникает из униженной и оскорбленной материи, из банной мокроты, из ветошки, в окружении духов зла. Над ним всегда довлеет угроза подмены» [Волгин 1996: 181]. Неслучайно для обозначения социального статуса Смердякова, которому Федор Павлович Карамазов сам придумывает фамилию на основе прозвища матери, вводится слово *подкидыш* [Достоевский 1976а: 93].

Карамазовская банька располагается в саду. Вероятно, списана она с реальной бани, расположенной в Чермашне; А. М. Достоевский вспоминает: «Вслед за покупкой первой деревни, Даровой, была куплена и деревня Черемошняя. В эту деревню мы очень часто хаживали по вечерам с маменькой, всем семейством. Сверх того, в Черемошне была небольшая баня, каковой в Даровой не было, и вот в эту-то баню мы почти каждую субботу хаживали всем семейством уже по утрам» [Достоевский 1990: 75]. Деревенская баня вполне могла быть с пауками и разными насекомыми,

однако на детские впечатления могли наложиться и воспоминания о многочисленных насекомых, которые доставляли неудобства писателю и его другу барону Врангелю, когда они жили в одной квартире в Семипалатинске: «Была еще приятная особенность его жилья: тараканы стаями бѣгали по столу, стѣнамъ и кровати, а лѣтомъ особенно блохи не давали покоя, какъ это бываетъ во всѣхъ песчаныхъ мѣстностяхъ», — вспоминал барон Врангель [Врангель 1912: 24].

Сад Карамазовых, обнесенный высоким и крепким забором, противопоставлен монастырскому саду, а «зловонные “ароматы” смердения, духовного гниения <...> осязали далеко за пределами забора» [Галаган 2000: 331]. Баня располагается в саду практически у забора, на границе своего и чужого пространства — недалеко от калитки (баня обычно расположена «на периферии освоенного пространства, на границе между своим и чужим» [Байбурин 1993: 91]), через которую и заходит убийца Федора Павловича, тем самым подтверждая народные представления о том, что место, где располагается баня, нечистое, «и строить на нем жилое, избу не годится» [Бобров 2013: 17]. С этим, полагаем, и связано то, что, несмотря на рождение в бане, не происходит очищения от запаха: смердела юродивая Лизавета, в связи с чем и получила прозвище *Смердящая*, смердит и ее сын с придуманной от прозвища фамилией *Смердяков*. Л. В. Карасев отмечает, что «Смердяков был поваром, то есть имел прямое отношение к запаху» [Карасев 1994: 109]. Однако приятные запахи, связанные с процессом приготовления пищи, не могут нейтрализовать «запах» духовного разложения, поскольку Смердяков — «эмблема гниения» [Карасев 1994: 109]. Многие номинации Смердякова раскрывают значение его фамилии: «иезуит смердящий» [Достоевский 1976а: 19], «смердящая шельма» [Достоевский 1976б: 51], «смердящий пес» [Достоевский 1976б: 30], «Смердящий, сын Смердящей» [Достоевский 1976б: 30]. Сам факт преступления воспринимается одним из героев романа «Братья Карамазовы» — семинаристом-карьеристом Ракитиным — через запах: «Старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас» [Достоевский 1976а: 73].

Отметим, что в Скотопригоньевске вся вода стоячая: город «пронизан канавками» [Достоевский 1976а: 160], окутан неприятным запахом застоявшейся воды: «...переулок же выходил на мостки через нашу вонючую и длинную лужу, которую у нас принято называть иногда речкой» [Достоевский 1976а: 91]. Переулок из топографического объекта превращается в романе в один из атрибутов человеческого сознания, именуемого Митей «смрадным переулком» [Достоевский 1976а: 144]. Примечательно, что не только с матерью Смердякова связан мотив источаемого смрада, но и с его возможным отцом, называемым «смрадным насекомым» [Достоевский 1976а: 366]. Таким образом, бани как очищающего

пространства, где «как бы “смывается” прошедшая жизнь, пыль, грязь, грехи и происходит своеобразное возрождение человека к новой, чистой жизни» [Власова 1995: 49], в романе «Братья Карамазовы» нет.

Обращаясь к образу бани в художественной лаборатории Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова, отметим, что история изучения диалога этих двух писателей включает в себя не так много исследований, что, вероятно, обусловлено специфическим отношением А. П. Платонова к творчеству Ф. М. Достоевского, обозначенным им в его публицистических работах. Однако в настоящее время вопрос близости художественных миров писателей активно обсуждается исследователями [Карасев 2000; Ипатова 2008 и др.].

Традиционно парка в бане осуществляется при помощи веника, изготовленного из разных пород деревьев, что связано непосредственно с регионом проживания или предпочтениями парящегося человека. На вопрос одного из героев, нет ли у кого «мочалочки», ему отвечают: «У тебя, Фуфаев, жара в голове! <...> Какая теперь тебе мочалочка? Я сам в бане хворостиной парюсь» [Платонов 2009а: 91]. В приведенном фрагменте парка хворостиной вместо веника символизирует трансформацию героев, проходящих во время такой парки через ритуальное истязание ветками; таким образом осуществляется переход в «новых» людей, которые должны строить новую жизнь в Чевенгуре. Таким образом, баня чрезвычайно важна, поскольку символизирует очищение героев перед вступлением в новый этап жизни, становясь местом, где герои готовятся к встрече с новым миром, стремясь избавиться от прошлого.

Очевидно, имея опыт посещения общественных бань, писатель полагает, что в предбаннике, где можно раздеться, отдохнуть после парки, собирается большое количество людей (ср.: в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевский указывает на то, что половина арестантов не поместилась в баню и ожидала своей очереди в «холодном предбаннике» [Достоевский 1972: 96]). Это обстоятельство позволяет А. П. Платонову сравнивать колхоз с предбанником: «В колхозе было шумно и тревожно, как в предбаннике» [Платонов 2009а: 259]. Описание ночи в повести «Котлован» напоминает описание бани: непроницаемый и тесный воздух, «в котором задышалась грудь» [Платонов 2009а: 259], вскрикивающие повсеместно бабы; в этой сцене писатель демонстрирует напряженную и беспокойную атмосферу в колхозе, где, как и в предбаннике, люди чувствуют себя некомфортно, ожидая чего-то неизвестного. Кроме того, можно говорить о промежуточном этапе создания колхоза: как, войдя в предбанник, человек еще не находится в бане, осуществляя своеобразный переход из одного состояния в другое, так и колхоз, описываемый писателем, окончательно не сформирован, и у людей возникает непонимание относительно того, как они будут жить.

Писатель упоминает традицию мыться перед большими праздниками: «Звонил колокол церкви в память праздника какого-то небольшого святого, жители шли в баню или возвращались оттуда» [Платонов 2009в: 158]. Здесь очевидны автобиографические мотивы: по признанию самого писателя, выросшего в Ямской слободе г. Воронежа, он часто слушал звуки колокола Чугунной церкви, бывшей духовным центром слободской жизни. «Колокол “Чугунной” церкви, — вспоминал Платонов, — был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я» [Платонов 2009б: 487].

Отсутствие возможности посетить баню герои А. П. Платонова переносят тяжело: «Мальчик представлял сестру с живостью всех фактов ее мучения. Она жила тогда за десять верст от гурта, в землянке у дальнего пастбища. ...доярки и Айна <...> в бане не мылись, горячего к обеду не варили и спали от работы мало» [Платонов 2009б: 197]. «Обмывшись в бане», Айна «стала смиренная» [Платонов 2009б: 197]. Персонажи А. П. Платонова нередко просят истопить им баню, например в [Платонов 2009б: 197]. Таким образом, баня для героев А. П. Платонова — место очищения не только тела, но и души.

Мытье в бане рассматривается как обряд посвящения. Так, Айдым, девочка из народа джан, живет со слепым отцом, бережет его и кормит, выполняя работу по дому; встречает гостей отца, поит их чаем и пр., т. е. несет функции жены. Назар Чагатаев совершает обмен, отправив свою мать к отцу Айдым, а Айдым забрав к себе; она «сразу начала хозяйствовать, собирать и варить траву, ловить рыбу и стряпать пищу на обед» [Платонов 2009в: 114]. Когда Чагатаев привозит Айдым в Москву, он знакомит ее с Ксенией, в которую влюблен, и Ксения ведет Айдым в баню, так как хочет помочь девочке как старшая женщина. Так писатель обращает внимание на традиции полигамных культур, где старшая жена занимает особое место, имея право осуществлять руководство в семье. Следовательно, поход Айдым в баню символизирует перемены в жизни, очищение от старого, а также обозначает ее место в жизни Назара Чагатаева.

Традиционно бани располагались на периферии жилых территорий, что, очевидно, обусловлено правилами пожарной безопасности. Однако такое расположение бань аргументируется также и соображениями ритуальной безопасности. Об этом пишет, в частности, Н. М. Теребихин, отмечая, что «в строительной обрядности восточных славян и финно-угров баня наряду с дорогами, перекрестками, воротами, могилами, заброшенными домами, источниками и т. д. входила в негативную символическую классификацию локусов геокультурного пространства» [Теребихин 2019: 141]. Помещая баню «поодаль от деревенского порядка, у самых прясел, за которыми вскоре же начинался лес» [Платонов 2009г: 110],

А. П. Платонов характеризует топос бани как знаковый, так как здесь стираются границы между миром живых и миром мертвых. Это подтверждается описанием леса, начинающегося за банькой: «Без листьев и без ветвей, обглоданный огненными битвами, похожий ныне на частокол мертвых костей, выросших из гробов» [Платонов 2009г: 110]. Герой рассматриваемого произведения, Семен Иринархович, «приютился для жизни в дворовой баньке» [Платонов 2009г: 110], очевидно, не просто так, поскольку именно в бане «в сумраке лежала на банной полке» [Платонов 2009г: 110] жена героя, которая встречает его словами: «Где ж ты все ходишь, сатана? <...> Ведь я помираю одна, хоть бы ты помнил обо мне» [Платонов 2009г: 110]. Исследователями часто отмечается соположение бани «с хтонической изнанкой, периферией — порогом сакрального, обладающего амбивалентной структурой, где выделяются области “чистого” и “нечистого”, “святости” и “скверны”, жизни и смерти, здоровья и болезни» [Теребихин 2019: 141]. Связь бани с переходом между жизнью и смертью очевидна: покойников часто омывали именно в бане, так как вода считалась символом перехода и обновления. Баня становилась пространством, где душа умершего прощается с земным бытием и готовится к новому этапу существования. Так и происходит с Семеном Иринарховичем, который, подорвавшись на mine и умирая, «лежал на полке в своей баньке, укрытый теплой ветошью. <...> Лицо у старика было уже дремлющим, утихающим» [Платонов 2009г: 114].

Примечательно, что в рассматриваемом произведении сама баня тоже может перемещаться, поскольку не имеет фундамента, стоит свободно на земле; ее «двигали с места на место воздушные удары от фугасных снарядов» [Платонов 2009г: 110], она «подвинулась с места» [Платонов 2009г: 112]. Такое описание здания, основной характеристикой которого является как раз статичность, позволяет вспомнить о том, что у А. П. Платонова особые отношения с жизнью и смертью, границы между которыми размыты (об этом см. подробнее [Бугакова 2022: 69–75]). Об этом говорит и один из персонажей, Махонин: «А смерть на войне нормально живет» [Платонов 2009г: 112].

Об отсутствии границ между жизнью и смертью говорят и размышления майора из рассказа «Среди народа (Офицер и крестьянин)»: «Майор потянулся всем телом и вздохнул в отдыхе. Все же и в этой баньке, в этой погубленной войной деревне уже зачиналась домашняя жизнь, мир и счастье» [Платонов 2009г: 113]. Несмотря на то что деревня погублена, в сохранившейся бане возрождается жизнь, таким образом, баня выступает местом, где жизнь и заканчивается, и начинается. Примечательно, что для обозначения места зарождения жизни писатель использует диминутив *банька*, демонстрируя таким образом радость

от того, что жизнь продолжается, несмотря на войну, несущую гибель и разрушение.

В некоторых случаях персонажи, посещающие баню, готовы к возможно-му переходу из жизни в смерть: один из героев, раздеваясь в бане, демонстрирует тело, от которого «осталось то, что и в могиле долго лежит: кость да волос» [Платонов 2009а: 92]. Возможны и противоположные ситуации: так, женщины в Чевенгуре стремятся избежать посещения бани, поскольку стыдятся своей худобы: «Женщины были так худы, что стыдились ходить в баню, которая, однако, была в Чевенгуре» [Платонов 2009а: 209]. Вероятно, опасения женщин вызваны еще и тем, что худоба жительницам Чевенгура представлялась болезнью, и они испытывали страх перед посещением бани, не желая возможной смерти, поскольку в бане мог бы осуществиться переход из мира живых в мир мертвых, к которому героини не готовы.

Таким образом, рассматривая творчество А. П. Платонова с точки зрения функционирования образа бани, отметим, что баня для героев произведений писателя — это место гигиенических процедур (т. е. очищения непосредственно тела), место, где происходит очищение души, избавление от старой жизни, очищение героев перед вступлением в новый этап жизни; кроме того, баня представляет собой место, где возможна смена состояний жизнь/смерть, граница между которыми для А. П. Платонова отсутствует. Ф. М. Достоевский также рассматривает посещение бани как возможность соблюдения гигиены и способ поддержания здоровья, однако очищения души с последующим изменением жизни у его героев в бане не происходит, что обусловлено сложившимся в момент написания автобиографичных «Записок из Мертвого дома» образом бани-ада, одной из трансформаций которого является баня-вечность, представленная в размышлениях Свидригайлова в романе «Преступление и наказание».

Источники

Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912. 223 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 14. Л.: Наука, 1976а. 511 с.; Т. 15. Л.: Наука, 1976б. 624 с.; Т. 29 (1). Л.: Наука, 1986а. 574 с.; Т. 29 (2). Л.: Наука, 1986б. 375 с.

Зильберштейн И. С., Розенблюм Л. М. (ред.). Литературное наследство. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. 727 с.

Платонов А. П. Собрание сочинений [в 8 тт.]. Т. 2. М.: Время, 2009а. 560 с.; Т. 3. М.: Время, 2009б. 608 с.; Т. 4. М.: Время, 2009в. 624 с.; Т. 5. М.: Время, 2009г. 544 с.

Литература

- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
- Бугакова Н. Б. Особенности вербализации бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 69–75.
- Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: ил. словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 318 с.
- Волгин И. Л. Homo substitutus: человек подмененный. Достоевский и языческий миф // Октябрь. 1996. № 3. С. 172–181.
- Галаган Г. Я. Сад Федора Павловича Карамазова // Достоевский Ф. М. Материалы и исследования / Гл. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. Т. 15. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2000. С. 327–333.
- Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. 623 с.
- Желтов А. А. Русская баня и старинный северный быт // Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 35–51.
- Иванова А. А. Банник // Русская словесность. 1996. № 2. С. 3–5.
- Ипатов С. И. «Муравейник» в социальной прогностике Платонова и Достоевского // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. СПб.: Наука, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 2008. С. 22–38.
- Карасев Л. В. Вверх и вниз (Достоевский и Платонов) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. По материалам Четвертой международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. П. Платонова. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 168–184.
- Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. 480 с.
- Скуридина С. А., Хрупин А. В. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: о специфике названия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 47–52.
- Теребихин Н. М. Топос бани в религиозной антропологии народов Северной России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 4. С. 138–146.
- Чистов К. В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 396–416.

References

- Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture: strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: a structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 237 p.

- Bugakova N. B. [Features of the verbalization of the binary opposition “Life - Death” in A. Platonov’s novel “Chevengur”]. *Aktual’nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 2022, no. 4 (47), pp. 69–75. (In Russ.)
- Chistov K. V. [Family rituals and ritual folklore]. *Etnografiya vostochnykh slavyan: Ocherki traditsionnoi kul’tury* [Ethnography of the Eastern Slavs: Essays on traditional culture]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 396–416. (In Russ.)
- Dostoevskii A. M. [From “Memories”]. *Dostoevskii F. M. v vospominaniyakh sovremennikov* [Fyodor Dostoevsky in the memoirs of his contemporaries]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 623 p.
- Galagan G. Ya. [The garden of Fyodor Pavlovich Karamazov]. *Dostoevskii F. M. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky, F. M. Materials and research]. Sh. eds. N. F. Budanova, I. D. Yakubovich. Iss. 15. St. Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, pp. 327–333. (In Russ.)
- Ipatova S. I. [“The Ant Hill” in the social forecasting of Platonov and Dostoevsky]. *Tvorchestvo Andrey Platona: Issledovaniya i materialy* [Creativity of Andrey Platonov: Research and Materials]. Saint-Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 22–38. (In Russ.)
- Ivanova A. A. [The banner]. *Russkaya slovesnost’*, 1996, no. 2, pp. 3–5. (In Russ.)
- Karasev L. V. [Up and Down (Dostoevsky and Platonov)]. “*Strana filosofov*” Andrey Platona: *problemy tvorchestva. Po materialam Chetvertoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. P. Platona*. [“The Country of philosophers” by Andrey Platonov: problems of creativity. Based on the materials of the Fourth international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Andrey Platonov]. Iss. 4. Moscow, IWLI RAS Publ., 2000, pp. 168–184. (In Russ.)
- Maksimov S. V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Unclean, unknown, and baptized power]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 480 p.
- Skuridina S. A., Khrupin A. V. [“Notes from the Dead House” by F. M. Dostoevsky: On the specificity of the title]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel’nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya*, 2017, no. 2 (25), pp. 47–52. (In Russ.)
- Terebikhin N. M. [The motif of the bathhouse in the religious anthropology of the peoples of Northern Russia]. *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki*, 2019, no. 4, pp. 138–146. (In Russ.)
- Vlasova M. N. *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii: il. slovar’* [The New ABOVEGA of Russian Superstitions: Illustrated Dictionary]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1995. 318 p.
- Volgin I. L. [Homo substitutus: the substituted man. Dostoevsky and the pagan myth]. *Oktyabr’*, 1996, no. 3, pp. 172–181. (In Russ.)
- Zhelto A. A. [Russian bathhouse and ancient northern lifestyle]. *Russkii Sever: Etnicheskaya istoriya i narodnaya kul’tura XII–XX veka* [The Russian North: Ethnic history and folk culture of the 12th – 20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 35–51. (In Russ.)

Забытая статья Д. Н. Ушакова о В. И. Дале (к 225-летию со дня рождения)

Владимир Михайлович Алпатов¹, Олег Викторович Никитин²,
Наталья Викторовна Патроева³, Институт языкознания РАН (Россия, Москва)¹,
Государственный университет просвещения (Россия, Москва)², Петрозаводский государственный
университет (Россия, Петрозаводск)³, v-alpatov@iling-ran.ru¹, olnikitin@yandex.ru², nvpatr@list.ru³

DOI: 10.7868/S3034592826060097

АННОТАЦИЯ: Публикуется с комментариями забытая научно-популярная статья Д. Н. Ушакова 1922 г. о В. И. Дале и его «Толковом словаре живого великорусского языка» с включением пропущенных при издании фрагментов по черновым заметкам ученого, хранящимся в Архиве РАН. Во вступительной статье говорится о научном интересе Д. Н. Ушакова к лексикографическому наследию В. И. Даля. Восстанавливается биографическая и филологическая траектория создания статьи. Отмечается лингвистическая преемственность далевской традиции в словарной практике Д. Н. Ушакова 1920–1930-х гг. Подчеркивается, что имя В. И. Даля в период формирования новых культурно-исторических связей 1920-х гг. было символом народной культуры и языка крестьянства. Указывается, что критика идей В. И. Даля в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова не только носила идеологический характер, но и способствовала формированию нормативных правил составления словаря и поиску оптимальных способов семантизации слов. Обращается внимание на то, что 3-е, «Бодуэновское», издание, вызвавшее критику современников, упомянуто Д. Н. Ушаковым в статье с положительной коннотацией как оригинальный лексикографический эксперимент. Говорится о культурном коде В. И. Даля в отечественной филологической традиции.

В тексте статьи особый интерес представляют наблюдения Д. Н. Ушакова над языковой личностью В. И. Даля и спецификой его лексикографической работы; заостряется внимание на выработке В. И. Далем новой «образованной речи»; обобщаются мнения современников о Словаре. В комментариях к статье объяснены основные имена и архивные детали. Публикация может быть интересна историкам языкознания и лексикографам для пополнения сведений о филологической работе ученых по изучению наследия В. И. Даля и для инициации новых архивных поисков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Д. Н. Ушаков, В. И. Даль, И. А. Бодуэн де Куртенэ, лексикография, словарь, лингвистический архив, народный язык, «Бодуэновское» издание

для цитирования: Алпатов В. М., Никитин О. В., Патроева Н. В. Забытая статья Д. Н. Ушакова о В. И. Дале (к 225-летию со дня рождения) // Русская речь. 2026. № 6. С. 111–127. DOI: 10.7868/S3034592826060097.

Science and Persons

D. N. Ushakov's Forgotten Article About V. I. Dahl (On the 225th Anniversary of His Birth)

Vladimir M. Alpatov¹, Oleg V. Nikitin², Natalia V. Patroeva³, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)¹, Federal State University of Education (Russia, Moscow)², Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk)³, v-alpatov@iling-ran.ru¹, olnikitin@yandex.ru², nvpatr@list.ru³

ABSTRACT: A forgotten popular-science article, released in 1922, by D. N. Ushakov about V. I. Dahl and his “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” is published with comments, including fragments omitted from the scientist’s draft notes from the Archive of the Russian Academy of Sciences. The introductory article examines D. N. Ushakov’s scientific

interest in the lexicographical heritage of V. I. Dahl. Biographical and philological history of the article's is reconstructed. The philological continuity of the Dahl tradition is traced in D. N. Ushakov's lexicographic practice of the 1920s–1930s. It is emphasized that the name of V. I. Dahl, during the period of forming new cultural and historical ties in the 1920s, was a symbol of folk culture and the language of the peasantry. It is noted that the criticism of V. I. Dahl's ideas in the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov was not only ideological in nature but also contributed to the normative principles of dictionary compilation and the search for optimal methods of word semantization. Attention is drawn to the fact that the 3rd "Baudouin" edition, which provoked criticism from contemporaries, is mentioned by D. N. Ushakov in the article with a positive evaluation as an original lexicographic experiment. The cultural code of V. I. Dahl in the Russian philological tradition is discussed. The article's text is of particular interest due to D. N. Ushakov's observations on V. I. Dahl's linguistic personality and the specifics of his lexicographic work; it focuses on V. I. Dahl's contribution to the development of a new "educated speech" and summarizes contemporaries' opinions about the Dictionary. The article's comments explain the key names and archival details. The publication may be of interest to historians of linguistics and lexicographers as it expands knowledge about the philological work of scholars studying V. I. Dahl's legacy and may stimulate further archival research.

KEYWORDS: D. N. Ushakov, V. I. Dahl, J. Baudouin de Courtenay, lexicography, dictionary, linguistic archive, folk language, the "Baudouin" version.

FOR CITATION: Alpatov V. M., Nikitin O. V., Patroeva N. V. D. N. Ushakov's Forgotten Article About V. I. Dahl (On the 225th Anniversary of His Birth). Russian speech = Russkaya rech'. 2026. No. 6. Pp. 111–127. DOI: 10.7868/S3034592826060097

Имя Владимира Ивановича Даля (1801–1872) уже давно стало хрестоматийным в России и вышло за границы филологии его времени. В. И. Даля цитируют политики и государственные деятели, писатели. Его изучают в школах и вузах. Он прочно вошел в пантеон национальных подвижников вместе с А. С. Пушкиным, И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским. И сейчас многим памятно слова И. С. Аксакова: «Словарь Даля — это не просто лексикон, это энциклопедия русской жизни, выраженная в словах».

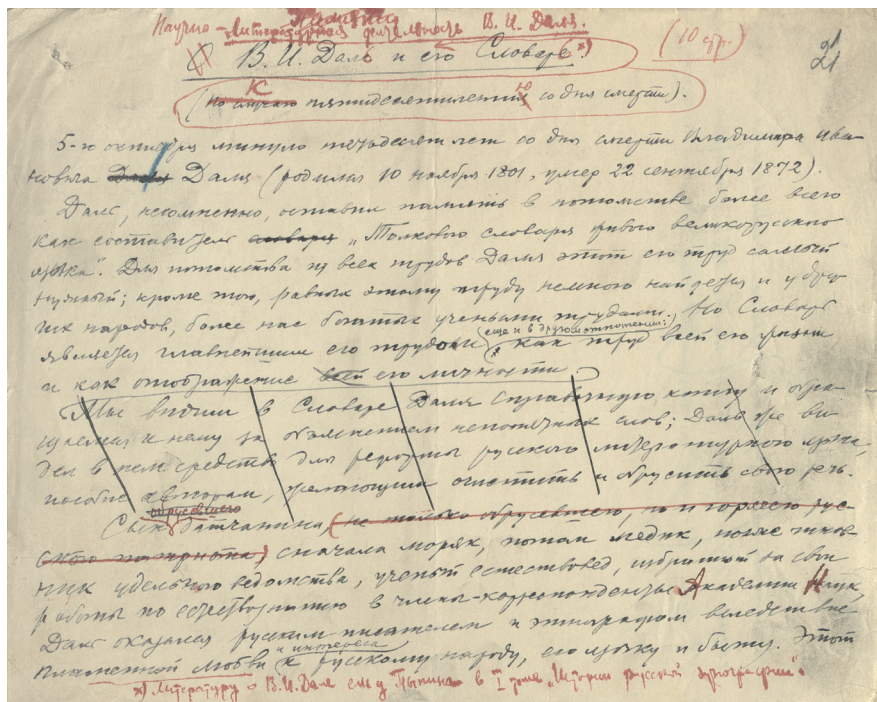
8 ноября 2023 г. Президент Российской Федерации подписал Указ «О праздновании 225-летия со дня рождения В. И. Даля», отметив выдающийся вклад ученого в отечественную и мировую культуру¹. В юбилейный 2026 год проходят памятные торжества: ученые ищут новые смыслы в имени В. И. Даля, перечитывают словарные статьи и анализируют художественные произведения, пытаются понять, в чем состоит феномен русского датчанина.

О влиянии деятельности В. И. Даля на образованное академическое общество XIX в. свидетельствует такой факт. Академик М. П. Погодин после выхода в свет 1-го издания «Толкового словаря живого великорусского языка» написал в Императорскую академию наук: «Словарь Даля кончен. Теперь русская Академия наук без Даля немислима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю. Выбывший займет первую, какая откроется, вакансию» (цит. по изд.: [Чернышев 1967: 30]). Конечно, Отделение русского языка и словесности нашло выход, и В. И. Даль избрали «без жеребьевки» единогласно почетным членом Академии наук. С этого времени началась долгая и витиеватая история его Словаря, которая к настоящему времени уже представляет собой отдельный раздел лексикографии — настолько необъятен оказался труд великого ученого, страстного собирателя народной словесной культуры.

Обращение к забытой публикации о В. И. Дале и его Словаре известного филолога Д. Н. Ушакова выглядит симптоматично, поскольку позволяет нам бросить ретроспективный взгляд на то, как оценивали духовные наследники составителя Словаря его неординарную языковую личность, какие черты его лексикографической деятельности считали ценными для осмысления научной теории и практики, с чем соглашались, а что порицали. Изменились общественные отношения и связи. Новая власть искала опору в народности и стремилась *живым* словом найти язык с крестьянством, рабочими и другими сословиями и социальными группами, которые описывал В. И. Даль в Словаре. К тому же в 1922 г. исполнилось 50 лет со дня смерти В. И. Даля, и один из самых авторитетных журналов того времени «Вестник просвещения» решил сделать подборку материалов к этой дате, чтобы и таким образом подчеркнуть актуальность имени В. И. Даля и его культурного наследия в «революционную эпоху».

Научный интерес Д. Н. Ушакова к Словарю В. И. Даля в начале 1920-х гг. был связан с его работой в 1921–1925 гг. над новым лексикографическим проектом — «Словарем современного русского литературного языка» (один из вариантов названия). Этот труд готовила группа ученых под ру-

¹ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311080009?ysclid=mu1c638ycu209846357> (дата обращения: 07.09.2026).

Д. Н. Ушаков. Даль и его словарь. Автограф.
1922 г. Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Л. 21

D. N. Ushakov. Dahl and his Dictionary. Autograph. 1922. Archive
of the Russian Academy of Sciences. Ф. 502. Inv. 1. No. 117. P. 21

ководством Д. Н. Ушакова и Л. В. Щербы при активном участии многих известных филологов — от А. Е. Грузинского до Н. Н. Дурново. Картотека данного словаря недавно была найдена в архиве Института лингвистических исследований РАН [Приемышева, Стукова 2023]. При этом для Д. Н. Ушакова как главного исполнителя и идеолога издания было важно сохранить научную лексикографическую традицию и сделать данный словарь не «советским», отражающим только реалии нового времени, но и полно представляющим историко-бытовой фон народной культуры, с включением толкований старинных слов, встречающихся в произведениях русских классических писателей и поэтов XIX в., в публицистике и разговорной речи.

Кроме этого, Д. Н. Ушаков был активным участником Общества любителей российской словесности при Московском университете. 28 января 1923 г., по архивным свидетельствам, состоялся доклад ученого, черновые заметки к которому сохранились². В них дается оценка Словаря В. И. Даля.

² Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Лл. 1–20.

Кроме этого, сохранились выписки Д. Н. Ушакова из научной литературы о В. И. Дале и его произведений, которые ученый использовал и при подготовке статьи, опубликованной в «Вестнике просвещения». Они свидетельствуют о систематической работе Д. Н. Ушакова над словарным наследием В. И. Даля именно в 1920-е гг. К тому же из числа деятельных лексикографов, которые по своим интересам были бы близки к «этнографической» линии В. И. Даля³ и понимали бы его замысел (напомним, что первые публикации ученого были связаны именно с этой областью науки, как и его книга «Остяки» (1895), опубликованная под псевдонимом Д. Турский), Д. Н. Ушаков являлся чуть ли не единственным представителем старшего поколения Общества любителей российской словесности, связанным как с культурной традицией экспериментальных авторских словарей XIX в., так и с новыми идеями Московского лингвистического кружка. Научный авторитет Д. Н. Ушакова к началу 1920-х гг. был высок и как исследователя народной речевой культуры, издавшего в соавторстве с Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915), и как нормализатора русского литературного языка — автора классического пособия «Краткое введение в науку о языке» (1913), и как лексикографа-новатора. Поэтому не случайно, что именно Д. Н. Ушаков принялся за изучение Словаря В. И. Даля, осмысление которого было ему необходимо прежде всего в практическом смысле.

В просмотренных нами архивных материалах сохранились ссылки Д. Н. Ушакова на работы В. И. Даля 1840–1860-х гг., выписки и библиографические заметки из трудов А. Н. Пыпина, биографических статей, упоминаются имена братьев Киреевских, А. Н. Афанасьева, рецензии на Словарь В. И. Даля, опубликованные в периодике 1860–1870-х гг., и др.

Имя В. И. Даля было своеобразной охранной грамотой Д. Н. Ушакова и позднее, при подготовке «Толкового словаря русского языка» под его редакцией. В «Предисловии» он вынужден был писать о В. И. Дале в духе соцреализма, что «борьба буржуазии со старой системой литературно-книжного языка вызвала к жизни» Словарь В. И. Даля, в котором «делается упор на разговорную речь — буржуазное просторечие и крестьянский язык» [Ушаков (ред.) 1935: III]. Этот дипломатический жест, наряду с упоминанием интереса В. И. Ленина к словарной работе, в какой-то мере обезопасил составителей и редактора от возможных идеологических нападков, подчеркивая *народность* Словаря В. И. Даля и его практическое значение для обычного, не «буржуазного» человека. Те же интонации звучат и в публикации 1922 г., где на первый план выдвинуты тезисы

³ Ср. наблюдение В. В. Виноградова: «Это — беспримерный в истории русской лексикографии плод героического труда великого *этнографа* (курсив наш. — В. А., О. Н., Н. П.)» [Виноградов 1941: 376].

о «народнических интересах» и говорится о возвышении ученым диалектного слова до ранга литературного. Не случайно Д. Н. Ушаков писал, что В. И. Даль хотел помочь авторам «очистить и обрусить свою литературную речь» [Ушаков 1922: 173].

Д. Н. Ушаков отметил и недостатки Словаря В. И. Даля, который «не всегда отражает то, что есть в языке, а предписывает ему нормы, стремится его изменить» [Ушаков (ред.) 1935: IV]. В частности, в «Предисловии» упоминались сочиненные В. И. Далем слова, которые «предлагаются взамен иностранных, напр. *ловкосилие* (при слове *гимнастика*), *мироколица*, *колоземица* (при *атмосфера*)...»; говорилось о замене В. И. Далем определения значения слова «сводкой разных по стилю синонимов», о противостоянии грамматической нормализации (вместо нее В. И. Даль предлагал «принцип творческого словопроизводства») [Ушаков (ред.) 1935: IV]. Отталкиваясь от этих недостатков, Д. Н. Ушаков говорил о необходимости более детального, «чем в старых академических словарях и словаре Даля», анализа «значений и оттенков значений слов» и изучения русской лексики с целью *практического употребления* [Ушаков (ред.) 1935: IV]. Д. Н. Ушаков подчеркивал, что Словарь В. И. Даля занимает «промежуточное положение между областным словарем и словарем литературного языка»⁴. И все же, делая критические замечания о Словаре В. И. Даля, ученый объективно оценил его значение и роль в истории просвещения: «Несмотря на все недостатки, словарь Даля является до настоящего времени *самым распространенным* (курсив наш. — В. А., О. Н., Н. П.) лексикографическим справочником и источником по русскому языку» [Ушаков (ред.) 1935: III]. Надо полагать, что присутствие в «Толковом словаре...» под редакцией Д. Н. Ушакова просторечных, разговорных слов, народной фразеологии — живой речи — есть непосредственное влияние далевской лексикографической традиции.

Притом что В. И. Даль был знаком с многими известными личностями XIX в., которые не вызывали восторга у советской власти своей «царской» ориентацией и традиционными взглядами на религию и государство (Н. А. Милютин, В. А. Перовский, Л. А. Перовский), он не был ею отвергнут. Его воспринимали прежде всего как собирателя народных слов, а это значило, что В. И. Даль был близок по своим настроениям к антикрепостнической теме. К тому же В. И. Ленин, по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, «читал его и высказывал свое восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка» (цит. по изд.: [Сорокина, Хренова 1976: 133]). Словарь В. И. Даля подтолкнул В. И. Ленина к идее подготовить не «областнический», а новый свод *современного* русского литературного языка.

⁴ Ср. высказывание В. В. Виноградова: «Этот словарь [В. И. Даля] был полемически противопоставлен академическим словарям» [Виноградов 1941: 375].

Значит, он оставался во многом символом народной культуры — «пролетариата». Его продолжали использовать без стеснения в учебной и научной практике. Пятое издание вышло в 1935 г. с вступительной статьей А. М. Сухотина. Затем, в 1947–1948 гг., воспроизведено вновь в типографиях Германии (sic!). И далее до 1991 г. вышло всего 9 изданий. Это были репринты и наборные тексты, источником которых являлось 2-е издание, исправленное и дополненное, с добавлениями и замечками Я. К. Грота, И. Ф. Наумова и П. В. Шейна [Бабкин 1955].

С другой стороны, Словарь уже в начале XX в. оказался в центре общественной полемики, как всегда бывает с неординарным трудом, который не укладывается в границы только одного времени и поколения⁵. Третье издание, «исправленное и значительно дополненное», как говорилось на титуле первого тома 1903 г., вышло под редакцией профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. Он пополнил словарь не менее чем 20 000 новых слов, включил и вульгарно-бранную лексику. За эти новшества редактора подвергли жесткой критике⁶. В советское время «Бодуэновский» Даль не переиздавался. Впервые репринт с 3-го издания был осуществлен в 1994 г. (см.: [Даль 1994]). Тем не менее Д. Н. Ушаков как истинный ценитель лексикографических экспериментов, понимавший сложность новаторских идей, и, возможно, лично пересекавшийся с И. А. Бодуэном де Куртенэ, не порицает и не отвергает его издание и завершает свой очерк показательной фразой: «Третье издание, того же Вольфа, 1903–1909 гг., исполнено под редакцией проф. Бодуэн[а] де Куртенэ, сохранившего далевские “гнезда”, но внесшего полезные указания, облегчающие отыскание отдельных слов»⁷. Далеvский Словарь в «Бодуэновской» версии Д. Н. Ушаков упомянул и в «Предисловии» к «Толковому словарю русского языка» [Ушаков (ред.) 1935: IV].

⁵ См. подробнее о работе И. А. Бодуэна де Куртенэ над Словарем В. И. Даля в статье В. В. Виноградова «Толковые словари русского языка». Обобщая сделанное ученым, он справедливо писал: «Можно и даже должно не соглашаться с некоторыми лексикографическими и вообще лингвистическими взглядами проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, но нельзя не признать высокой ценности его труда по редактированию, исправлению и пополнению “Толкового словаря” Даля» [Виноградов 1941: 382].

⁶ Тем не менее сам И. А. Бодуэн де Куртенэ очень тепло отзывался о Словаре В. И. Даля и отметил выдающееся значение этого издания в истории культуры. В «Предисловии к 1-му выпуску» 1903 г. ученый писал: «Словарь Даля является не только одною из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме того сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения *миросозерцания русского народа* (курсив наш. — В. А., О. Н., Н. П.). Чего только стоит одно обилие сочных и метких изречений и пословиц! Когда при чтении утомительной корректуры мне приходилось перечитывать набранные курсивом примеры, чувство скуки и недовольства сменялось просто наслаждением, — и я отдыхал и освежался. На сколько же сильнее должны быть эти приятные чувства у каждого читателя, пользующегося уже готовым словарем, без мучительной обязанности отыскивать ошибки и следить за точностью напечатанного!» [Бодуэн де Куртенэ 1994: XI].

⁷ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Л. 35.

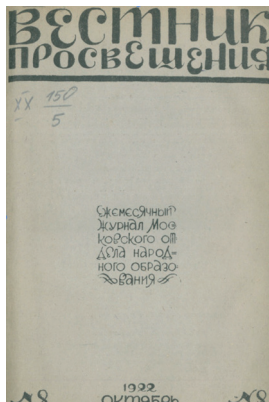
Заметим попутно, что И. А. Бодуэн де Куртенэ обосновывал введение подобных нелитературных слов тем, что они «повторяются тоже и в общеупотребительном русском языке, или, по крайней мере, в некоторых “приличных” говорах. Таких слов, как, например, *баланда* (см. между прочим, в словаре Даля) или *кот*, найдется наверно известное количество» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 162]. Парадокс, но сделанное И. А. Бодуэном де Куртенэ перевернуло представления современников о смысле этого памятника, который всегда воспринимался только в русле народной культуры в ее романтической крестьянской напевности. По сути, ученый предлагал *новые методы* словарной работы и стоял у основания сравнительно-типологической лексикографии. И. А. Бодуэн де Куртенэ не смотрел на Словарь В. И. Даля как на закосневший монумент, а видел в нем источник для свежих интересных находок и лингвистических экспериментов: «Надо только сравнить словарь “блатной музыки” с общерусским словарем, например, со словарем Даля или же со словарем Академии наук...» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 162].

В XXI в., когда ушли идеологические границы Словаря В. И. Даля, мы можем свободно *читать* эту великолепную книгу и в оригинальной «Далевской» версии, и в «Бодуэновской», и даже в «Солженицынской» [Солженицын (сост.) 1990]. Замечательны слова В. В. Виноградова: «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет вечным спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком» [Виноградов 1941: 381]. Культурный код В. И. Даля продолжает жить в отечественной филологической традиции и не перестает поражать нас разнообразием и красотой *живого* языка русского народа.

* * *

Мы придерживались следующих принципов воспроизведения текста: пунктуация была приведена в соответствие с современными нормами, там, где это допустимо, оставлены авторские знаки препинания (фамилия Бодуэн де Куртенэ, например, в тексте фамилия напечатана иначе: Бодуэн-де-Куртенэ, и без грамматического изменения формы первого слова); произведена минимальная орфографическая правка, касающаяся правописания строчных и прописных литер в названиях учреждений (так, вместо *Академия Наук* печатается *Академия наук*); разрядка заменена курсивом и в тех случаях, когда примеры не были выделены в тексте; наши вставки даются в квадратных скобках.

Статья публикуется полностью по первому и единственному изданию: [Ушаков 1922]. В надзаголовке работы напечатано: «Научно-литературная деятельность В. И. Даля. (К пятидесятилетию со дня смерти)» [Ушаков 1922: 171].

Журнал «Вестник
просвещения»
(№ 8, 1922).
Обложка

Journal "Vestnik
Prosveshcheniya"
(No. 8, 1922).
Cover

При подготовке текста к печати мы провели археографические поиски. В фонде Д. Н. Ушакова в Архиве РАН значится такой документ: «Доклад Д. Н. Ушакова в Обществе любителей российской словесности на тему "Даль" 28 января 1923 года» (автограф, 38 лл.)⁸, датированный позже опубликованной в «Вестнике просвещения» статьи. Однако внутри дела содержатся черновые заметки изданной работы с дополнениями и изменениями, не вошедшими в печатный вариант⁹. Этот лингвистический архив мы включили в печатную версию, восстановив исходный текст по автографу Д. Н. Ушакова. Рукописные вставки публикуем в квадратных скобках.

В. И. Даль и его Словарь¹⁰

5 октября минуло пятьдесят лет со дня смерти Владимира Ивановича Даля (родился 10 ноября 1801 года, умер 22 сентября 1872 года).

Даль, несомненно, оставил память в потомстве более всего как составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Для потомства из всех трудов Даля, действительно, этот его труд самый нужный; кроме того, равных этому труду немного найдется и у других народов, более богатых учеными трудами. Но «Словарь» является главнейшим его трудом еще и в другом отношении: как труд всей его жизни и как отображение всей¹¹ его личности.

[Мы видим в Словаре Даля справочную книгу и обращаемся к нему за объяснением непонятных слов; Даль же видел в нем средство для реформы русского литературного языка, пособие авторам, желающим очистить и обрусить свою речь]¹².

Сын обрусевшего датчанина [не только обрусевшего, но и горячо русско-го патриота]¹³, сначала моряк, потом медик, позже чиновник удельного ведомства, ученый естествовед, избранный за свои работы по естествознанию

⁸ См.: Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117.

⁹ Там же. Лл. 21–35.

¹⁰ Литературу о В. И. Дале см. у Пыпина в I томе «Истории русской этнографии» (примечание Д. Н. Ушакова. — В. А., О. Н., Н. П.).

¹¹ В автографе зачеркнуто.

¹² Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Л. 21.

¹³ Там же. Л. 21.

в члены-корреспонденты Академии наук, Даль оказался русским писателем и этнографом вследствие пламенной любви и интереса к русскому народу, его языку и быту. Этот интерес характерен для той эпохи, когда литература наша была в полном разгаре романтизма, этнографическая наука была еще в младенчестве, но идея народности, по выражению Пыпина¹⁴, «была разлита в воздухе: [будущие ее деятели, прежде чем сознательно воспринять ее, влеклись к ней инстинктом, — и по-французски образованный Пушкин, и по-немецки воспитавшийся Даль, и полуобразованный Сахаров¹⁵, и по-старинному учившийся Снегирев¹⁶]»¹⁷. Благодаря своему таланту и поразительному трудолюбию, Даль явился ярким и крупным представителем этого романтического народничества. Он дебютировал в литературе сказками под псевдонимом Казака Луганского, приобрел большую популярность и считался в 30[-х] и 40[-х] годах в ряду первоклассных талантов нашей литературы (таковы отзывы Пушкина, Белинского и др.); громадное трудолюбие показал он собранием пословиц (до 30 тысяч), собранием песен, сказок, поверий и проч., и, наконец, колоссальным трудом своим — «Словарем».

Из всех народнических интересов Даля на первое место выступает его интерес к живому народному языку, подогретый идеей о негодности современного ему литературного языка, который он отказывается даже «признать за русскую речь», а именует «обрусевшим латино-французско-немецко-английским»; нужно выработать новую «образованную русскую речь», для которой «источником и сокровищницей должен послужить живой народный язык». И в упреках литературному языку, и в оценке народного, как исключительного источника «образованной речи», Даль переступил меру; однако за его крайней проповедью нельзя не признать известного отрезвляющего и остерегающего значения для тех, кто способен впадать в другую крайность — излишнюю неразборчивость и пренебрежение чистотой своего языка. Убедившись сам в своей идее, он старается убедить в ней и других: и теоретически, своими горячими

¹⁴ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — этнограф и литературовед, академик Императорской АН (1898).

¹⁵ Сахаров Иван Петрович (1807–1863) — этнограф, фольклорист и палеограф. Стал известен благодаря изданию «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков, собранных И. Сахаровым» (СПб., 1836), «Песен русского народа» (СПб., 1838–1839), «Путешествий русских людей в чужие земли» (СПб., 1837) и других сочинений и фольклорных сборников.

¹⁶ Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) — историк, этнограф и фольклорист, член-корреспондент Императорской АН. Известен как исследователь народной речи и обрядовой культуры. Автор популярных в то время сочинений «Опыт рассуждения о русских пословицах» (М., 1823), «Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (М., 1831), «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1837–1839) и др. Занимался также изучением древнерусского искусства и лубочных картинок.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Л. 22.

статьями на эту тему, и практически — образцами нового письменного языка в своих литературных произведениях, изгоняя иностранные слова, заменяя их народными или даже словами собственного сочинения. [Вот хороший пример того, чего желал бы Даль: однажды он завел с Жуковским¹⁸ разговор о любимой своей теме и между прочим представил ему такой образчик двоякого способа выражения: 1) на общепринятом языке: «Казак оседлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп¹⁹ и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть»; и 2) на языке народном: «Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности его ударить». Жуковский заметил, что так можно говорить только с казаками и при том о близких им предметах.

«<...> Во всю жизнь [свою], говорит он в автобиографии, я искал случая поездить по Р[ус]и, знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень, по делу глядя, и почти с детства смесь французского с нижегородским мне была ненавистна. При недостатке книжной учености и познаний, самая жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком: служба во флоте, врачебная, гражданская, занятия ремесленные, которые я любил, — всё это [вместе] обнимало широкое поле, а с 1819 года, когда я [...] записал в Новгородской губ[ернии] дикое тогда для меня слово *замолаживает* [...] и убедился вскоре, что мы русского языка не знаем, я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов. Греч²⁰ и Пушкин горячо поддерживали это направление мое, также Гоголь, Хомяков²¹, Киреевские²², Погодин²³; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся муж[и]чества»²⁴. Кроме разъездов по России, общение с солдатами из всех местностей ее во

¹⁸ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — поэт-романтик, переводчик, литературный критик и педагог. Литературный наставник А. С. Пушкина. Действительный член Российской академии.

¹⁹ Круп — задняя часть корпуса лошади от середины спины до хвоста.

²⁰ Греч Николай Иванович (1787–1867) — писатель, издатель, переводчик и филолог. Автор популярных грамматик. Его лекции и позднее опубликованный труд «Чтения о русском языке» (ч. 1–2, СПб., 1840) оказали влияние на формирование интереса соотечественников к русскому народному языку.

²¹ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — поэт, философ и богослов, стоявший у основания славянофильства. Член-корреспондент Императорской АН.

²² Имеются в виду братья Киреевские: Иван Васильевич (1806–1856) — религиозный философ, литературный критик и публицист, и Петр Васильевич (1808–1856) — писатель, публицист и фольклорист. Они были представителями славянофильского направления. П. В. Киреевский одним из первых начал записывать народные песни, изданные впервые в трех частях в 1860–1874 гг.

²³ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, публицист, издатель, развивавший в своих трудах теорию официальной народности и панславизма. Академик Императорской АН.

²⁴ Д. Н. Ушаков в этом фрагменте цитирует «Воспоминание о В. И. Дале» [Грот 1873: 6], очевидно, по памяти, неточно. В квадратных скобках мы восстановили подлинный текст.

время походов: турецкого, польского, хивинского, которые Даль проделал в качестве военного врача, доставило ему обильный материал. В этом собирании им руководит не научный интерес, а другая, практическая мысль. Его «тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего с устной речью простого русского человека», «какое-то темное чувство отказывалось признать этот язык за русскую речь»; он постоянно сравнивает, «как говорит книжник, и как выскажет в беседе ту же доступную ему мысль человек умный, но простой, неученый», и первое для него остается²⁵ всегда на стороне последнего: «не будучи в силах уклониться от духа языка, он поневоле выражается ясно, прямо, коротко и изящно»]²⁶.

[Вопрос об отношении литературного языка к народному, так занимавший Даля, вопрос спорный, так как преобразование литературного языка создается самим обществом и народом, хотя и кажется делом писателей <...> самонадеянные притязания единоличных исправителей языка кончаются полной неудачей, и их нововведения делаются предметом смеха. Такая судьба постигла адмирала Шишкова²⁷. Конечно, народные выражения очень часто своеобразнее и удачнее литературных; недаром в них ищут средств оживления своей речи писатели, начиная с Ломоносова <...>]²⁸.

[<...> и всегда почти можно соглашаться с Далем, когда он высказывается в общей форме, но частные случаи, конкретные примеры, советы его и т. п. часто приводят в недоумение. Таково, напр<имер>, следующее его утверждение: «Сам Пушкин говорит в прозе иногда так: *обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать — он помнил расстояние, существующее между ним и бедной крестьянкой* и проч. Все это не по-русски...». Ясно, что Даль переступает меру в упреках литературной речи и преувеличивает легкость исправления ее посредством народного языка²⁹. <...> Проповедь таких мечтателей, хотя бы она была и невыполнима, может иметь известное значение, так как способна предостеречь от противоположных крайностей, в которые могут впадать писатели, слишком неразборчивые к чистоте своего языка.

²⁵ Очевидно, описка Д. Н. Ушакова. Должно быть: оставаться. Указанное слово написано над зачеркнутым «оставался».

²⁶ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Лл. 23–24.

²⁷ Шишков Александр Семенович (1754–1841) — филолог, лексикограф, военный и государственный деятель, президент Российской академии, автор знаменитого «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803) и «Славянорусского корнеслова», не опубликованного при жизни автора. Д. Н. Ушаков имеет в виду попытки переделать иностранные слова на русский лад (см. ниже по тексту).

²⁸ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Л. 26.

²⁹ В. В. Колесов замечал по этому поводу: «Сказано было в 1842 г., сегодня подобная фраза не кажется нам перелицованной с французского» [Колесов 1991: 40].

Такое значение имел для новаторов Карамзинской эпохи Шишков с его «мокроступами» (калоши). А та же горячая любовь к народному языку, которая довела Дала до романтической мечты, оставить читателя равнодушным к этому языку не может]³⁰.

[Притязание на реформу языка Даль внес и в Словарь. Отсюда его недостатки. Но в него же внес он всю свою энергию, все свои знания народного языка и быта, весь дар любви к нему. Отсюда его достоинства. Словарь в своих достоинствах и недостатках отражает личность составителя]³¹.

Ту же задачу преследовал Даль и составлением своего «Словаря».

«Толковый словарь живого великорусского языка», как назвал Даль свой «Словарь», составлен не с научной целью. Тем не менее все видят в его словаре или справочную книгу и обращаются к ней за объяснением непонятных слов, или громадное собрание слов из великорусских народных говоров, и ценят его как пособие при научных работах. Действительно, в этом именно ценность его словаря, хотя он сам менее всего считал свой труд ученым трудом, и если о чем приходится сожалеть, то только о том, что научная сторона дела не стоит на той высоте, на которую возможно было ее поставить и неспециалисту-филологу Далю. В этом отношении критика давно уже указала на желательность большей точности указаний, откуда взяты слова, и на недостаточную подчас гарантию в том, что перед нами подлинное народное слово. Для Дала же эта сторона дела второстепенная; он ставил своему словарю определенную практическую цель — дать материал авторам, желающим очистить и обрусить свою литературную речь: в словаре собраны, по его словам, слова, речи и обороты всех концов Великой Руси не для школьника и не для немца, а для любящего свой язык земляка, желающего «изучать народный язык, спознаться через него с духом родного слова» и выработать из него постепенно свой образованный язык. Поэтому прежде всего Даль старается при толковании иностранных слов дать побольше подходящих русских, как народных, так и слов собственного сочинения, старается дать материал для замены неуклюжих, по его мнению, чересчур книжных слов более краткими и меткими; примеры, в изобилии приведенные в словаре, представляют собой образчики применения во фразе рекомендуемых слов; при «бедности примеров хорошей русской речи» Даль включил в качестве примеров «все поговорки и пословицы, сколько их можно было добыть и собрать», — с тем, чтобы «иной, вникнув в этот дюжий склад речи, увидел, что тут есть чему поучиться». Даль не настаивает на безусловном включении всех приводимых им слов в письменную речь: «словарник не уставщик, а сборщик», [—] говорит он, а «читатель,

³⁰ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Лл. 28–29.

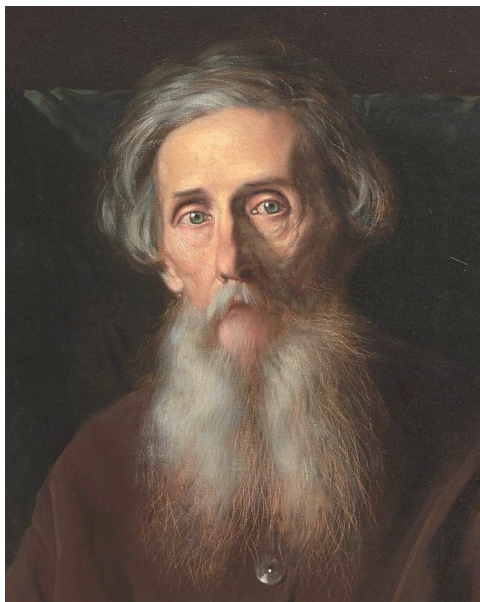
³¹ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Л. 29.

а тем паче писатель, сами разберут, что и в каком случае можно принять и включить в образованную речь»; «если предлагаемые слова не сыщут одобрения, то может быть дадут повод к отысканию других и лучших слов, и тогда цель наша, очевидно, будет достигнута»³².

Составляя свой словарь в пособие для усвоения «утраченного нами духа языка», Даль хотел дать книгу не только такую, в которой можно лишь справляться, но которую можно и читать (и его словарь действительно можно читать). Этой цели соответствует и продуманный им способ расположения слов по *гнездам*, обнимающим родственные слова. Справочным целям[,] впрочем[,] такой способ мешает, так как не всегда легко, а иногда и невозможно найти желаемое слово.

Кроме собрания массы живых народных слов, кроме сборника пословиц и поговорок, словарь заключает в себе и еще материал высочайшей ценности. Это — реальные толкования слов, относящихся к быту, нравам, обычаям, поверьям, промыслам, торговле, мореплаванию и проч.; здесь словарь является богатым собранием этнографических описаний, почерпнутых из непосредственного общения с народом и наглядного знакомства с предметами.

Трудно сказать, насколько словарь сослужил ту прямую, практическую службу, которую мечтал возложить на него автор. Но вообще в деле возбуждения интереса к народности и в деле ознакомления с ней словарь, конечно, играл и играет немалую роль.

Василий Перов.
Портрет писателя Владимира
Даля (фрагмент). 1872.
Государственная Третьяковская
галерея (Москва)

Vasily Perov.
Portrait of the writer
Vladimir Dahl (fragment).
1872. State Tretyakov
Gallery (Moscow)

³² Д. Н. Ушаков отмечал, что, «стремясь разрушить стилистические традиции старого литературно-письменного языка, Даль нередко заменяет определение значений слова сводкой разных по стилю синонимов. Точно также, относясь отрицательно к грамматике книжного языка, он выдвигает, в противовес грамматической нормализации академических словарей, принцип творческого словопроизводства» [Ушаков (ред.) 1935: IV].

Не претендуя на ученую заслугу, Даль[,] однако[,] дал своим словарем обильный материал именно для научных и учебных целей. В частности, кому не безразлично, подлинное ли народное слово перед ним или нет (а в науке это не безразлично), тот должен безусловно доверять лишь словам, напечатанным с красной строки крупным набором, так как среди таких слов, по заверению автора, сочиненных им нет. Кроме того, не следует доверяться далевским объяснениям происхождения слов: слово-производство у него как дилетанта очень слабо; к счастью, он не часто его применял, и можно пожалеть, что он не чаще от него воздерживался.

Не останавливаясь подробно, следует все-таки отметить, что, мечтая о реформе письменного языка, Даль не оставил без внимания и его внешности и употреблял особую орфографию; между прочим, подвел без под общее правило правописания приставок *воз, низ, раз* и т. д., что принято в нашем новом правописании.

В свой словарь Даль «перелил» все, что для его цели считал пригодным из напечатанных русских словарей[,] и прибавил все то, что им собрано было с юности за всю жизнь — от 70 до 80 тысяч слов (всего в словаре 223 тысячи). Свой колоссальный труд он выполнил от начала до конца один, без сотрудников и помощников.

Первые выпуски словаря появились в 1861 году. За них автору была присуждена медаль этнографическим отделом Русского географического общества. Закончен изданием в 1866 и по выходе в свет удостоен Академией наук Ломоносовской премии. Это первое издание, в 4 томах, принадлежит Обществу любителей российской словесности. Второе издание — Вольфа, в 5 выпусках, 1879 года. Третье издание, того же Вольфа, 1903–1909 гг., исполнено под редакцией проф. Бодуэн[а] де Куртенэ, сохранившего далевские «гнезда», но внесшего полезные указания, облегчающие отыскание отдельных слов³³.

Д. Ушаков

Источники

Архив РАН – Архив Российской академии наук. Ф. 502 (Дмитрий Николаевич Ушаков).

Бабкин А. М. Вступительная статья // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ГИИиНС, 1955. Т. 1. С. III–X.

Бодуэн де Куртенэ И. А. «Блатная музыка» // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 161–162.

³³ После текста синим карандашом приписано: «Внешняя история Сл<оваря>» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 117. Л. 35).

Бодуэн де Куртене И. А. Предисловие к 1-му выпуску // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: А/о Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. IV–XI.

Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Язык газеты: Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников / Под ред. Н. И. Кондакова. М.; Л.: Гос. изд-во легкой промышленности, 1941. С. 353–395.

Грот Я. К. Воспоминание о В. И. Дале (с извлечениями из его писем); Воспоминание о П. П. Пекарском. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1873. 23 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: А/о Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Солженицын А. И. (сост.). Русский словарь языкового расширения. М.: Наука, 1990. 272 с.

Сорокина В. К., Хренова М. И. Е. А. Левашов, В. П. Петушков. Ленин и словари // Русская речь. 1976. № 5. С. 132–135.

Ушаков Д. Н. В. И. Даль и его Словарь // Вестник просвещения: ежемесячный журнал Московского отдела народного образования. 1922. № 8 (октябрь). С. 171–175.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. I. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ, 1935. 1562 стб.

Чернышев В. И. О Словаре В. И. Даля // Русская речь. 1967. № 4. С. 26–34.

Литература

Колесов В. В. Язык города. М.: «Высшая школа», 1991. 192 с.

Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. О забытой картотеке неизданного «Ушаковского словаря» русского литературного языка 1920-х гг. // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 4. С. 243–260. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260.

References

Kolesov V. V. *Yazyk goroda* [The city language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1991. 192 p.
Priemysheva M. N., Stukova E. G. [On the forgotten card index of the unpublished “Ushakov’s Dictionary” of the 1920s]. *Philological Class*, 2023, vol. 28, no. 4, pp. 243–260. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260. (In Russ.).

Русская речь / Russian Speech

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Заведующая редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>

Запись о регистрации средства массовой информации
от 14 марта 2022 г. ПИ № ФС 77-82889, зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. .
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+